

В. ОСЕЕВА

ВАСЁК ТРУБАЧЁВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

ДЕТГИЗ · 1953

В. ОСЕЕВА

ВАСЁК ТРУБАЧЁВ
И ЕГО ТОВАРИЩИ

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки Г. Фитингофа

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград

Глава 1

ВСТРЕЧА

На широкую проезжую дорогу смотрят белые хаты. Окна с расписными наличниками прикрыты тонкими занавесками. Под окнами растут розовые мальвы, душистые вьюнки, в густой траве около перелазов краснеют маки, над чёрными, разогретыми солнцем вишнями кричат и ссорятся воробьи. А позади белых хат, понизу за огородами, за цветистым лугом, кружит быстрая речка. За рекой синеют густые леса. На лугу лениво пасутся колхозные коровы, истомлённые жарой, сытной пищей и надоедными слепнями. По дру-

гую сторону села — богатые колхозные поля. Тёплый ветер доносит оттуда медовый запах цветущей гречи, лёгкий шум дозревающей пшеницы.

Солнце перевалило за полдень. У колхозного сарая девчата и хлопцы складывают под навес сено. У плетня старые деды раскуривают трубки и мирно беседуют меж собой:

— В подбор сено идёт...

— Погода подходящая...

— В самый раз для уборки.

В волосах у девчат путаются сухие стебли, забираются за воротники, щекочут шеи.

Председатель колхоза Степан Ильич мнёт в ладонях душистый пучок сухой травы и жадно вдыхает её запах:

— Богатые корма для скотины!

По улице пробегают с граблями девчата.

— Эй, девчата! — окликает их Степан Ильич. — Повыше от реки скирды складывайте, где я указал!

— Добре! — звенят с улицы молодые голоса.

Степан Ильич смотрит на небо, поглаживает широкой ладонью бритые щёки. Праздничная, расшитая васильками рубашка ловко сидит на его статной фигуре; воротник туго охватывает загорелую шею. Голубые глаза щурятся от солнца.

— Разодела тебя, Степан Ильич, жинка, как на свадьбу! — шутят над ним старики.

Степан Ильич смущённо оглядывает себя, осторожно снимает с рубашки сухой стебелёк и улыбается широкой, простодушной улыбкой, показывая ровные белые зубы:

— Верно, что разодела! К сенокосу вышивала, а тут ещё и московских гостей ждём!

Старики улыбаются:

— Ребята наши до свету встали да за Игнатом в Ярыжки бегали!

— Ну, ясно! Большой интерес для них: московские пионеры!

— Сейчас должны прибыть, — скручивая папиросу, говорит Степан Ильич.

Во двор вбегает босоногий подросток:

— Дядя Степан! Вас до сельрады кличут!

— Добре. Иду сейчас. — Степан Ильич крупно шагает к воротам.

— Степан Ильич! Бригадир спрашивает, какое ваше распоряжение будет насчёт луговины. Сегодня там починать косить или завтра? — окликает председателя дивчина в красной косынке и синей подоткнутой юбке.

— Сегодня, сегодня починайте, пока погода стоит!

На улице, толкая друг дружку, скачут ребятишки. Щупленький дед суетливо пробегает мимо.

— Дед Михайло, не видно москвичей? — спрашивают деда ребята.

— Нема ще.

— Поезд на станции уж давно гудел!

— Гудеть-то гудел, да дорога не ближняя.

На улице показываются возы, доверху нагруженные сеном.

— Стой! Стой! Заверни один воз до школы! Заверни, говорю, председатель приказал! — машет рукой дед Михайло.

В колхозе «Червоны зирки» ждут гостей.

В председателевой хате жарко. Мать Степана Ильича, баба Ивга, вытаскивает из печи дымящийся чугун, вычерпывает друшлаком горячие вареники. Тёмное, сухое лицо её с чёрными бро-

вями раскраснелось. Аккуратно подобранные под очипок гладкие волосы, подёрнутые сединой, блестят, как намазанные маслом.

— А где ж то наш Степан? И весь народ на поле, некому будет и встретить приезжих, — беспокоится она. — Татьяна! Беги за холодцом, уже не рано! Беги, голубко моя!

Татьяна, председателева жена, хватает полотенце и бежит в погреб. Разогретая солнцем земля жарко припекает её босые ноги.

Степан Ильич быстрым шагом идёт к своей хате:

— Поторапливайся, жинка, поторапливайся! Время!

На широком лице Степана Ильича блестят капельки пота, он расстёгивает воротник и вытирает платком шею.

— Ой, Стёпа, так же некрасиво!

Татьяна на ходу застёгивает мужу воротник, оправляет ему рубашку.

— Да жарко же, — покорно говорит он, подхватывая на руки выбежавшего из хаты маленького белобрысого хлопчика. — А ну, Жорка, садись на плечи, да пойдём до ворот, сынок! Глянем на дорогу, не едут ли гости из Москвы.

* * *

С утра сидели у околицы колхозные пионеры, купая в пыли босые ноги и прикрыв от солнца глаза. Трижды успели они сбегать к реке, прежде чем ветер донёс до них звонкую песню и из-за леса вынырнул грузовик с широким, полыхающим, как пламя, пионерским знаменем...

— Едут! Едут!

— Бежим на село!

— Выходьте с хаты! — врываясь во двор Степана Ильича, кричали ребята. — Живо! Бо воны вже туточки!

— Встречают! Встречают! — волновались в машине приезжие. — Митя! Нам как, Митя?

— Знамя выше! Девочки, знамя поднимайте! Ребята, подъезжаем! — кричал Васёк Трубачёв, придерживая разлетающийся рыжий чуб. — Пойте громче!

Сергей Николаевич поднял шляпу и, стоя в машине, замахал ею над головой.

— Ура! Ура! — дружно вырвалось за его спиной.

На улице, у хаты председателя колхоза, быстро собралась толпа встречающих.

Грузовик остановился. Оттуда, как горох, посыпались ребята, хватаясь за протянутые к ним руки.

— Доехали!

— Здоровеньки булы!

— Доехали, голубята мои!

Степан Ильич заторопился навстречу, но женщины опередили его.

Высокая, прямая баба Ивга быстро поправила на голове нарядный очипок. Татьяна засуетилась около грузовика.

— Здравствуйте, голубята мои! — выступая вперёд и кланяясь, сказала баба Ивга. — С приездом вас, дорогие гости!

— С приездом! С приездом! — весело кричали ребятишки, пропуская наконец вперёд Степана Ильича.

— Здорово, здорово, дорогие гости! Окружили вас со всех сторон, никак не дают человеку

поздороваться! — добродушно смеялся Степан Ильич, пожимая руку учителю.

Николай Григорьевич растроганно говорил старикам:

— Земляки мы... Вот добрался я до своей родины... Добрался всё-таки...

Ребята, сбившись в кучку, весело оглядывались вокруг. Откуда-то сбоку с громким барабанным боем неожиданно двинулся к ним отряд колхозных пионеров.

— Здорово, товарищи́! — оглушительно рявкнул из строя белоголовый Федька Гузь.

— Здорово! — прокатилось за ним.

Барабанщик, стиснув зубы, яростно бил в барабан.

— Тихо, ты! — крикнул на него хлопчик в пиджаке и шапке-кубанке. — Тихо, ты! Дай слово сказать!

Игнат Тарасюк сдвинул на ухо кубанку и выступил вперёд.

— Построиться! — шепнул своим ребятам Трубачёв.

Ребята поспешно стали в строй.

Всё стихло...

Васёк вышел навстречу колхозным пионерам и отдал салют.

— Привет от Москвы! — горячо и взволнованно крикнул он.

— Привет от колхоза «Червоны зирки»! — отдавая салют, с достоинством ответил ему Игнат Тарасюк.

Ребята пожали друг другу руки.

— Будем знакомы! — важно сказал Игнат, поднимая густые, сросшиеся брови, оглядел Васька и вдруг, не удержавшись, с удоволь-

ствием шлёпнул его по спине крепкой ладонью: — Бачь, який ты! Московский!

Отряды зашумели, смешались. Ребята быстро знакомились, не обращая внимания на взрослых.

Решено было двинуться к школе, выгрузить вещи, привести себя в порядок.

— Девочки, девочки, как тут хорошо! — радовалась Нюра Синицына. — Я ни за что отсюда не уеду! Ни за что! Хоть насильно меня тащи!

Ребята направились к школе.

Валя Степанова шла по краю дороги, срывала ромашки и о чём-то расспрашивала колхозных пионеров. Лида Зорина, подпрыгивая, убежала вперёд. Мальчики старались держаться солидно: Одинцов с кем-то спорил, что-то горячо доказывая, а Петька Русаков с любопытством оглядывал жёлтое поле подсолнухов и тихонько толкал Мазина:

— Подсолнухов-то! Подсолнухов! Вот где полакомимся!

— Ладно уж, — ворчал на него Мазин. — Что за характер у тебя, Петька! Ведь в гости приехали. Сдерживайся всё-таки.

Трубачёв и Булгаков разговаривали с Игнатом.

— Вон где будете жить! — гордо сказал Игнат, снимая с головы свою кубанку. — Смотрите — это наша школа!

* * *

В середине села, на высоком пригорке, неподвижно стоят строгие, прямые тополя. Под ними краснеет черепичная крыша новой, выкрашенной в голубую краску школы.

На собрании колхозников решено было покрасить школу весёлым цветом, чтоб «дитя до неи бигло краще, як до дому». И теперь школа была видна далеко с дороги.

«Як дивчина на празднике», — шутили колхозники и, объясняя кому-нибудь дорогу, говорили:

— Як дойдете до школы...

Или:

— Як минуете школу...

Сторожем при школе поставили деда Михайла. Там он и жил со своим внуком Генкой в маленькой белой мазанке.

Этим летом привезли в школу столы и парты. Из района ждали новых учителей. А прошлые зимы ребята из колхоза «Червоны зирки» бегали учиться в соседнее село Ярыжки, к учительнице Марине Ивановне.

— В Ярыжках школа четырёхклассная, а это семилетка, понятно? И участок нам отвели при школе. Будем свой сад сажать, — объяснял Игнат.

Дед Михайло отворил ворота. Ребята с шумом вбежали на широкое, гостеприимное крыльцо школы. В классах было светло и прохладно, пахло краской и свежим тёсом, на полу лежало душистое сено.

— Ребята! Занимайте себе класс! Чур, это наш! Смотрите — пятый! Это наш! — кричали девочки.

Мальчики осматривали сложенные в углу парты. Игнат, присев на корточки, прижимал ладонь к крашеному полу и с гордостью говорил:

— Вот краска! Только недавно покрасили, а ничуть не прилипает! И блестит, как зеркало!

— Живо, живо, ребята! Нас хозяева с обе-

дом ждут. Потом всё разглядим, — торопил Митя.

Наскоро умывшись и пригладив волосы, ребята вернулись во двор председателя колхоза. Под тенью деревьев уже был поставлен длинный стол, покрытый чистым, выбеленным холстом. Чашки с синими ободками, расписные глиняные миски и тугие букеты цветов украшали стол. От чугуна с красным украинским борщом поднимался душистый пар. Из-под вышитых полотенец виднелись румяные пере́пички и поляны́ци; на варениках, величиною с добрый кулак, таял сахарный песок. Хлопотливые пчёлы кружились над кушаньями. Под столом, сладко зевая в ожидании пиршества, улеглись сбежавшиеся отовсюду псы. Они шевелили холст, высовывали изпод стола чёрные носы, беспокойно принюхивались к запахам. Колхозные ребятишки отгоняли их длинными ветками:

— А куды! А куды!

Ребята шумно и весело размещались за столом вперемешку с колхозными пионерами.

— Сюда, сюда, Василь! Около меня садись! — тянул Трубачёва Игнат. — Садись, садись!

Сева Малютин очутился рядом с барабанщиком.

— Девочки, девочки! Идите к нам! — звали Лида и Валя новых подружек.

— Да вы ж гости... мы после...

— Нет, вместе, вместе!

Федька Гузь таращил серые глаза на Мазина и, согнув в локте руку, показывал ему свои мускулы:

— А ну, потрогай! Бачишь? Як камень!

Мазин крепко сжимал Федькины мускулы.

— Стой, стой! Ух, и сила ж в тебе! — искренне восхищался Федька.

Баба Ивга весело и радушно угощала ребят:

— Ешьте, ешьте, мои голубята! Ешьте на доброе здоровьичко!

Сергей Николаевич и Митя сидели на другом конце стола и оживлённо беседовали с председателем. Татьяна налила им мёду. Сергей Николаевич встал, поднял кружку и что-то сказал. Ребята в шуме не расслышали его слов, но громко захлопали. Тогда Степан Ильич вышел из-за стола, пригладил усы и тоже поднял свою кружку:

— А ну, выпьем за московских пионеров! Налейте-ка им медку, мамо! Чтоб росли да поднимались, як дубы могучи, як соколы вольны, комсомолу на подмогу, нам на радость!

Баба Ивга налила ребятам мёду. Ребята встали, смутились:

— Трубачёв, выступи! Выступи!

— Одинцов, Булгаков, что же вы? — зашептали девочки. — Отвечайте же!

— Митя! — пискнул кто-то.

Сергей Николаевич улыбнулся. Митя кивал ребятам:

— Ну, отвечайте! Что же вы? Трубачёв!

У Васька загорелись уши. Он взмахнул кружкой, мёд плеснулся на голову Мазина. Мазин вытер ладонью мокрые волосы и сердито сказал:

— Да говори, что ли, а то обливаешь только людей!

Общий хохот заглушил его слова.

Трубачёв тоже засмеялся и уже без смущения громко сказал:

— Обещаем вам вырасти хорошими людьми, хорошо учиться, помогать взрослым и... — Он запнулся и горячо закончил: — Спасибо вам за всё!

Все захлопали, зашумели.

Степан Ильич вдруг взглянул на небо и заспешил:

— Как бы туча не набежала... Ну, дорогие гости, пейте, ешьте, веселитесь, а мы пошли. Время горячее — сенокос идёт. Ещё успеем и повидаться и наговориться! Угощайте ребят, мамо, а мы с Татьяной на луг пойдём.

Веселье продолжалось ещё долго.

С песнями и шутками до самой школы провожали своих гостей сельские пионеры.

Глава 2

НА НОВОСЕЛЬЕ

Утром, плотно позавтракав, девочки принялись устраиваться на новоселье.

— Ребята, разгружайте коридор! Мы своё уже всё убрали. Тащите мешки! — командовала Лида Зорина, заправляя под косынку мокрые косички. Они с Нюрой Синицыной уже успели сбегать на речку и выкупаться.

— А, хитрюшки! Вы уже выкупались, а нас работать заставляете! — кричали, бегая по двору, мальчики. — Мы тоже хотим купаться!

Лёня Белкин схватил ведро и, зачерпнув кружкой воду, погнался за товарищами:

— Кто хочет купаться? Подставляй голову!

— Мазину жарко!

— Нет, Одинцову! Петьке!

Белкин наскочил с ведром на Мазина. Оба упали, вода пролилась, ведро с грохотом покатилось по ступенькам. На шум выскочила Нюра Синицына:

— Бессовестные! Что вы делаете? Нам новое ведро дали, а вы его по ступенькам катаете!

Она подняла ведро и стала разглядывать его на свет.

Белкин, хромая, поднялся на ноги:

— Тебе ведро жалко, а человека не жалко!

— Хватит баловаться! Пошли в класс порядок наводить! — крикнул Саша Булгаков.

В классе лежало не убранное с ночи сено. Петька Русаков уже сгрёб его в кучу и развалился наверху.

Мазин с размаху шлёпнулся ему на спину:

— Мала куча! Мала куча!

Ребята навалились друг на друга. Сено полетело во все стороны. Лёня Белкин стал на четвереньки и с целой копной на спине вылез в коридор.

— Вам что, сено на один раз дали, что ли? — напали на ребят девочки.

— Убирайтесь отсюда сейчас же! — размахивая полотенцем, кричала Лида Зорина.

— Как не стыдно! Ведь этим коров кормят, а вы ногами топчете!

— Уходите отсюда!

— А вы не командуйте здесь! Какие командирши приехали!

— Повязали себе косыночки и воображают!

— Ребята! Сергей Николаевич идёт! — крикнул Одинцов.

— Собирайте сено!

— Ага! Испугались! Вот вам будет сейчас! — поддразнили их девочки.

Сергей Николаевич вошёл в класс:

— Что тут у вас происходит?

— Да ничего... Работаем, Сергей Николаевич! — скромно отозвался Мазин, как ни в чём не бывало собирая в охапку сено.

— Ой, работают! — всплеснула руками Синицына.

— Что, попадает вам от девочек? — усмехнулся Сергей Николаевич и, подойдя к куче сена, с удовольствием уселся на неё. — Хорошо! Люблю я на сене поваляться! Удивительно пахучие здесь травы! Мне всю ночь снился мёд. Интересно, от каких это цветов пахнет мёдом?.. А ну-ка, попробуем разобраться в этом гербарии! — Он положил на колени пучок сухой травы и осторожно отделил сморщенный сиреневый цветок. — Вот это, например...

Ребята со всех сторон полезли смотреть:

— Это клевер! Клевер!

— А вот полевая гвоздика! И мелкая ромашка... Смотрите, Сергей Николаевич, ромашка!

— А вот это — травка «степное сердце», она может всю зиму стоять.

— А вот мята! Я мяту нашёл! Эх, и пахнет! Понюхайте, Сергей Николаевич! — протягивая засохший стебель мяты учителю, радовался Малютин. — Мята на сырых местах растёт, — это, верно, около реки косили траву.

Все по очереди понюхали мяту, разглядели выгоревший от солнца василёк, сморщенные копытки, увядший цветочек смолки.

В коридоре послышались шаги Мити.

— Что это так тихо у вас? Я думал — все

купаться ушли, — сказал Митя, заглядывая в комнату.

— Какое купанье! Мы ещё не убрались. Везде беспорядок. А что у ребят делается!

— Что у нас делается? Ничего не делается! — запротестовали ребята.

— Вот в том-то и дело, что ничего не делается! — засмеялся учитель. — У нас с вами, Митя, тоже ещё никакого уюта нет. Придётся вступить в соревнование с мальчиками.

Трубачёв вскочил:

— Ребята! На соревнование с Сергеем Николаевичем и Митей!

— А с нами? Сергей Николаевич, с нами! — запрыгали девочки.

— Ну, с вами мы не берёмся! Мы уж с мальчиками лучше... Как вы думаете, Митя, а? — спросил учитель.

— Да уж с девочками насчёт уюта лучше не спорить, Сергей Николаевич. Обязательно проиграем!

Девочки лукаво поглядывали на них:

— Да мы вам всё сами сделаем, только вы лучше уйдите пока куда-нибудь.

— Ну нет! Это не годится, — запротестовал Сергей Николаевич. — У вас свои дела, а у нас свои.

Все принялись за работу.

Прежде всего девочки устроили уголок для отца учителя. Они подружились с ним ещё в поезде и, бегая по всему вагону, часто заглядывали в купе учителя. Николай Григорьевич играл с ребятами в шахматы и радовался, выигрывая партию. Один раз, когда выиграл Мазин, старик очень огорчился:

— Эх, разбил ты меня... старость не радость.

Ребята напали на Мазина:

— Ты что! Не мог проиграть? Как тебе не стыдно! Не маленький, кажется.

Мазин, почёсывая затылок, недовольно сопел:

— Он тоже не маленький...

В школе девочки выбрали для Николая Григорьевича солнечный класс, перенесли туда его вещи, поставили букетик цветов. У себя в классе они расположились совсем по-домашнему: откуда-то появились у них стенное зеркальце, корзинка с иголками и нитками и даже занавеска.

У мальчиков в углу валялись удочки, сетки, футбольный мяч и вещевые мешки. Эти вещи они перетаскивали с места на место, пока не вмешались девочки и не помогли им привести всё в порядок. Школа ожила.

Во дворе вертелись колхозные ребята, спрашивали, не надо ли чего. Пятилетний Жорка прыгал на одной ножке и кувыркался на траве.

После обеда мальчики натягивали волейбольную сетку, Федька Гузь вместе с Мазиным надували футбольный мяч, девочки сбегали на луг и притащили пышные букеты цветов, кто-то разбирал рыболовные снасти, а Игнат Тарасюк деловито расхаживал по двору, давал советы, а потом, засучив рукава, мастерил около крыльца скамейку.

— А ну, сядем все разом! Выдержит она нас или нет? А то я ещё колья забью. Садись, хлопцы! — приглашал он улыбаясь.

Улыбка у Игната была очень добрая и сразу смягчала строгое выражение лица, которое придавали ему густые, сросшиеся брови.

После трудового, хлопотливого дня, когда все ребята собрались во дворе школы, на крыльцо, прихрамывая и держась за перила, вышел отец учителя.

— Эх, хорошо вечерком посидеть на крылечке! — сказал он, присаживаясь на ступеньки и глядя вокруг. — Славные места... Молодость вспоминается. Много тут дорожек было нами исхожено... Много и крови пролито... Славный вояка был мой Матвеич, да и я на силу не жаловался: одной рукой подкову гнул. Эх, Матвеич! Товарищ мой! Тяжко пострадал он в гражданскую... В голову ранен был... Два дня мы с ним в болоте скрывались...

— А что, дедушка Николай Григорьевич, не наш ли это Иван Матвеич, что пасекой колхозной заведует? — с интересом спросил Игнат.

— Он, он! — оживился Николай Григорьевич. — Вот я к нему и поеду! А далеко ли до пасеки?

— Далеко. Отсюда не увидишь. Если по шоссе идти — километров двенадцать будет, а как снимут пшеницу, так напрямки, полем, — поменьше. Красивые места эти... Таких мест нигде нету... Пасека над рекой стоит, вся вишеньем поросла. Зайдёшь весной к Ивану Матвеичу — и уходить не хочется... Падают на плечи белые квитки, поют пчёлы, а река — плеск-плеск! — рыбку за рыбкой подгоняет...

Ребята слушали Игната не прерывая. Сергей Николаевич и Митя подсели на крыльцо.

Мягкие сумерки уже давно окутали село, и в хатах горели огоньки.

Глава 3

КОСТЁР

На другой день вместе с колхозными ребятами было решено устроить пионерский костёр.

— Мы расскажем им о нашей жизни, а они нам о своей, — говорил Митя. — Васёк Трубачёв и Игнат Тарасюк познакомят ребят с работой своих отрядов. Найдётся много интересного и у них и у нас.

Ребята заволновались:

— Трубачёв, подготовься хорошенько! Не подведи!

— Это не шутка, — мрачно сказал Мазин. — У них тут работы много. Как бы они нас не перетянули... Ты смотри обдумай, что будешь говорить.

— Ты как-нибудь красиво расскажи, ну там... то, другое... — скашивая глаза на Митю, заметил Петька.

— Иди ты ещё! — рассердился Одинцов. — «То, другое»... Надо честно говорить, напрямки!

— А вдруг у них лучше окажется? Ведь мы свою школу подведём!

— Надо было раньше думать! — отрезала Синицына. — А то как дошло до дела, так испугались!

— Кто испугался? Кто испугался? — напали на неё ребята. — Сама ты испугалась!

Лида Зорина вместе с Валей Степановой спешно записывали всё, что делало их звено, как работали кружки в школе, сколько вышло газет.

— Они у нас что-нибудь переймут, а мы — у них, вот и будет хорошо, — серьёзно сказал Сева.

Васёк, окружённый со всех сторон, молча хмурил брови. Потом решительно сказал:

— Как было, так и расскажу!

Ребята успокоились:

— Ничего, Трубачёв не подведёт!

Мазин покусал нижнюю губу, посчитал что-то по пальцам и внушительно посоветовал:

— Начинай с маленького, с мизинчика, понял? А самый козырь на конец прибереги, понял?

Лёня Белкин припомнил, как Мазин, получив плохую отметку, пошёл в буфет и сразу десять котлет съел.

— Это ты на конец прибереги, Трубачёв! — хохотали ребята. — Вот и будет у нас козырь!

Мазин махнул рукой:

— Эх, жизнь! Съел человек от огорчения, а они смеются!

— Ну, что вы там расшумелись? — прикрикнул издали Митя. — Желающие выступать в самодеятельности — записывайтесь заранее!

Ребята начали записываться.

Девочки обещали сплясать русскую; набралось много желающих прочесть стихи; Одинцов вызвался рассказать про деда Щукаря — отрывок из книги «Поднятая целина». Программа оказалась большой.

— Ну, вот и набралось кое-что. А ещё и хо-

зяева нас чем-нибудь порадуют, — говорил Митя, пряча в карман записную книжку.

Митя вообще чувствовал себя хорошо. Всё его радовало: здоровый, бодрый вид ребят, новые места, гостеприимные колхозники.

Радовался Митя и тому, что за дорогу он как-то незаметно сдружился с Сергеем Николаевичем, и тому, что уже сделано главное — всем родителям разосланы телеграммы о благополучном прибытии на место, а в школу отправлено коллективное письмо с описанием встречи с колхозниками «Червоны зирки».

Впереди ожидало много интересного: весёлый отдых, работа вместе с колхозниками. Но это был большой план на будущее, а пока они с Сергеем Николаевичем решили дать ребятам хорошенько оглядеться, познакомить их с колхозом и устроить поход с почёвкой в лесу.

«В общем, всё будет хорошо! Просто замечательно!» — радовался Митя.

До вечера ребята бегали, советовались, репетировали. У Синицыной горели щёки, она подходила то к одному, то к другому:

— Девочки! Только бы не осрамиться, только бы не осрамиться! Пойте изо всех сил!

— Как это — изо всех сил? Не придумывай! Пой как надо! — строго говорила Валя.

— Конечно. А то затянем козлиными голосами...

— Всю Москву осрамим!

— Только ты, Мазин, не пой, пожалуйста! У тебя очень плохой голос, — предупреждала Лида Зорина.

— Спою! — заупрямился Мазин. — В хоре не слышно будет, кто как поёт.

Игнат Тарасюк тоже собрал свой отряд и вывел его в рощу, чтоб подальше от москвичей, на свободе, прорепетировать.

— А может, они наши песни не понимают? — беспокоился Федька Гузь.

— А что тут понимать? Песня, она и без слов — песня. А ну, ребята, зачинайте легонько ту, что в школе разучивали... Федька! Чего шею вытянул, как тот гусак... Кому говорю — легонько зачинай!

Игнат поднял вверх тоненький прутик. Ребята, не сводя с него глаз, затянули песню.

Игнат вдохновенно раскачивался, водил по воздуху прутиком, как дирижёрской палочкой.

— А теперь поднимайте голос... А ну, а ну? Павло, давай втору... Вступай, вступай...

* * *

Когда стемнело, на лужке за школой собралось всё село. Вылезли из хат старики и старухи, не усидели и молодицы — вышли с грудными детьми на руках. Принарядились девчата и хлопцы. Из села Ярыжки пришла молоденькая учительница Марина Ивановна.

— Сюда, сюда, Марина Ивановна! Ближе садитесь, тут местечко вам есть! — крикнул Игнат, подвигая к костру бревно.

Учительница села. Колхозные ребята со всех сторон тесно облепили её.

— Хорошая у них учительница! — прошептала Валя Степанова на ухо Синицыной.

Мазин, услышав её шопот, недовольно пробурчал:

— Ничего особенного. Наш Сергей Николае-

вич лучше. — И, растолкав ребят, освободил место рядом с Мариной Ивановной для учителя.

Из темноты послышался голос Степана Ильича:

— Ого! Да тут всё товарищество собралось! Вот мы сейчас и познакомимся получше и повеселимся вместе. — Он бросил на траву свой пиджак, уселся поудобнее и, взглянув на Марину Ивановну, усмехнулся. — А около учительницы никогда пусто место не бывает: где учительница — там и школа!

— А где колхоз — там и председатель! — засмеялась Марина Ивановна.

— А мы тоже около Сергея Николаевича всегда! У нас тоже школа! — закричали приезжие.

Пионерский костёр начался торжественно.

Оба отряда построились в линейки.

— Костёр посвящается первому знакомству и дружбе пионеров Москвы с пионерами колхоза «Червоны зирки»! — громко объявил Митя.

Честь зажигать костёр выпала на долю Саши Булгакова. Он с волнением поднёс спичку к сухой ёлке. По жёлтым иглам пробежал быстрый огонёк, и ёлка вспыхнула, с треском рассыпая вокруг золотые искры.

— «Широка страна моя родная...» — дружно запели ребята.

Взрослые весело подхватили знакомую песню. Когда всё смолкло, Митя сказал короткое приветствие. Закончил он его так:

— Широка наша страна родная, а куда ни поедешь — везде ты свой человек. Вот мы к вам в гости приехали, и вы нас приняли, как родных!

— А мы и есть родные!

— У всех одна родина — Советский Союз!

Завязалась беседа. Колхозники наперебой расспрашивали о Москве.

— Москва наша с каждым днём растёт и украшается, — сказал Сергей Николаевич. — Иногда проходишь по улице и видишь — забор стоит какой-то. За забором экскаваторы работают, грузовики рычат, растёт этаж за этажом. А снимут забор — и ахнешь! Стоит перед тобой дворец — глаз не отвести! Как в сказке!

— А мы под самой Москвой живём, на электричке туда ездим...—мечтательно сказала Лида.

— У нас городок тоже хороший! У нас и театр свой, и кино, и школ много! — зашумели ребята.

— Расскажите про нашу школу! — неожиданно попросил учителя Мазин.

— Ну что же я буду рассказывать! Вы сами про свою школу расскажите.

Ребята зашевелились, зашептались:

— Одинцов! Одинцов! Нет, Зорина! Лида! Зорина! Расскажи!

Лида Зорина встала.

— У нас очень хорошая школа... — бойко начала она.

— Самая лучшая!.. Замечательная школа!.. У нас все учителя хорошие и директор хороший! — перебивая Зорину, закричали ребята.

Мазин подбросил в костёр ветку и встал:

— Наша школа на весь Советский Союз, может быть, одна... У нас знаете как учат — ого! Чего не знаешь, так хоть в класс не ходи! Например, географию...

— Из нашей школы уже герои вышли! — крикнула Синицына.

— У нас второгодников почти нет!

Учительница Марина Ивановна крепко пожала руку Сергею Николаевичу, глаза её при ярком свете костра влажно блестели:

— Школа, которую так любят ребята, — хорошая школа, нам всем это очень радостно слышать!

Игнат Тарасюк сдвинул набок кубанку и встал:

— Оно, конечно, каждому своё... Я скажу, что наша школа лучше, а вы будете говорить, что ваша лучше... Ну, так это может и ссора получиться. А так как вы у нас гости, то всё ж таки неудобно будет...

Ребята всполошились, приготовились к отпору, но Митя предложил Тарасюку и Трубачёву рассказать о работе их отрядов. Игнат, не спеша и не волнуясь, рассказал, как работал его отряд в школе, как помогает он в колхозе. Колхозники с удовольствием подтверждали его слова короткими замечаниями. Потом выступил Васёк. Спокойствие Игната передалось и ему. Он рассказывал не торопясь и зорко следил за тем, чтоб не перехвалиться. Под конец сказал:

— А теперь мы будем вместе работать в вашем колхозе!

— Вместе — это хорошо! — одобрительно кивнул Игнат.

Жорка, задремавший было на коленях матери, вдруг вскочил:

— Гармонь! Гармонь идёт!

Все зашевелились, раздвинулись. Мазин и Саша подбросили в костёр сухих веток. В отблесках пламени нежно зарумянились берёзы, высоко взлетевшие искры осветили кудрявую листву дуба.

Из темноты вышла баба Ивга и подала Степану Ильичу гармонь:

— Играй, Стёпа! Нехай гости нашу музыку послушают.

Степан Ильич встал, широко развернул гармонь, склонил набок голову и пробежал пальцами по жёлтым, истёртым ладам.

Гармонь тихо, протяжно вздохнула, запела что-то грустное и нежное... Пела для всех, а слышалось каждому, что поёт она только для него. Вспоминалось что-то хорошее, дорогое, своё...

Лида Зорина молча прижималась к плечу новой подружки. Васёк вспомнил вдруг отцовский галстук, съезжавший на сторону, тёплые большие руки отца... Сева Малютин, глядя в пламя костра, откуда-то издалека услышал голос матери, как будто не гармонь, а она пела что-то своему сыну. Саша, посадив на колени толстого хлопчика, гладил его по голове и шептал ему на ухо, пытаясь говорить по-украински:

— А у меня дома такие, як ты, людыны тоже есть.

В глубокой, тёмной вышине ярко светились звёзды. В ответ на гармонь в лесу тихо защёлкали соловьи, и по овсу, словно на цыпочках, прошёл ветер.

Степан Ильич взглянул на лица, освещённые пламенем костра, усмехнулся и заиграл гопак.

Молоденькая учительница встала, приглашая девчат и хлопцев.

Плясали попарно и в одиночку; один танцор сменялся другим.

— Татьяна! Татьяна! — вызывали развеселившиеся колхозники.

— Да не буду я! Нехай кто другой спляшет! — смеясь, упиралась Татьяна.

Степан Ильич, крепко прижимая к себе гармонь, кивнул головой жене:

— Выходи, Татьянка!

Татьяна вдруг сорвалась с места, ударила в ладоши и пошла в пляс. Отсвет от костра играл на её оживлённом лице, под чёрными круглыми бровями задорно блестели глаза.

— «Гоп, кума, не журися, туды-сюды повернися!» — подпевала она в такт музыке.

Татьяне хлопали долго, вызывали её ещё, но она, смеясь, схватила на руки сына и спрятала за ним разгоревшееся лицо.

— Она больше не будет плясать, — обнимая мать, объявил Жорка. — Ось я за́раз! — Он вырвался из рук матери и под бойкий плясовой мотив, кувыркнувшись в траве, болтнул в воздухе босыми пятками. — Эй, московские! Дывиться! От як я мо́жу! Гоп, гоп, гоп! — Он высоко подпрыгнул и упал на траву. — Эй, московские!

Кто-то из женщин дал ему легонько шлепка. Ребята хохотали до слёз. Потом девочки сплясали русскую, Одинцов смешил рассказами, Белкин показывал фокусы.

Учительница Марина Ивановна подсела поближе к костру, протянула над огнём руки и задушевно, тихо запела:

...Полюшко-поле,
Полюшко, широко поле...

Ребята дружно подхватили припев знакомой песни:

Ехали да по полю герои,
Эх, да Красной Армии герои...

Наконец, усталые и довольные, все разошлись.

В ушах у ребят долго ещё звучали песни, музыка и бойкий голос хлопчика: «Эй, московские!.. От як я мо́жу! Гоп, гоп, гоп!»

Глава 4

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

ЖИЗНЬ НАШЕГО ОТРЯДА

19 июня 1941 г.

Засекаю время — 21 ч. 05 м.

Вчера Митя сказал, что пора начинать вести дневник, только теперь он будет называться не «Жизнь нашего класса», как было в школе́, а «Жизнь нашего отряда», а если жизнь — значит, всё, что есть, то и писать. Нам всем это очень понравилось, и мы сначала решили писать по очереди, а потом все ребята сказали, чтобы писал я один. «Одинцов, — говорят, — лучше всех умеет писать». Я, конечно, говорил: «Нет, нет, все умеют!» А Нюра Синицына и тут выскочила: «Конечно, все умеют, почему один Коля Одинцов?» Подумаешь, какое её дело во всё вмешиваться! Всё равно ребята меня назначили.

Вообще лучше бы Нюрка поменьше воображала, а то как приехали, так и пошла командовать. Вчера собрала все тапочки и спрятала. «Можно, — говорит, — и босиком ходить, тут тепло!» Подумаешь! Нам родители купили, а она распоряжается. Я раньше и сам хотел босиком бегать, а тут назло ей взял да и надел. Теперь из-за неё ногам жарко.

Больше с ней ни в какую республику не поеду!

А здорово тут гостить! Наша жизнь идёт хорошо. Все три дня мы только и делали, что веселились. По-украински это называется «гуляли». Вчера выступали у костра, никто не боялся, и всё сошло хорошо. Ребята довольны. Митя — тоже. А Сергей Николаевич ходит с нами купаться, шутит — говорит, что здесь уж, так и быть, он нам волю даст, а в школе подтянет.

А сегодня мы ходили в село Ярыжки. Было жарко, девчонки немного раскисли. Ярыжки всё-таки далеко: туда ребята из нашего колхоза зимой бегают в школу по реке. В Ярыжках хороший клуб — его построили комсомольцы. Заведующий клубом тоже комсомолец. Его фамилия Коноплянко. Он такой тихий, сутулый, лицо бледное, а глаза голубые-голубые. Митя взял да подарил ему свою самопишущую ручку. Чудной... Сам её на дорогу купил и в вагоне всё нам показывал.

Марина Ивановна тоже комсомолка. Игнат говорит, что она ещё почище нашего учителя: кого хочет, того и подтянет.

А когда мы шли по селу, нам показали старую сгоревшую конюшню. А дед Михайло и рассказал, что в прошлом году весной ударила тут молния в дуб, и загорелась конюшня, а старшие все на поле были. Так его внук Гена всех лошадей вывел, а одного жеребца сильно опалило, и Гена за ним ухаживал.

Вот так Гена! Сейчас этого Гену послали на МТС зачем-то.

А Игнат сам из Ярыжек. У него там родители.

Мы в клубе всем пионерам подарки раздавали: книжки, шёлковые галстуки и Севину картину им подарили. А они посмотрели и говорят: «Хорошая картина про героев». И Севу похвалили.

Комсомольцы из Ярыжек все на лесозаготовки уехали, остались только Коноплянко да учительница. Они с Митей и с Сергеем Николаевичем составили какой-то обоюдный план. Завтра на сборе будем обсуждать. Петька Русаков уже всё подглядел — говорит: «Сначала в поход пойдём, а потом будем вместе с их пионерами помогать во всяких работах».

Сегодня Мазин поймал рогатого жука, привязал его на верёвочку и забросил в окошко к девочкам. Девочки такой визг подняли, что мы думали — нам попадёт из-за них. А потом Сева этого жука взял у Мазина для своей коллекции. Сева всё с альбомом ходит, рисует и ловит всяких жуков. Даже к обеду сегодня опоздал!

А дедушка Николай Григорьевич торопится на пасеку, там у него верный товарищ живёт — тоже, безусловно, старый. А ещё мы пойдём в гости к сестре учителя, Оксане Николаевне, в другой колхоз.

Так и будем всё гулять да гулять. Как-то потом за парты сядем!

Дядя Степан нам всем очень нравится, он очень партийный председатель, и колхоз у него богатый — скот такой, что когда идёт по улице, так земля дрожит. А баба Ивга — мать Степана Ильича — какая-то и ласковая и строгая, её все слушаются. Дядя Степан без её совета ничего не делает. А что ж тут такого? Она ему мать. Татьяна у него тоже хорошая, весёлая. А лучше всех

Жорка. Вот боевой парень! Да смешной! Баба Ивга сшила ему длинные штаны на помочах и застёгивает на одну пуговицу на животе. Так он пришёл к нам и говорит: «Я бабины тии штаны на городи закопаю, бо воны мини на пятки наступають!»

Сейчас свой дневник кончаю, а то уже поздно. Митя стучит в стенку, чтоб ложились.

Глава 5

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

— Ну, и чего?

— Ну, и ничего! Тогда побачишь!

— Чудак ты!

Васёк засмеялся, соскочил с гнедого жеребца и бросил поводья сердитому мальчишке в засученных выше колен штанах и в вышитой рубашке:

— Получай своего коня! Да брось злиться! А славный жеребец! — с видом знатока добавил он, поглаживая золотистую чёлку лошади. — Молодой ещё. Сколько ему?

— Сколько б ни было́, так, без разрешенья, не имеешь права брать! — отрезал хлопчик, вскидывая одну бровь и глядя на Васька всё ещё сердитыми глазами. — Я его воспитываю, понял?

— Понял, — озадаченно протянул Васёк, помогая хлопчику вытащить из хвоста лошади колючки. — Да ты, может быть, Михайлов внук, Гена? — вдруг догадался он.

— Может быть, и Гена. Ну, и чего?

— Да ничего. Я про тебя слышал... Так это ты его из конюшни вывел, когда пожар был? —

с живостью спросил Васёк, окидывая взглядом крепкую, как лесной орех, голову Генки с тёмными завитками на ушах, тонкую загорелую шею и босые ноги. — Так это ты?

— Я.

— Молодец!

Генка усмехнулся, прищурил один глаз и миролюбиво спросил:

— А ты що, московский?

— Да, мы живём недалеко от Москвы... Мы к вам в гости приехали. В школе остановились... А ты что же... где живёшь?

Генка поднял голову и задумчиво поглядел на верхушки деревьев:

— А я так... где пошлют... А сейчас до деда вертаюсь.

— А у тебя, кроме деда, никого нет?

— Никого.

Васёк глубоко вздохнул:

— У меня тоже матери нет.

— То, мабуть, плохо, — равнодушно сказал Генка, погладил лошадь и вдруг весело улыбнулся: — У меня дед бедовый!

Оба помолчали.

— Ты мне вот что скажи, — неожиданно обратился к Ваську Генка: — ты же недалеко от товарища Сталина живёшь... — Карие глаза его загорелись. — Ну, як он там?

— Что «як»?

— Ну, вообще... Поживае як? Бачив ты его?

Васёк стал с жаром рассказывать, как в праздник проходит по Красной площади демонстрация и как он однажды прошёл близко-близко от трибуны и видел товарища Сталина так, как сейчас видит Генку...

Это была мечта. На демонстрации в Москве Трубачёвы были только один раз и шли в колонне железнодорожников довольно далеко от трибуны. Но Васёк, увлёкшись, повторял:

— Совсем-совсем близко, ну прямо вот так...

Он протягивал руку, касаясь Генкиной рубашки. А Генка жадно и завистливо слушал его, кивая головой и радостно вскидывая бровями.

— Ну, слухай... А трибуна? То ж высокó, мабуть? — неожиданно спросил он, что-то соображая.

— Ну да! Это, конечно, высоко всё-таки... — покраснел Васёк. — Я так, к примеру, ведь рассказываю... Мы же не одни были... Там народу тьма-тьмущая. Все хотят поближе пройти!

— Это верно... Каждому хочется... Из всех республик идут и едут... Только я ещё и одного разу не ездил! — с огорчением сказал Генка.

— Поедешь ещё, — утешил его Васёк.

— Это верно, что поеду, — вздохнул Генка, снимая с жеребца уздечку и разглаживая на его лбу чёлку. — Сяду на Гнедкá и... геть!

Он засмеялся и, пригнув морду коня, прижался к ней щекой. Жеребец тихонько заржал, чёрными губами пощекотал Генкину шею и шумно вздохнул ему в ухо.

Васёк протянул руку и погладил Гнедого.

— Ох ты, хороший! Глазищи-то какие! — с восторгом сказал он и, нагнувшись, сорвал пучок свежей травы. — Нá, ешь!

Жеребец, лениво выбирая, понюхал траву.

— Баловной! — сказал Генка с гордостью. — Ишь, перебирает! — Он легонько шлёпнул жеребца по спине: — Ну, скачи в луговину!

Конь понятливо тряхнул гривой и, обмахиваясь хвостом, пошёл прочь.

Генка сел на траву, обхватил руками коленки и, покусывая травинку, о чём-то задумался.

Васёк опустился рядом и, опираясь на локоть, смотрел вслед коню.

Гнедой шёл, раздвигая высокую, густую траву, иногда останавливаясь и поворачивая назад свою умную, красивую голову.

В зелёных берегах плескалась река. Над головами мальчиков с шумом и писком пролетали птицы.

Васёк опрокинулся на спину и глядел, как по небу плывут и плывут куда-то пушистые белые облака.

— Ты вот чего... Слухай! Возьми меня в Москву, а? — тихонько тронул его за плечо Генка.

Васёк растерянно пригладил свой чуб и сел.

Глаза у Генки заблестели, он облизнул языком сухие, тёмные губы.

— Чуешь? У меня одна думка есть. Хочется мне до Лысенко дойти, поучиться у него. Земля меня любит, и рука у меня на работу лёгкая. Я бы всю мичуринскую науку переннял... — Генка вскочил, вытащил из-за пояса аккуратно обёрнутую газетой книжку, послюнил палец и торопливо стал листать страницы. — Вот, смотри, что люди делают. Дивись! Это что по-твоему? Слива? Нет, хлопче, то вишня! А черёмуху розовую пробовал? Нет?

— Чёрную ел... — припомнил Васёк.

— Чёрную? Ту, что рот вяжет... верно? А то розовая, гибридная. — Генка провёл пальцем по строчке: — Читай! «Даёт... замечательно

красивые розовые сладкие ягоды... годные для варений... и конди... тер... ских...»

— Кондитерских изделий, — подсказал Васёк.

— Кондитерских — то нехай. То хто як хоче... Тут самое главное что? А то, что человек до такого дела додумался! Вот где работа так работа! — Он любовно погладил книжку, заткнул её за пояс и торжествующе сказал: — Вот туда меня Лысенко и пошлёт учиться!

— Так тебя и отсюда послать могут!

— Нет! — Генка понизил голос: — Тут одна загвоздка есть. Я кончил четыре класса в этом году, понял?

— Ну?

— А нужно семилетку, понял? Иначе меня к Лысенко не пошлют. Вот я и хочу, чтоб Лысенко меня сам к себе назначил!

Васёк покачал головой:

— Ну нет! Без семилетки у нас никуда не назначают. Ни одного человека теперь нет, чтоб школу не кончил!

Генка хлопнул по траве рукой и отвернулся. Васёк придвинулся к нему и обнял его за плечи:

— А ты чего же так спешишь? Учись!

— Эге! Здоро́во, кума! Стара песня! — сердито усмехнулся Генка, стряхивая с плеча руку Васька. — Ты что думаешь, это ты первый мне сказал? Эге! Уж до тебя и Марина Ивановна то самое говорила и дядя Степан: учись, да и всё! Я же с тобой, как с человеком, говорю! Мне практика нужна! Я арифметику и так пройду. Я способный, как чорт! И упрямство у меня такое, что никто меня переупрямить не может. Что задумал, то сделаю! А другой раз и сам своему

упрямству не рад. — Генка вдруг что-то вспомнил и нахмурился. — В эту зиму захотел я на лыжах научиться. А у нас мало кто ходит, больше на коньках бегаем. Ну, раз так мне в голову пришло, я съездил в район, достал себе лыжи и двинул с ними на речку. Ан, смотрю, не так-то просто научиться! То одна лыжа на другую наедет, то обе в сугроб врежутся. Нет, думаю себе, не пойдёт так моё дело! Встал утром, взял кусок хлеба с салом, лыжи подмышку, да и в поле! А с поля — в лес! Заночевал на хуторе — и опять за своё. Два дня домой не заявлялся! Ходил, ходил... То мокрый стану, то обмёрзну весь, а всё хожу... — Генка ударил кулаком по коленке. — Аж пока не выучился!

— Два дня! Ого! А дома-то не искали тебя?

— Как не искали! Целая история была! — Генка легонько свистнул. — Марина Ивановна всех ребят подняла. Сама ходила меня искать, дядя Степан на Гнедом ездил по лесу. Один дед дома сидел. Дед хитрый! Он мою натуру знает. Зато когда я пришёл, вызвали нас с дедом и говорят ему: «Стыдно тебе, дед, что хлопец у тебя такой самовольный растёт! Мы его, как сироту, жалели, а он всех на ноги поднял да школу два дня пропустил...» Чуть не заплакал мой дед!

— Ну, а ты что?

— А я что? Я знал, зачем ходил... — Генка выплюнул изо рта травинку и засмеялся. Смех у него был чистый, звонкий, заливчатый.

— Ну тебя! — невольно улыбнулся Васёк, не видя ничего смешного во всей этой истории.

— Нет, ты слухай... Вот пришли мы с дедом до дому, он мне и говорит: «Ты упрямый, но я тоже упрямый. Я, каже, в бога не верую, но

який-нибудь чорт обязательно есть. Вот он в тебе и сидит!» Дывлюсь: взял мой дед верёвку, накрутил её на руку да подступает ко мне...

— Ну?

— Ну що... Вдарил меня один раз, а у самого руки трясутся, аж жалко мне его стало. «На що, кажу, деду, вы себя перетомляете, вы ж, кажу, старый. Мне-то ничего, а с вас может и дух вон!»

Васёк встал:

— Да ты что же, издеваешься тут над всеми, что ли?

— Ни! Я не издеваюсь! Я ничуть не издеваюсь! — запротестовал Генка.

— Да с тебя бы за это надо галстук снять! — твёрдо сказал Васёк.

— Галстук снять? — Генка перестал смеяться, пристально поглядел в глаза Трубачёву, потом скучно улыбнулся. — Догадливый ты... Может, что другое придумал бы... а галстук с меня и без тебя сняли... за мою дисциплину...

Васёк машинально погладил на груди свой галстук.

— Надо заслужить, — сказал он, уже с сочувствием глядя на Генку.

Но Генка молча приклеивал листы подорожника к своим коричневым, блестящим от загара ногам.

— Эй, слухай! — вдруг подмигнул он Ваську и, оглянувшись, зашептал: — Что-то один ваш хлопчик с какой-то жестянкой лазит и срисовывает всё?

— Срисовывает? Малютин, верно. Какой он из себя?

— Да такой какой-то... — Генка вытянул

шею, широко раскрыл глаза, устремил их вдаль и стал что-то быстро-быстро рисовать пальцем на ладони.

Васёк подпрыгнул и хлопнул себя по коленкам:

— Малютин! Малютин! Вот здорово! — Он поперхнулся от смеха. — Ой, не могу! Малютин!

— Да стой! Тихо! Ты мне скажи: а чего он такой? Просто интересный хлопец. Очень он мне понравился!

— Ну, ещё бы! Он у нас художник! — похвалился Васёк.

— А... — вскидывая брови, протянул Генка. — Художник! Я тоже за ним это заметил. А ещё... Он каждую малую травку разглядывает, каждого жучка от так легонько берёт да распрямляет его... — Генка подул на руку и нежно сказал: — А ведь оно живое... Хиба ж ты ему крылья звяжешь, як воно летыть...

Генка старался говорить по-русски, но незаметно для себя пересыпал свою речь певучими украинскими словами. Васёк с интересом слушал его.

— Воно ж живое, — повторил Генка.

Глаза у него посветлели, он всё ещё держал протянутой свою ладонь и улыбался.

В кустах громко заржал Гнедой. Мальчики оглянулись. Жеребец лёг на спину и стал кататься по траве.

— На дождь, — пояснил Генка, щуря на солнце глаза.

— Плохо, — с сожалением сказал Васёк. — Я дождь не люблю.

— А то наплевать, что ты не любишь. Дождя треба. Нехай отавы растут. Мы траву по два ра-

за косим. У нас земля... — Генка нагнулся, вырвал с корнем пучок травы, растёр на ладони комочек чёрной земли, — як масло! Дывись, чи такая у вас земля, як у нас?

Васёк внимательно посмотрел на Генкину ладонь, силясь припомнить, какая земля под Москвой. Но в памяти его почему-то вставали аккуратно подстриженные городские клумбы.

— Такой земли, як у нас, нигде не найдёшь!

Генка выпрямился, медленно повернул голову, окинул взглядом цветистый луг, речку, далёкое желтеющее поле, лес и с гордостью сказал:

— Вот она, наша земля!

* * *

— А я с Генкой познакомился! — сказал за обедом Васёк. — Чудной парень. Просто особенный какой-то! Ему наш Малютин понравился.

— Я? — удивился Сева. — Почему это? Да я его и не видел.

— Зато он видел! Как ты рисуешь и как жуков разглядываешь. Здорово он тебя передразнивает!

— Передразнивает? — Сева нахмурился.

— Нет, ты не думай! Он не в плохом смысле. Он по-хорошему! Это такой парень...

Васёк рассказал про свою встречу с Генкой. Ребята слушали с любопытством.

— Да вот он придёт скоро, сами увидите. Эх, такой парень — и без галстука! — с огорчением вздохнул Васёк.

— Значит, провинился! — с уверенностью сказал Одинцов. — Иначе не наказали бы. Тут все хорошие!

Мазин сморщил лоб и недовольно засопел:

— Эх, вы! Чуть что — галстук снимать с человека!

— А ты как думаешь? Дисциплина так дисциплина, а то всех распустить можно! Заслужит Генка — вернут ему галстук.

Саша покачал головой:

— Надо разобраться. У Генки ни отца, ни матери нет. Может, его обижают?

— Ну нет! Кто его обижает! Наоборот. Игнат говорил, что его избаловали все, и дядя Степан даже. А конюх ему Гнедого в любое время даёт, уж об этом на собрании один раз ставили вопрос. Кто его обидит! — с жаром сказал Васёк.

— Игнат ещё говорил, что Генке всякие поручения доверяют, и на работу он мастер, руки у него золотые. Галстук он свой заслужит, как только начнётся работа в огороде или в поле. Я у Игната всё расспросил! — сообщил Петька Русаков.

Ребята долго не могли уснуть после обеда. Они вскакивали, заглядывали в окно — не пришёл ли Михайлов внук. Но на школьном дворе было тихо.

Из окна была видна хата деда Михайла.

Дед Михайло обычно спал на свежем воздухе под навесом, варил на железной печке обед и, сидя перед огнём на скамеечке, сапожничал.

Рядом с навесом низкая дверь вела в хату-мазанку с глиняным, крепко убитым полом и с русской печью. Под окошком стояли стол и скамья, выкрашенные в коричневую краску. Новая кепка и школьная сумка с тетрадями висели в углу, рядом с расшитым полотенцем. На подоконнике стояла чернильница. Над ней жужжали

и бились мухи, падали в чернила и, отяжелев, ползли по стеклу, оставляя за собой чёрный след.

Днём Михайло суетился по двору: что-то прибирал, приколачивал, вступал в разговоры с ребятами и, подняв острую бородку, разглядывал их живыми, весёлыми глазами. Потом вдруг, словно что-то вспомнив, мелкими шажками бежал под свой навес и, не добежав до него, останавливался посреди двора, к чему-то прислушиваясь. Видимо, он привык к неожиданным появлениям внука и всегда ждал его.

Теперь Михайло сидел перед печкой и чистил картошку, сбрасывая на пол кожуру.

— Может, Генка своего Гнедого потерял да ищет в лесу, — поглядывая в окошко, гадали ребята.

Глава 6

В КОЛХОЗЕ

— Пшеница у нас уродилась — чистое золото! — Степан Ильич осторожно срывал колос, большими тёмными пальцами вылущивал жёлтые крупные зёрна и клал их на широкую ладонь. — Вот посмотрите... Это новый сорт. «Кооператорка». Мы с ней опыт делали — из озимой в яровую переводили, по Лысенко. Может, слыхали?

Ребята лезли со всех сторон — посмотреть на сорванный колос, на тучные зёрна пшеницы.

— Ого! Вот она как, булка-то, растет! — просунув голову, серьёзно сказал Мазин.

— А Мазин не видал, только едал, — сострил Одинцов.

— У вас всё кругом пшеница? — оглядывая поле, спросила Валя.

— А вот подождите, пойдём и на гречу... а там далее овёс начнётся, до самого леса... Мне как раз туда заглянуть надо...

Степан Ильич шагал по дороге, вёл ребят по узеньким стёжкам. Освещённые солнцем, желтели поля пшеницы, розовела греча, и отливали сизым цветом густые овсы. Вдалеке по лугу без устали ходила сенокосилка, оставляя за собой ровные ряды срезанной травы. Люди казались издали маленькими. Цветные платки и вышитые рубашки мелькали пёстрыми пятнышками; под умелыми, ловкими руками колхозников росли огромные, как дома, стога. Где-то слышалась дружная песня, красиво выделялась втора, и девичий голос, заканчивающий песню на высокой ноте, долго звенел в чистом летнем воздухе...

— Здóрово, ребята, правда? — ахала Нюра Синицына.

— А работают как... ого! — восхищались ребята.

— А у нас иначе нельзя. Выдалась погода, начался покос — все на луг! А то как пойдут дожди — беда! Сопреет сено и погибнет, чем тогда скотину кормить? — пояснил Степан Ильич.

— А когда же они обедают? Так целый день без еды и работают? — спросила Надя Глушкова.

— Как — без еды? У нас на стану поварихи для всех обед варят. Там и пообедают, там и отдохнут в холодке, там и газету почитают.

— Добрый вечер! — пробегая мимо с граблями на плече, торопливо здоровались колхозницы.

Лица у них были потные и горячие от солнца, руки до локтей исколоты сеном.

— Эй, дивчина! — окликнул одну из них Степан Ильич. — Скажи там, чтоб вечерком кузнец ко мне зашёл, чуешь?.. А вот интересно вам ещё новую молотилку нашу посмотреть, — снова обратился он к ребятам. — Я её на Сельскохозяйственной выставке облюбовал. Она у меня тоже москвичка, можно сказать...

Он начал рассказывать, как работает молотилка.

— Пойдёмте на молотилку! — просили ребята.

— Молотилку я вам потом покажу, а сейчас на скотный двор заглянем мимоходом.

На скотном дворе их встретила доярка Христина; она была в белом халате и показалась ребятам докторшей. Доярка что-то шепнула Степану Ильичу, и он сразу пошёл за ней, махнув рукой Мите, чтоб ребята подождали на дворе.

— Она ему сказала, что корова Горлинка отелилась и что у неё хорошенький бычок родился! Я слышала! — запрыгала Лида Зорина.

— Митя! Сергей Николаевич! Пойдёмте смотреть! — пристали ребята.

Но Сергей Николаевич остановил их:

— Тише! Тише! Во-первых, тут шуметь не разрешается, а насчёт новорождённого — это как хозяева хотят. У них тут свои правила. Подождём Степана Ильича и разглядим пока постройки. Видите, какие у них хоромы для коров настроены!

Скотный двор был огорожен бревенчатым забором. Посередине стояло длинное кирпичное здание с маленькими окошками и большой

дверью. Ребята заглянули в окно; внутри помещение было разделено перегородками. В каждом стойле лежала свежая подстилка из соломы. Наверху на дощечках были написаны имена коров: «Волюшка», «Бурёнка», «Беляночка»...

— Подождите! Ну, чего все вместе лезете! — ворчал Мазин, отгоняя ребят. — Пустят нас — тогда и посмотрим.

Степан Ильич, весело улыбаясь, выглянул из коровника.

— Оставил я вас... Доярка меня вызвала — телёночка посмотреть, — сказал он, широко открывая дверь и проходя вперёд. — Ну вот, здесь у нас высокоудойные коровы помещаются. Сейчас они, конечно, на пастбище... Вот посмотрите, тут у каждой свой график есть: сколько она даёт молока, какой жирности.

— А телёночка покажете? — забегая вперёд, спросила Надя Глушкова.

— Телёночка, телёночка, Степан Ильич! — запросили ребята.

— Всё, всё покажем, хоть и не полагается у нас новорождённых смотреть. Ну, да что с вами делать! Раз так интересуетесь — пойдём. Малыши у нас в изоляторе помещаются.

Он повёл ребят в небольшую светлую пристройку. Она была похожа на первое здание, только меньше и казалась уютным домиком. У двери лежало грубое рядно и стоял веник. Ребята вытерли ноги и вошли в коридор.

— Христина Семёновна! — громким шопотом позвал Степан Ильич.

Доярка в белом халате приоткрыла дверь большой, светлой комнаты.

— Вот телёночком интересуются ребята, —

как бы оправдываясь, сказал Степан Ильич. — Они на минуточку, поглядят — и готово!

Доярка ласково кивнула ребятам и озабоченно сказала:

— Только что облизала его мать... Сейчас принесут... Пойдём — поглядите пока других, только уж руками не трогайте, они ещё маленькие...

— Нет, нет! — зашептали ребята, на цыпочках проходя вслед за Христиной Семёновной.

Телята лежали в отдельных клетках на сухих соломенных подстилках. Они поднимали большеглазые тёплые, словно обшитые мехом, мордочки и удивлённо глядели вокруг. Вместо рогов у них были смешные крутые бугорки.

— Ой, ой, какие хорошенькие! Какие маленькие! — зашептали девочки.

— Смотрите, смотрите — встаёт один! — присев на корточки, говорил Мазин. — Встаёт, честное слово!

«Му-у... Му-у...» — пытаясь встать, мычал рыжий телёнок, вытягивая голову с белой звёздочкой на лбу.

— Он по маме своей скучает, маленький ещё, — сказала Лида Зорина.

Сергей Николаевич подозвал ребят к табличке, висевшей на одной из клеток:

— А ну-ка, почитаем, как эти малыши поправляются. Вот видите, здесь всё написано — и как зовут, и сколько времени, и как он прибавил в весе.

Две дивчины в белых фартуках внесли в ящике новорождённого телёнка. Он был жёлтенький, с большими удивлёнными глазами. Шёрстка его, тщательно облизанная матерью, блестела. Весь

мокрый, он казался худеньким и дрожал. Христина Семёновна прикрыла его красным байковым одеяльцем.

Ребята издали глядели на телёнка с восторгом и нежностью.

— Тётя Христиночка! Как его назвали? Как назвали?

— А вот и придумайте ему имя! Можно сказать, при вас родился. Сделаем вас шефами, — сказал, улыбаясь, Степан Ильич.

Ребята стали наперебой предлагать имена:

— Стрелок!

— Богатырь!

— Колокольчик! — громко прошептала Зорина.

— Следопыт! — выкрикнул вдруг Петька.

— Шш... шш... Тише ты! — зашикали на него ребята. — Тут детская, а он орёт!

Телята вдруг забеспокоились, тоненько замычал новорождённый. Доярка озабоченно взглянула на ребят.

— Пойдёмте, пойдёмте! — заторопился Сергей Николаевич, выпроваживая всех за дверь. — Потом придумаем!

— Тётя Христина, пусть будет Колокольчиком! — не стерпев, крикнула Лида Зорина со двора.

— А теперь пойдём на птичник, — сказал Степан Ильич.

На птичнике ребята видели белых, как снег, гусей и уток, крошечных жёлтых цыплят, только что выпущенных на травку. В свинарнике смотрели бело-розовых поросят с тоненькими, закрученными в колечки хвостиками и больших, жирных свиней, которые уже не могли ходить и толь-

ко, лениво подняв свои мокрые пятачки, глядели на ребят маленькими глазками.

Но больше всего ребятам полюбились телятки, и долго ещё в ушах у них звучало тоненькое мычанье неворождённого и голос доярки: «Руками не трогайте, они ещё маленькие!»

А Степан Ильич всё шагал да шагал. Свежий ветер раздувал его вышитую рубашку, шевелил мягкие волосы...

Ребята старались не отставать от могучего шага председателя, но усталые ноги уже не слушались их. Поля пшеницы и гречи, густые овсы и заливные луга всё плыли и плыли перед их глазами.

— Ну как, ребята? Может, устали? Домой вернёмся? — спрашивал Сергей Николаевич.

— Нет, нет! Ещё посмотрим! Не устали! — дружно откликались ребята и снова бежали за председателем, окружая его тесной толпой.

— Ну, значит, нашу скотину вы видели, хлеба наши тоже, а другим разом я вам покажу новую мельницу. А старая вот тут, за леском...

Степан Ильич стал рассказывать, как на этой мельнице давным-давно удавился старый пан.

— Деды рассказывали — злой был, как собака, людей забивал до смерти.

Ребята слушали, раскрыв рты.

Сумерки уже легли на село, когда Сергей Николаевич решительно повернул назад:

— Ну, Степан Ильич, ваши богатства за один день всё равно не осмотришь! А ребята у нас еле плетутся...

— Да нет, Сергей Николаевич, мы ничего! Пойдёмте, пойдёмте к старой мельнице!

— К молотилке пойдёмте!

— Сергей Николаевич, да они совсем не устали, — уверял Митя.

Степан Ильич смущённо улыбался, поглядывая то на ребят, то на Сергея Николаевича:

— Нет, видно другим разом, а то они, конечно, непривычны к нашей ходьбе.

Степан Ильич зашагал к школе. На лужайке около школьных ворот сидели Коноплянко, Марина Ивановна и Игнат со своим отрядом.

Ребята бросились к ним:

— Где мы были! Что мы видели!

— Где же вы были? — удивилась Марина Ивановна.

— На скотном дворе были! И на грече, и на пшенице...

Марина Ивановна, подняв вверх голову и обхватив руками колени, смотрела на ребят лучистыми серыми глазами и улыбалась. На щеке её темнело маленькое родимое пятнышко.

— Что же вам больше всего понравилось у нас?

— Нам телятки понравились! — закричала Лида Зорина.

— Нам всё в колхозе нравится, мы с ребятами вам помогать будем! — загоревшись, сказал Васёк.

— Вот и хорошо! Поработаем вместе, — улыбнулась Марина Ивановна.

Подошли Степан Ильич, Сергей Николаевич и Митя. Они, видимо, продолжали начатый разговор.

— Ну, значит, так и порешим, — усаживаясь на траву, сказал Степан Ильич. — Сенокос сейчас идёт хорошо. Погода стоит добрая, залежей нет. Помощь ваша нам тут не требуется... Отдох-

ните, оглядитесь хорошенько, а тогда пожалуйста! Вот жнива будут, так тут уж весь народ на поле, никто дома не усидит. Игнат знает! У нас ни один колосок не заваляется! Это уж дело ребят. Вся ихняя бригада выходит. Вот и вы поможете тогда... Ну, конечно, есть для вас и огородные работы, можно и на фермах поработать.

Игнат Тарасюк предложил посылать на работы его отряд вместе с ребятами Трубачёва.

— У него, — говорил он, указывая на Васька, — двадцать человек, а у меня десять. Так его двадцать треба разделить на два звена, и каждому звену я отпущу пять человек своих. А для чего? Для того, что они, извиняйте, нашей работы не знают, на земле не работали — значит, мои в помощь будут.

Трубачёв поддержал Игната:

— Вместе будем работать! Мы быстро научимся с ними!

— А у нас в Ярыжках свой клуб есть, — сказал Коноплянко. — Будем театр устраивать. На сцене и тёмный бор вырастет, и река побежит, и солнце взойдёт, и ясный месяц засветит. Как нам нужно, так мы и сделаем...

Коноплянко говорил очень тихо и ровно, не повышая голоса, но ребята слушали его с большим вниманием. Митя приготовил к концу разговора какой-то сюрприз. Губы у него разъезжались в улыбку, серьёзный тон не удавался. Он сказал, что вполне полагается на ребят Трубачёва и Тарасюка и что если они пообещали выполнить план летних работ, то выполнят и перевыполнят его. На то они и пионеры.

— Верно! Верно! — кричали ребята. — Выполним!

— Всё сделаем! — подтверждал отряд Тарасюка.

— А пока спешных работ в колхозе нет, мы с Сергеем Николаевичем решили организовать большой поход, километров этак за сорок... познакомиться с окрестностями... побывать в тех местах, где в гражданскую войну сражались наши бойцы. И мы надеемся, что с нами отправится Иван Матвеич — участник этих боёв. Вот Сергей Николаевич обещает по пути заехать на пасеку и попросить Ивана Матвеича об этом лично...

Мите не дали договорить, заглушая его голос радостными криками. Сергей Николаевич водворил тишину:

— Ивана Матвеича я попрошу — надеюсь, он нам не откажет. А пока вот что я хочу вам сказать. Двинуться в большой поход без предварительной подготовки нельзя. Поэтому с завтрашнего дня начнём готовиться. Соберём продовольствие, посмотрим походное снаряжение, назначим ответственных ребят. Может, и твои ребята с нами пойдут? Как думаешь, Игнат?

— Конечно! Пойдём с нами! — дружно закричали москвичи.

Игнат и Федька Гузь нерешительно посмотрели на Марину Ивановну.

— Ну что ж, — улыбнулась учительница. — Если уж вам очень хочется, идите вместе с новыми товарищами.

— Хочется-то хочется, — задумчиво сказал Игнат, — только у нас свой план есть. Мы его срывать не можем. У нас агитбригада работает — пьеску готовим. Уже программу отпечатали. Другим разом вместе пойдём.

— Конечно, — сказал Сергей Николаевич. — У них свои планы, нарушать их не следует. А наш отряд должен готовиться...

— Есть готовиться! Трубачёв, готовиться! Ура! — вырвались снова радостные голоса.

Ребята расшумелись. Белкин прошёлся колесом по траве. Мазин набросил на Петьку свой вещевой мешок и, натягивая ремни, кричал:

— Тпру! Но-оо!

Марина Ивановна засмеялась и весело сказала:

— Сборы уже начались!

* * *

Степан Ильич пришёл домой поздно. Стоя у перелаза, он вдруг что-то вспомнил и потёр ладонью вспотевший лоб.

— Ох, я ж им ещё новую молотилку не показал! — с сожалением сказал он Татьяне, открывая дверь в свою хату.

— Та будет тебе, Степан! Они ж совсем утомилися... Я через окно бачила, як у них ноги заплетаются. Разве ж так можно! — укоряла его Татьяна. — Они же дети!

Но Степан не слушал её. Он выложил на стол сорванные колосья:

— Жнива, жнива на носу, Татьяна...

Глава 7

ДЕД И ВНУК

На рассвете село разбудила песня.

Сонно закричали петухи, всполошились на насестах куры, замычали коровы, захлопали ставни. Весело загавкали псы.

Звонкий мальчишеский голос будил спящую улицу:

Роспрягайте, хлопци, кони
Тай лягайте спочивать...

Генка въезжал в село. Гнедой жеребец важно переставлял стройные ноги, осторожно опуская в прохладную пыль подкованные копыта. На спине его, небрежно покачиваясь и сжимая пятками гладкие бока, сидел Генка. Надвинутый на лоб картуз, околышем назад, и брошенный через плечи армяк были влажны от ночной сырости.

На свежем, загорелом лице Генки задорно блестели карие глаза и белые, как сахар, зубы.

А я выйду в сад зеленый,
В сад крыниченьку копать... —

лихо выводил Генка высоким чистым голосом.

Колхозницы, на ходу повязывая косынки, выбегали на крыльцо, старые деды высовывали в окна головы с седыми, спутавшимися за ночь волосами.

— Эге-ге! Михайлов хлопец спивае!

— А, чтоб тебе, дурной хлопец! Молчи, а то детей побудишь! — кричали из-за плетней бабы. — Носит тебя по селу ни свет ни заря!

— И чего это конюх жеребца ему даёт!

К воротам бежал дед Михайло с радостной улыбкой; пальцы старика на ходу застёгивали ворот рубашки, не попадая в петли.

Копав, копав крыныченьку
Раным-рано поутру...

— Чую! Чую! До дому вертаетесь! — кричал дед, подбегая к внуку.

Генка не спеша соскочил с коня и с ласковой усмешкой глянул на деда:

— А то куда ж?

Михайло хлопнул себя по коленке и заглянул в лицо внука сияющими, как светлячки, глазами:

— А что ж? Погулял бы! Дед подождёт! Правление тоже с деда не спросит, де вну́к гуляе, де песни спивае, — насмешливо начал он.

Генка снял с коня уздечку, осмотрел новенькие подковы и, отойдя на два шага, сказал:

— Нигде такого коня нету, как наш!

— Эге! Нигде нету! Значит, далеконько ты побывал, — подхватил Михайло. — А я ж себе думаю: где-то мой внук пропал? И день ожидаю, и два, и три... Может, думаю, Гнедко захромал или в обратную сторону повёз. Тебя ж на МТС посылали...

Но Генка перебил его:

— Есть хочется, диду!

— Есть хочется?

Старик побежал под навес и засуетился. Генка привязал к забору коня и пошёл за дедом.

Через минуту он сидел на нарах, поджав под себя босые ноги, и рассказывал:

— Порученье дяди Степана я выполнил. В воскресенье механик тут будет... Я там людям в ремонтной помогал... Так директор Мирон Дмитриевич мне и говорит: «Оставайся на МТС, доброго тракториста из тебя сделаем».

— Ну! А ты чего?

— Как — чего?

— Чего на МТС не остался, я спрашиваю? Или люди не такие, или Гнедка́ погано принимали? — наливая в кружку холодное молоко, лукаво допытывался дед. — Чего не остался, а?

— А того не остался, что тебе скучно, — разжёвывая крепкими зубами хлеб и прихлёбывая молоко, сказал Генка.

— Эге! Мне скучно? А тебе? — склонив набок голову и подёргивая бородку, подскочил дед. — А тебе?

— Мне тоже скучно, — засмеялся Генка и, обхватив старика за шею, притянул его к себе.

Дед неловко, боком присел на нары и замер, боясь пошевелиться.

— Вот как ты уже помрёшь, то я тебя и не побачу больше, — задумчиво сказал Генка, вытирая о плечо деда нос.

— А ну да, не побачишь! Где ж ты меня тогда побачишь? Нигде ты меня тогда не побачишь, — глядя ему в лицо сияющими глазами, усмехнулся дед.

— А сколько тебе годов, диду?

— Сколько б ни было, я ещё поживу! Ещё и тебя воспитаю! — расхрабрился дед.

— Нет, ты меня не воспитаешь, — отрезая ножом хлеб, серьёзно сказал Генка.

— Как это так — не воспитаю? — всполошился старик.

— Я сам себя воспитаю... А что, диду, московские в классах живут? — переменил разговор Генка.

Дед наклонился к нему и стал рассказывать о приезжих. Генка слушал, сморщив лоб и думая о чём-то другом. Потом вытащил из-за пояса книжку, аккуратно разгладил её и положил на стол:

— Спрячь, диду.

Глаза его слипались. Михайло принёс из хаты рядно и подушку:

— Ложись спать, я сам Гнедка́ конюху сдам.

Генка лёг, но дед вдруг вспомнил что-то, посчитал по пальцам и снова подсел к нему.

— Эй, слухай! Так где ж ты был? Ты же в пятницу ещё уехал. На твоей чертяке можно было два раза на МТС побывать, — пощипывая свою бородку, сварливо сказал он. — Где ж ты был, я тебя спрашиваю? — Михайло дёрнул внука за штаны и выпрямился. — Где ты был, а?

Генка приподнял голову с подушки, натянул на себя рядно и нехотя сказал:

— Не морочь голову!

— Что? «Не морочь голову»? Как это «не морочь голову»? — петушился дед.

— А так. Я у агронома был.

Дед заморгал глазами и плюнул:

— Тьфу! Чорт в тебе сидит! Ей-бо, чорт!

— Может, и чорт, — согласился Генка.

Дед склонил набок голову, развёл руками. Генка повернулся на спину, высунул из-под рядна босые ноги и громко захрапел. Зелёная муха загудела под навесом. Михайло схватил полотенце и с озабоченным лицом замахал над Генкой:

— Ш-ш, ты, проклятая! Куды залетела? Мало тебе места, дура!

Глава 8

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

ЖИЗНЬ НАШЕГО ОТРЯДА

20 июня

Завтра поход! Сегодня мы всё укладывали, приготавливали. Нести придётся всем по очереди, только Севу Митя освободил, а Севка, глупый, надулся на него. А потом познакомился с Михайловым внуком и развеселился. Всё какие-то жестянки ему показывал и альбом. А Михайлов внук — это тот самый Генка, с которым разговаривал Васёк. Лошадка у него хорошая, он её чистит щёткой и гриву ей расчёсывает. Этот Гнедко на Генкин свист бежит, где бы он ни был. Генка говорит: «Я его для Красной Армии готовлю, да ещё не всякому бойцу дам!» Сначала у нас с этим Генкой всё хорошо было, а потом вдруг ссора получилась. Вот из-за чего.

Мы себе около школы волейбольную площадку сделали, а Генка увидел, покраснел весь и говорит: «Здесь пришкольный участок будет, что вы землю топчете!» — и давай расшатывать

столбы. А Мазин ему говорит: «Ты здесь не хозяин. Уходи!» Ребята тоже напали на Генку. Он разозлился, подскочил к Мазину и кричит: «В своём колхозе каждый хозяин! Это ты уходи!» Ну, и сцепились они. Крик такой подняли, что Митя прибежал. Мы Мите ни в чём не сознались. Мазин говорит: «Девочки лягушки испугались». А Митя начал нас ругать, что мы к походу не готовимся, а всё какими-то глупостями занимаемся. А за ужином мы ещё с Лидой Зориной из-за Генки поссорились. Он сидит со своим дедом у себя под навесом и поёт как ни в чём не бывало. А Лидка слушала, слушала и говорит: «Ни у кого из вас такого голоса нет! И потом, он самый храбрый из всех!»

Подумаешь, какой храбрец! Васёк решил сам с ним подраться. А Митя, оказывается, уже всё понял, что творится, и давай над нами смеяться. Так мы с Генкой и не подрались.

А потом Митя устроил игру в «лошадей и всадников». И мы начали играть, а когда разыгрались, Митя позвал Генку. Генка сначала не хотел, а потом согласился.

Мазин говорит, что, несмотря на ссору, Генка ему всё-таки нравится.

Ну ладно! У меня ещё мешок не сложен, а мы завтра рано-рано — чуть свет выйдем.

Глава 9

В ПОХОД

С реки поднимался лёгкий пар и мягко стелился по огородам; на дороге крепко прибитая росой пыль ещё хранила вчерашние следы; кое-

где над колодцем поднимался журавéль; изредка слышался скрип ворот. После трудового дня колхозники крепко спали, чтобы с солнышком дружно подняться на работу.

Ребята шли молча. Туго набитые вещевые мешки оттягивали ремнями плечи. У Белкина над головой торчали удочки. Мягко поскрипывала телега, в которой сидел отец учителя.

Шли тихо, чтобы не разбудить спящее село. Было прохладно. Ребята поёживались. Девочки, подпрыгивая, побежали вперёд, стараясь согреться.

— Что, холодно? Холодок пробирает? — посмеивался Николай Григорьевич. — Подождите, ещё жара припечёт!

На шоссе все оживились.

Получив разрешение громко разговаривать, мальчики сейчас же о чём-то заспорили, девочки затянули песню:

Ты взойди, взойди, солнце красное...

Голоса поднялись высоко вверх и неуверенно заколебались.

— Эй, эй! Врёте, врёте! — закричал Митя.

Но дружный хор двадцати голосов подхватил песню нескладно, фальшиво и весело.

Митя махнул рукой:

— Ну, так и быть, врите дальше!

Солнце вставало. По одну сторону шоссе в верхушках деревьев уже просвечивали его золотые лучи. Проснулись птицы, засуматошились в кустах, защёлкали, засвистели. По другую сторону шоссе лежал луг; на траве блестели и переливались прозрачные капельки росы.

— Севка! Дыши хорошенько! Этот воздух самый полезный! — уговаривали Малютина ребята.

— Все свои печёнки сразу вылечишь, — подтверждал Мазин.

Сева Малютин широко раскрывал рот и радостно смеялся.

Николай Григорьевич то и дело поворачивал назад голову и кричал ребятам:

— Стой, пионер! Сорви-ка вот эту ромашку при дороге. Давай сюда! Да зелёное копытце прихвати!

Ребята с готовностью спрыгивали в узкий ров и бросали на колени старику пучки зелени. Старик растирал ладонями тугие круглые копытца; от копытцев остро пахло чем-то медвяным, душистым.

— Запах-то какой!

Ребята нюхали и охотно соглашались:

— Здóрово пахнет!

Старик радовался знакомым местам:

— Гляди, гляди, Серёжа! Вон они, три дуба-то, те самые! Под ними Матвеича моего ранило... Эх, рассказать, так это целая история... Когда б не товарищи, не быть бы нам с ним живыми...

Колёса подпрыгивали на камнях и монотонно скрипели. Хлопчик, сидевший за кучера, легонько встряхивал вожжами.

Солнце стало жарко припекать. Ребята проголодались. Решили отойти в сторону от шоссе и сделать привал около реки. На зелёном пригорке сложили вещи. Над рекой поднялся шум и визг. Мальчики вместе с Митей переплыли на другую сторону и, обвалявшись в песке, бросились в воду, осыпая друг дружку фонтаном брызг.

Девочки долго бродили, выбирая себе местечко; они купались около берега, держась за руки и щупая ногами дно.

Вода была тёплая, купанье затянулось. В конце концов ребят еле выгнали из воды: пришлось два раза протрубить в горн. Развели костёр, сварили похлёбку, вкусно позавтракали и улеглись на мягкой траве, в холодке.

После сна ребята отяжелели. Лениво надевали на плечи вещевые мешки. Никому не хотелось нести лагерное имущество — продукты, палатки, рыболовные снасти. Когда снова вышли на шоссе, девочки сложили свои вещи на телегу, в которой ехал Николай Григорьевич.

— Ладно, ладно, хитрюшки! Вам бы только полегче! — упрекали их за это ребята.

— А вам завидно?

— Да ну их! Никуда с ними ездить не стоит! — ворчал Одинцов. — На Украину заехали — и то ссоримся!

— Что вы тут спорите? — подбежал к ним Васёк.

— Да надоело мне с удочками таскаться всю дорогу — торчат, как иглы у дикобраза! — пожаловался Белкин.

У Лёни Белкина над красным, вспотевшим лбом топорщились прямые белые волосы.

Ребята захохотали:

— А и правда ты похож на дикобраза!

— Ну, и несите тогда сами! — рассердился Белкин.

Мазин сбросил на землю вещевой мешок и подставил свою спину:

— Кладите всё на меня! Ладно! Кто ворчит — клади!

Ребята с мешками налетели на Мазина.

— Давай! Клади! Накладывай! — разыгрался Трубачёв. — Ещё давай!

На дороге образовалась куча вещевых мешков — под ней скрылся с головой весь Мазин.

— Эй, Митя! Митя! Мазина нет! Мазин пропал!

— Это что за склад? — засмеялся Сергей Николаевич.

Митя разбежался и прыгнул через мешки. Куча зашевелилась — из-под неё вылез Мазин.

— Хотел совесть у ребят испытать, — заявил он при общем смехе.

Шоссе казалось бесконечным. Жара начала спадать. Сергей Николаевич посмотрел на часы:

— Ого! Пять часов уже. Пора в лес сворачивать. Вам, Митя, дотемна надо разбить лагерь, устроиться на ночь.

— А вот сейчас поворот будет, до него от нашего села километров двадцать, там и свернёте, — посоветовал возница.

— Вот и хорошо, — сказал Сергей Николаевич. — Я замечу место, где вы войдёте в лес, отвезу отца на пасеку, и мы с Иваном Матвеичем придём в лагерь.

На повороте распрощались. Учитель взял с собой горн:

— Когда вернусь, буду горнить в лесу, а вы барабаном откликайтесь.

Николай Григорьевич помахал ребятам платком:

— Приходите в гости, не забывайте старика!

Отряд свернул с шоссе и вошёл в лес. Между деревьями замелькали голубые и белые майки.

Сергей Николаевич сел на телегу рядом с отцом.

— Большой крюк мы сделали, — сказал возница и хлестнул лошадь.

* * *

Шли медленно. Лес был густой, без тропинок. Разросшийся кустарник цеплялся за платье, ноги обжигала крапива. Заросли папоротника, колючего шиповника преграждали путь. Встречались огромные, старые дубы, тяжело накренившиеся набок; их толстые корни торчали из земли, а рядом шумели крепкие дубки и молодые осинки, заплетённые хмелем. Из-за их ветвей выглядывали красные гроздья калины.

— Тут где-то Николай Григорьевич посулил нам речку, — перелистывая свою записную книжку, говорил Митя. По его расчётам, они отошли от шоссе километра три.

Ребята постояли, прислушались. Нигде не было слышно шума воды.

— Да и место для воды неподходящее, — огляделся вокруг Митя. — Ну, пошли дальше...

Спустились в глубокий овраг; цепляясь за кусты, поползли наверх. Открылась светлая зелёная лужайка, окаймлённая орешником. На кустах орешника под широкими листьями тесными семейками лепились молодые орехи с мохнатыми зелёными колпачками и белой скорлупой.

— Может, на ночь остановиться здесь? — предложил Митя.

— Ну нет, здесь неинтересно! Надо речку искать! — закричали ребята.

Лес стал редеть. Из-за белых берёз вдруг выглянула полоса светлозелёной изумрудной травы; между кочками заголубели крупные незабудки.

— Болото! Болото! Значит, нужно влево держать. Николай Григорьевич предупреждал!

Митя оживился:

— Теперь всё в порядке! Пошли!

Из кустов выскочил Петя Русаков:

— Нашёл! Всё нашёл! Идите за мной! Вон между деревьями светится полоска. Это река. Идёмте!

Петя побежал вперёд. Ребята еле поспевали за ним.

Снова миновали заросли крапивы, ежевики и колючек, миновали молодой осинник и наконец вышли к маленькой лесной речушке. Она бойко и весело плескалась между зелёными берегами; кое-где прямо из воды росли широкие, тенистые ивы; ветки их как бы плыли по течению, купаясь в чистой воде.

На высоком берегу было сухо. Желтели сосны, пахло свежей хвоей.

— Вот местечко так местечко! Как раз то, что нам нужно! — обрадовались ребята.

— Стоп! Разбивай лагерь! — скомандовал Митя.

Васёк нашёл место для палаток. Ребята захлопотали. Наспех натянули палатки. Синицына, выбранная поваром, загремела котелками, подгоняя кострового — Мазина. Петя Русаков уже готовил площадку для костра. Санитарка Валя Степанова пошла искать родниковую воду для питья.

Решено было сварить на ужин уху. Мальчики вместе с Митей отправились на рыбную ловлю, а девочки остались в лагере чистить картошку.

— У них от ходьбы ноги болят, только они не сознаются, — подмигнул Петьке Мазин.

Ребята вооружились кто чем мог. Одни ловили рыбу сачком с густой сеткой, другие — удочкой. Над рекой зазвенели весёлые голоса.

— Ребята! Рыба не любит шума. Надо, чтоб было тихо, а то мы ничего не поймаем, — сказал Митя, сидя на берегу около своей удочки.

И тут же, выдернув её из воды, замахал руками и громко запел:

Вот так щучка,
Вот так штучка!

Оказалось, что он поймал маленькую щучку.

В лагере ребята застали полный порядок. Не дождавшись рыбы, девочки уже сварили ужин. В горячей золе стоял чугун с лапшой. Проголодавшийся Митя с удовольствием потянул носом аппетитный запах и потёр руки:

— Вот так девочки! Вот так хозяйки!

Ребятам тоже понравилась лапша; но чтоб девочки не задавались, Мазин на всякий случай сказал, что такую лапшу всякий дурак сварит. И съел две полные миски.

Ужин был весёлый. После лапши пили чай с московским печеньем и играли в коллективное рассказывание.

Митя сказал:

— Участников похода было двадцать. Первый, Коля Одинцов, был живой, смешливый мальчик...

Митя тронул Одинцова локтем:

— Рассказывай всё, что знаешь о себе.

Одинцов подумал и сказал:

— Мне больше всего помнится, как я первый раз пришёл в школу и подрался с Васьком, потому что он рыжий.

Ребята смеялись. Больше всех хохотал Васёк.

Потом Коля описал наружность Саши Булгакова и подтолкнул товарища:

— Рассказывай всё, что знаешь о себе.

Некоторые ребята придумывали всякие смешные истории. А Синицына сказала, что у неё — все друзья, только есть в лагере один мальчик, который всегда к ней цепляется, как репей. Одинцов вскочил, бросил в неё щепкой и крикнул, чтоб она его лучше репьём не называла.

— Ага! На воре шапка горит! — засмеялись ребята.

Трубачёву пришлось описывать Мазина. Он долго на него смотрел и потом сказал:

— Колю Мазина описать трудно, он очень меняется... Я Мазина люблю! Мазинчик хороший!

А Мазин о себе сказал:

— Я как родился, так сразу поел, попил и вышел на улицу, а тут и Петька Русаков стоит...

— Врёшь, я тогда ещё не родился, ты меня на два месяца старше! Ты в феврале родился, а я в апреле, — перебил его Петя.

— Ну, в феврале так в феврале... Вышел я, значит, в лыжном костюмчике. Смотрю — мой Петька Русаков в пелёнках болтается, соска у

него изо рта торчит и чепчик на макушке — такой фитюль-фитюль с кружавчиками...

Когда стемнело, лагерь в лесу казался тихим, мирным жильём. Смутно белели в темноте палатки, на колках сушилась посуда, дым от костра окутывал сосны, пробиваясь к тёмному небу. Огонь освещал весёлые лица ребят... Далеко в лесу слышался иногда протяжный крик ночной птицы:

«Поховал! Поховал!»

Девочки ближе придвигались к огоньку...

Глава 10

НОЧЬ В ЛЕСУ

Ночную вахту несло караульное звено. Дежурили по два часа.

Часовой Лёня Белкин неподвижно стоял около палаток, зорко вглядываясь в темноту ночи. Луна то и дело скрывалась за тучами; её неверный свет, падающий на траву, кусты и деревья, неожиданно менял их очертания: он то отдалял, то приближал стройные стволы сосен, то скользил за кустами, то с головы до ног освещал Лёню и шёлковое пионерское знамя, оставляя в полной тьме деревья. Над головой Лёни, хлопая тяжёлыми крыльями, пролетали ночные птицы. От их крика по спине мальчика пробегал неприятный озноб.

Подчасок Лёни — Лида Зорина спокойно стояла около большого пня с другой стороны лагеря. В палатках слышались дружный храп и сонное посапыванье ребят. На траве, подложив под себя вещевые мешки, богатырским сном

спал Митя. Над ним роем кружились и тоненько пели комары.

Лёня Белкин боялся отвести глаза от чернеющего леса. Незнакомые шорохи и звуки ползли на него со всех сторон; он крепче сжимал древко знамени и вытягивался в струнку. Один раз шорох послышался совсем близко, позади палаток...

Лёня нащупал в кармане свисток. Из-за палаток вышла на цыпочках Лида Зорина и тихонько прошептала:

— Мне показалось, кто-то ходит...

— Ерунда! — процедил сквозь зубы Лёня.

На рассвете на вахту встали Булгаков и Надя Глушкова.

Над рекой поднимался прозрачный туман. За грядой жёлтых сосен выступили старые дубы, забелели редкие берёзы. Лес был ещё сонный. Тихо потягивались молодые осинки, мягкие листья орешника дремотно стряхивали на землю светлые капли росы. На полянке чернел затухший костёр.

Митя открыл глаза и прислушался. Земля под ним мягко вздрагивала, в ушах гудело. Но небо было чистое, ничто не предвещало грозы. Митя повернулся на другой бок и закрыл глаза. Надя Глушкова тихонько тронула его за плечо:

— Митя, сколько самолётов летело! И сейчас летят! Просто гул идёт. Это что?

Митя широко зевнул и натянул на себя одеяло:

— Манёвры, наверно...

Надя подошла к Булгакову и тихо шепнула:

— Манёвры.

Ребята сладко спали.

На смену Наде вышла Валя Степанова. Сева Малютин сменил Сашу Булгакова. Валя ёжи-

лась от холода и, накинув на плечи пальтишко, уселась на пенёк, положив рядом барабан. Над лесом с тихим гуденьем снова проплыли самолёты. Потом вдалеке раздался глухой гул, как будто в лесу валили вековые деревья. Из палатки девочек высунулась чья-то маленькая рука и, подержав в воздухе ладонь, скрылась.

Валя заглянула в палатку.

— Я думала, дождь идёт, — прошептала ей Зорина.

— Нет, это самолёт, — успокоила её Валя.

А солнце уже золотило палатки, просыпались птицы. Наступало чудесное летнее утро, свежее от росы и горячее от солнца.

Громкая барабанная дробь разбудила ребят. Лагерь ожил, зашевелился.

— На зарядку становись!

Глава 11

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

Утро 22 июня

Сегодня я проснулся и очень удивился — где я? Потом сразу вспомнил и обрадовался. Да ведь это наш лагерь в лесу! Над головой — натянутая палатка. Сквозь парусину видно, как качаются ветки, а между ними жёлтыми зайчиками прыгает солнце. Ух, как хорошо! Вокруг меня вповалку спят ребята. У Мазина обе ноги прямо из палатки торчат. Ага! Валька Степанова на посту венок плетёт! Украшается! А барабан на траве лежит, и солнце уже высоко. Сейчас я её напугаю!

Вечер 22 июня

Я решил писать дневник утром и вечером, а то что-нибудь забуду.

День у нас был тревожный, а к вечеру и совсем испортился, и сейчас Митя кричит, чтоб я не жёг фонарика, а ложился спать.

Расскажу всё по порядку.

Утром, когда мы проснулись, Валя Степанова и Надя Глушкова стали рассказывать, как на рассвете летали самолёты. Надя сказала, что где-то даже бабахнуло очень сильно, только далеко. Про самолёты Митя сказал, что это, наверно, манёвры, а что́ это так бабахнуло, он не знает, но, может быть, где-нибудь производились строительные работы. Мазин сказал, что иногда взрывают целые горы.

Так мы поговорили, поговорили, а потом принялись за дела. Поправили палатки, так как вчера ставили их наспех, потом позавтракали. Кашу варила Синицына, она у нас за повара.

После завтрака мужчины вместе с Митей начали рыть глубокую землянку, так как Митя сказал, что на Украине бывают сильные грозы со страшным ливнем и нужно для этой цели иметь глубокую, хорошо укреплённую землянку. Митя показал нам чертёж такой землянки в разрезе. Мы выбрали хорошее место и принялись за дело... Земля тут очень чёрная, но если рыть глубоко, то там и глина.

Мы углубили вход и сделали три ступеньки. Митя спустился и сказал, что грунт хороший — пол в землянке должен быть твёрдый и гладкий. Для этого нужно ещё замесить глину с песком, смазать и дать просохнуть.

Мы пошли с ребятами за глиной, и вдруг опять что-то за лесом стало бабахать. Тогда я влез на дерево и посмотрел в ту сторону, а там такой чёрный-чёрный дым по краю неба.

Мы сказали об этом Мите и опять подумали, что это строительные работы производятся; вытащили даже карту и стали определять, что где строиться может. Определили наше местонахождение по карте. Мы находимся довольно далеко от Киева, по левую руку у нас Житомир, а железнодорожная станция, на которой мы высаживались, от «Червоных зирок» километров двадцать будет.

Вот как мы далеко забрались, даже узнать не у кого, что и где взрывают!

А Митя говорит: «Надо ждать Сергея Николаевича, он нам всё расскажет».

А вечером, когда начало темнеть, мы уже не на шутку заволновались, так как опять загудели самолёты, и один мальчик увидел на крыле самолёта свастику. Мы ему сначала не поверили, но он дал честное пионерское. Тогда Митя посмотрел на девочек — видит, что они испугались, и сам хотел пойти на шоссе что-нибудь узнать, но было уже темно и поздно.

Теперь все ребята легли, а Митя назначил себя дежурным и сидит. И всё старается с нами шутить, но мы уже видим, что он беспокоится. Ребята тоже не спят — шушукаются, а девочки забрались все в одну палатку и тесно-тесно рядышком легли, накрылись с головой одеялами. Вот трусишки! Скоро всё узнаем от Сергея Николаевича и Ивана Матвеича, они завтра придут!

Коля Одинцов

Глава 12

ТРЕВОГА

Мутный свет луны освещает спящий лагерь.

Теснее сдвинулись дубы, робко проглядывают между ними берёзы, утонули в густой траве белые домики-палатки. Пахнет речной водой и водорослями, запах мяты смешивается с запахом хвои. С болота доносится дружный хор лягушек.

Митя стоит на площадке и, закинув голову, смотрит на плывущие по небу разорванные облака, на скользящие тени самолётов; ухо его пытается уловить малейшие оттенки тихого, воющего гуденья моторов. Изредка далёкий, глухой удар потрясает землю. Митя встревожен. Он обходит палатки, прислушивается к сонному дыханию ребят и снова смотрит на небо.

Васёк Трубачёв не спит. Приоткрыв край палатки, он следит за каждым движением вожатого. Он видит, как Митя смотрит на небо, потом опускает голову, трёт ладонью затылок и снова смотрит. Видит Митино лицо, крепко сжатые губы, нахмуренные брови.

Васёк боится выйти и окликнуть Митю. Но ему необходимо сказать, что он тоже видел свастику. Может быть, Митя не поверил ребятам и потому велел всем поскорее ложиться, чтобы не болтали зря? А может, поверил и потому остался дежурить сам?

Трубачёв подтягивает трусики и тихонько вылезает из палатки. Ночная сырость охватывает его плечи.

Митя молча смотрит на Трубачёва; так же молча они усаживаются вдвоём на широкий мохнатый пень. Митя прикрывает Васька поло́й

своей куртки и улыбается ему дружеской, ободряющей улыбкой.

— Я видел свастику, — шопотом говорит Васёк.

Митя кивает головой:

— Я тоже видел.

Над лесом снова ползёт протяжный, ноющий звук. Палатка тихо шевелится — из-под неё высовывается Мазин и быстро прячется обратно.

Васёк вскакивает и карабкается на высокую сосну; смолистые чешуйки прилипают к его коленкам. Потом он соскакивает на землю, показывает рукой куда-то за реку, за лес и торопливо объясняет:

— Там свет... Далеко-далеко, а видно...

— Это в стороне Житомира, — определяет Митя. — Утром надо разведку послать на шоссе.

— Пошли меня!

— Ты нужен в лагере. Все должны быть на своих местах. Никакой тревоги не поднимать. Пошлём Мазина и Русакова — они всё разузнают, — спокойно говорит Митя и смотрит на часы: — Ложись спать, Трубачёв!

— А ты?

— А я дежурный.

— Ладно тебе... Вдвоём подежурим, — прячась под его куртку, говорит Васёк.

Они молча смотрят в глаза друг другу. Доверчивые глаза Васька кажутся Мите такими близкими и родными, он чувствует рядом младшего брата, надёжного товарища, который делит с ним вместе тревоги этой ночи. Он крепко прижимает к себе вихрастую голову Трубачёва и тихо, душевно говорит:

— У каждого человека, Васёк, есть мечта за-

ветная. Вот я, например, — я хочу, чтобы меня послали куда-нибудь далеко-далеко, строить новый город на новом месте, где-нибудь в тайге или на Крайнем Севере... Вот как Комсомольск на Дальнем Востоке... Я никакой работы не боюсь. Мне всё нипочём! Я любую гору на своих плечах подниму!

Васёк смотрит на Митю, и ему кажется, что Митя растёт на его глазах и становится великаном.

Назойливое гуденье прерывает разговор. Митя встаёт, снова смотрит на небо и жёстко говорит:

— Но если, Трубачёв, мне придётся драться, то я буду драться до конца, до победы! И нет такого врага, которого мы бы не победили! Потому что каждый из нас, Васёк, будет защищать свою Родину, как родную мать...

Молча и торжественно слушают эти слова влажная земля и чёрный застывший лес...

* * *

...На рассвете в молочном тумане, сквозь заросли дикой малины, кучи хвороста и поваленные деревья, пробирались Мазин и Русаков, посланные в разведку.

— Руководствуйтесь компасом, — напомнил им Митя.

У Мазина и Русакова были ещё и свои приметы: кривая берёза, поваленный дуб, пучок увядших колокольчиков, засунутых в дупло дерева. Привычка оставлять на пути заметки уже давно выработалась у обоих, и теперь они шли безошибочно по собственному следу. Разговаривать было некогда. Задание ответственное: выяс-

нить, в чём дело, и, не задерживаясь, вернуться в лагерь.

Петька молча указывал на берёзу, на дуб, на сложенные накрест ветки. Мазин кивал головой и отрывисто командовал:

— Влево! Вправо! Вперёд!

Лес поредел. В дорожных знаках уже не было нужды. Мальчики шли по слуху. Шоссе приближалось; оттуда слышался скрип телег, доносились гудки и мычанье коров. Высокий мальчишеский голос не то пел, не то кричал что-то.

Мазин прислушался и, дёрнув Петьку за рукав, бросился вперёд. Запыхавшись, они выскочили на шоссе и огляделись. По дороге понуро и неохотно шагало колхозное стадо. Телята разбегались по сторонам, подростки звонко щёлкали бичами, старики сурово покрикивали на скотину. Хрюкали свиньи. Встревоженно мычали коровы.

С той стороны шоссе, в поле, молча и сосредоточенно работали люди, убирая хлеб. Тарахтел комбайн, мелькали разноцветные платки, выезжали на шоссе машины с тугими мешками. Люди останавливались, пропускали машины вперёд.

Петька облизнул языком сухие губы и бросился наперерез высокому седому старику:

— Дедушка! Куда это вы?

Старик глянул на него мутными от бессонницы глазами и неохотно сказал:

— Скот угоняем...

Петька растерянно оглянулся на Мазина. Мазин, обведя глазами шоссе, бросился к хлопцу, который с трудом тянул за верёвку бычка. Бычок упирался, подняв коричневую морду с чёрными бугорками рогов; он жалобно мычал, призывая на помощь мать.

— Та иди, бисова душа! Иди, щоб ты здох! — покраснев от натуги, кричал на него мальчишка.

Мазин схватил за верёвку:

— Стой! Не тащи его! Куда вы идёте?

Хлопец вытер рукавом пот.

— А ты що? З неба звалывся? — сердито спросил он. — Война! Понял? Война! Немцы границу переступили.

— Немцы?.. Границу?..

Мазин выпустил из рук верёвку и круто повернулся к Петьке:

— Пошли!

Но они не пошли, а побежали, задыхаясь и обгоняя друг друга.

Страшное, незнакомое слово «война» заставляло их мчаться, не разбирая дороги, к Мите, к товарищам со спешным, тревожным донесением. Ветки хлестали мальчиков по лицу, сучья царапали ноги. В овраге Петька споткнулся и боком свалился в кустарник. Мазин схватил его за плечо:

— Вставай! Война! Понимаешь? Война!

Петька, хромая, выбрался из кустарника и, стараясь не отставать от Мазина, говорил на бегу:

— Мы им пропишем, Мазин! Мы им такого зададим, что они сроду к нам больше не сунутся! Мы... Мазин...

Но Мазин не слушал его. Он бежал, раздвигая головой и локтями кусты, поглядывая на зажатый в руке компас. Брови его были нахмурены, глаза остро блестели. А Петька, прихрамывая, торопился за ним и без умолку говорил про тяжёлые и дальнобойные орудия и про Красную Армию, которая так даст врагам... так даст, что они своих не узнают!

Потом Петька совсем выбился из сил и замолчал...

Они выбежали к палаткам вместе. Мазин бросился к баку, зачерпнул кружкой воду и стал жадно пить. Потом сунул кружку Петьке, посмотрел на встревоженные лица ребят, подошёл к Мите и коротко сказал:

— Война!

Глава 13

СТАРЫЕ ТОВАРИЩИ

Расставшись с ребятами, Сергей Николаевич двинулся на пасеку. Бескрайное поле сливалось с синим горизонтом. Усталая лошадь шла шагом; однообразный скрип колёс и тишина навевали спокойные мысли. Николай Григорьевич молчал.

Сергею Николаевичу тоже не хотелось говорить. Им овладели смутные воспоминания об этих местах. Вспоминалось раннее детство... Вспоминалась мать — высокая, чернобровая, строгая. Вспоминалась сестра, с которой он расстался, когда она вышла замуж и ушла на хутор к своему «чоловику». Он был ещё совсем маленьким и всё цеплялся за неё, когда она уходила, и оба они плакали. Тогда у неё были горячие мокрые щёки, на груди звенело много бус, с подвенечного венка спускались цветные ленты...

С тех пор прошли годы. Вместе с отцом и матерью он уехал в маленький городок под Москвой. Там он рос и учился, постепенно забывая и эти места и слёзы сестры. Они редко писали друг другу, а после смерти матери их переписка и совсем оборвалась, и только в последнее время се-

стра стала настойчиво требовать, чтоб брат привёз ей отца.

«Тут всё ему родное, он оживёт от нашего солнышка, и я за ним похожу, как за маленьким...»

Лошадь стала. Хлопец соскочил с телеги, достал торбу с овсом.

— Далеко ещё? — спросил Сергей Николаевич.

— Порядком будет. Большой крюк сделали. Назад вертаемся. К вечеру доедем, — успокоил хлопец, присаживаясь на край дороги.

Николай Григорьевич дремал, лёжа на телеге. Покормив лошадь, отправились дальше. Солнце садилось.

Лес быстро темнел. Дорога свернула на свежескошенный луг; остро запахло увядающими цветами и травами.

Пасека открылась перед глазами как-то вдруг, когда, сделав крутой поворот, дорога сбежала в овраг и снова вынырнула перед высокими тополями. За тополями вился плетень.

Было уже совсем темно. Отпустив хлопца с телегой, Сергей Николаевич с трудом нашёл перелаз, заросший густым вишняком. За вишняком виднелась белая хата, утонувшая в зелени деревьев. Запах мёда и гречи носился над спящими ульями.

— Стой! Где же тут калитка у него? И огня в хате нет! — заволновался Николай Григорьевич.

Мохнатая собачонка чёрным шариком подкатилась к плетню и залилась звонким лаем. В хате хлопнула дверь.

— Эге-гей! Бобик! — послышался густой бас.

— Матвеич! Эгей! — Николай Григорьевич выпрямился и рванулся навстречу другу. — Эгей!

— Принимайте гостей, диду! — крикнул Сергей Николаевич.

На заросшей тропинке показалась грузная фигура Матвеича. В темноте были видны его широкие плечи и взмахивающие на бегу большие руки. Собачонка с лаем крутилась у него под ногами.

— Цыц, ты! Гости до нас!

Матвеич подбежал к перелазу, перегнулся через него всем своим грузным телом и схватил в охапку Николая Григорьевича:

— Стой... стой!.. Где ты тут есть, товарищ мой?.. Товарищ мой...

Николай Григорьевич счастливо смеялся, не выпуская большой тёплой руки друга.

Из-за облака показался краешек луны и осветил коротко остриженную голову Матвеича с крупным носом, густыми бровями и опущенными книзу чёрными усами. Одна щека его была перехлёстнута поперёк глубоким шрамом, живые, смеющиеся глаза смотрели добродушно и лукаво.

— Ох, ты ж вояка... вояка мой, — умилённо глядя на друга, повторял он.

Старики ещё раз обнялись.

— Мы тебя за́раз, як персональну персону, до самой хаты предоставим!

Хата была новая, с дубовым крыльцом и тяжёлой дверью. В кухне стояла русская печь с полатями. На припечке были сложены горкой глиняные миски, котелок, чугун и закопчённая дочерна сковородка. У окна — крепкий дубовый стол, перед ним — широкая скамья. Печь была голубовато-белая, разукрашенная по краям никому неведомыми цветами в виде синих кружочков

с синими пестиками и короткими толстыми стеблями. На полатях лежало старое одеяло, в углу — скомканная подушка в ситцевой розовой наволочке; из-под неё выглядывали новые яловые сапоги. Посреди кухни гудел примус, в чугуне варилась картошка.

Белая двустворчатая дверь вела в соседнюю комнату; там было свежо и чисто, а из угла, где стояли в ряд бочонки, покрытые круглыми крышками, сильно пахло мёдом.

— Ну, вот и моя хата! — Матвеич шагнул через порог и выпрямился. — Живу, як той пан.. Домок ничего себе. Прошлую весну колхоз отпустил средства на полное оборудование пасеки.

Он распахнул обе половинки двери, чиркнул спичку, зажёг керосиновую лампу.

— Ну, гости дорогие, располагайтесь, як знаете, як вам по душе, а я на стол соберу. Хозяйки у меня нема, так я сам себе повар. Зáраз сала нашкварим, яишницу разобьём!

Сергей Николаевич с весёлым любопытством смотрел на неуклюжего, как медведь, Матвеича, слишком шумного и большого для маленькой кухоньки.

Матвеич точил об печку нож, грохотал посудой и без умолку говорил, обращаясь то к Николаю Григорьевичу, которого он называл «старым», то к Бобику, то просто к различным вещам, находящимся в кухне. Видно, привычка разговаривать с самим собой и с окружающими его предметами давно выработалась у Матвеича.

— Ну що? Долго будешь булькать?

Матвеич ткнул вилкой картошку и бросился в сени. Внёс большой розовый кусок сала с искристым бисером соли на тонкой коже, нарезал его

толстыми кусками, шлёпнул на сковороду и, присев на корточки, налёг на примус, приговаривая:

— От так! Живо! Раз-два — и готово!

Орудуя возле печки, он чуть не свалил целую груду мисок, но успел подхватить их и, прижимая к груди, понёс на стол.

Николай Григорьевич с доброй улыбкой смотрел на него и, встречаясь глазами с сыном, подмигивал, как бы желая сказать: «Вот он какой, мой Матвеич!»

Шум примуса заглушал голоса, и Матвеич, поворачиваясь от печи всем своим корпусом, кричал, размахивая ножом:

— Обожди, стары́й! За́раз я этот сумасшедший примус загашу, тогда тихо будет. Може, умыться с дороги хотите, дак умывальник коло крыльца.

Сергей Николаевич подал отцу полотенце. Старик медленно поднялся со скамьи и, нерешительно ступая больными ногами, пошёл к двери.

Матвеич поставил на пол горшок с молоком и бросился к нему:

— А ну, ну... А ну, иди! — заглядывая товарищу в лицо и обхватив его правой рукой, возбуждённо кричал он. — Смело! Смело! От так! Смело давай! Сме-ло! — Потом выпрямился, шумно вздохнул, удручённо развёл руками: — Погано дило! — И тут же весело добавил: — Ну, да ничего! Я такое средство знаю, що будешь бигать, як той физкультурник.

Во время разговора, заметив Бобика, он поднял его за шиворот, вынес за дверь и кратко пояснил:

— Завсегда присутствует. Кто б ни пришёл, и он тут. Хитрый, як муха. Салом интересуется...

Матвеичу не терпелось скорей закончить свою стряпню и за доброй чаркой поговорить по душам со старым другом. Стоя у припечки, он обещающе подмигивал оттуда своими весёлыми, живыми глазами:

— За́раз поговорим! Обо всех делах наших... Що и як!..

На Сергея Николаевича он почти не обращал внимания, только один раз, окинув его взглядом, неодобрительно хмыкнул:

— Худый, як глиста! Голодный, чи що?

Сергей Николаевич сбросил рубашку, потёр выступающие под тёмной кожей мускулы:

— А ну, дедуш! Поборемся, коль так!

Матвеич потрогал его мускулы:

— Завтра.

За столом было шумно. Старики разошлись, вспоминая боевые годы гражданской войны. Сергей Николаевич не узнавал отца. Николай Григорьевич, слушая Матвеича, встряхивал головой, стучал по столу кулаком. Голос его окреп, глаза блестели.

— Да, был бы нам всем конец тогда! А ведь вот выжили, а, Матвеич? Выжили и землю от по́гани очистили.

Матвеич смачно крякал, опрокидывая чарку:

— Ще як выжили! Сами себе хозяева! И работа идёт. Я мёду на весь район заготовку сдаю и помощников себе не требую. Один раз секретарь райкома заехал на пасеку и говорит: «Вам, Иван Матвеич, тут одному не управиться!» А я ему говорю: «Мне по моим силам три такие пасеки мало! Надо, говорю, моё дело расширять, потому как наш колхоз богатеет и средства на то найти можно». А он смеётся: «Ваше предложение

нам нравится, только без помощников тут нельзя. Мы вам комсомольцев прикрепим, а вы будете их к этому приучать. Понятно?» — Матвеич налёг на стол и заблестевшими глазами обвёл собеседников. — Значит, такое дело: буду молодых обучать. Вот и ты оставайся со мной! И тебя обучу! — неожиданно закончил он, хлопнув по плечу Николая Григорьевича.

— А у нас, дедуш, к тебе просьба, — дав Матвеичу выговориться, сказал Сергей Николаевич. — От моих пионеров и от меня...

Матвеич склонил голову набок и лукаво улыбнулся:

— Мёду, чи що?

— Мёду — это потом. Это ты нас угощать будешь, когда мы к тебе всем отрядом в гости придём. А сейчас вот что: собирайся-ка, дедуш, с нами в поход! Тряхни стариной! Погуляем по лесам, поведёшь моих пионеров по тем партизанским тропам, где вы с отцом бродили; покажешь нам места, где были жаркие бои с белыми... Одним словом, приглашаем тебя как героя гражданской войны, свидетеля и участника боёв. Расскажи ребятам обо всём, что видел и знаешь.

— Ну-ну... нашёл рассказчика!

Матвеич замахал руками. Но Николай Григорьевич постучал по столу пальцем:

— Даже и не думай отказываться! Серёжа дело говорит... Для ребят каждое твоё слово интересно. Они всё хотят знать... Даже и не думай отказываться!

— Да Матвеич и не отказывается, — подмигнул отцу Сергей Николаевич. — Он только о пчёлах, верно, беспокоится.

— Ну да! И пчёлы... и вообще того... — закряхтел Матвеич.

— Ну, это мы устроим. Оставим завтра отца на пасеке за сторожа, сходим к Оксане и пошлём её сюда, а сами махнём в лес к ребятам! А как они ждут тебя!

— Скажи пожалуйста... — растрогался Матвеич и, обернувшись к Николаю Григорьевичу, вдруг сказал: — Добре! Оставайся, старый, за хозяина. А мы с Серёжей к пионерам пойдём!

Получив согласие Матвеича, Сергей Николаевич оставил стариков и прошёл в комнату. Новый крашеный пол был застлан половиками, в углу стоял круглый стол с двумя табуретками. Большая кровать, аккуратно застланная серым байковым одеялом с белоснежной покрышкой на подушке, была отодвинута от стены и стояла нетронутая и важная. Трудно было представить себе, что большой, неуклюжий Матвеич каждый день спит под этим одеялом, утопает головой в этих подушках и потом так аккуратно убирает свою кровать. На окнах висели занавески. Вышитые крестом задорные петухи с красными клювами и растопыренными перьями привлекли внимание Сергея Николаевича.

Он подошёл к окну и бережно взял в руки тонкую расшитую холстинку. Красные и чёрные крестики напомнили вышитые рукава и горячие мокрые щёки. Он вдруг с неожиданной силой ощутил тёплое, родное чувство к сестре, её близость и глубокое раскаяние в том, что столько лет не вспоминал её, не интересовался её жизнью. А ведь у неё умер муж, и она жила одна, оторванная от семьи, и, может быть, не раз горькое чувство охватывало её при воспоминании о род-

ном брате. Сергей Николаевич вспомнил сестру на маленькой деревенской фотографии. Она стояла, положив руку на спинку стула, на котором сидел её муж. Отец, получив эту фотографию, долго рассматривал её, с сожалением повторяя:

— Не та уже Оксана... Постарела Оксана...

А ему тогда даже не хотелось всматриваться в черты этой новой женщины, чтобы не утратить в своей памяти черты прежней Оксаны. Сколько же ей лет сейчас? И как встретятся они после долгой разлуки?

Сергей Николаевич осторожно погладил выпуклые крестики на занавеске:

— Сестра...

Матвеич заглянул в комнату:

— Ты чего смотришь? Занавески? Да это твоя Оксана расшивала! Бачь, яких пивней настряпала! Это она мне на новоселье принесла... И койку заправила, как полагается. Каже: «Щоб у вас, диду, чисто було, я приду, проверю!» — Он почесал лохматую голову, хитро улыбнулся и махнул рукой: — Так я теперь той койки не касаюсь! Чтоб порядок не нарушать, на полатях сплю. Будет тут твой батько спать. Честь-честью.

* * *

Поздно ночью, засыпая на широкой скамье, Сергей Николаевич слушал тихую беседу двух друзей.

Матвеич, присев на угол кровати, осторожно гладил заскорузлой ладонью больные ноги товарища и шопотом говорил:

— От я уже бачу, где самая болявка у тебя. Это тебе, брат, наши болота отзываются. Да, может, и с того разу, как ты меня на плечах та-

щил из лесу. Эх, Коля, богато чего мы с тобой видели! Ну, зато на старости поживём. А ноги я тебе воском с маслом буду мазать и на солнышке греть. И работать будем... Потому как человека что убивает? Болезнь одно, а без своего дела тоже не можно жить. Тоскует человек без дела. Вот полюбишь моих пчёл, да от ульичка к ульичку потыхесеньку... Так-то, товарищ мой...

* * *

Когда Сергей Николаевич открыл глаза, солнце уже заливало хату горячим светом. Крашеные половицы блестели, в раскрытое окно с жужжаньем влетали пчёлы, на занавеске билась пёстрая бабочка. Николай Григорьевич ещё крепко спал, свесив с кровати руку. В кухне было пусто. Где-то во дворе слышалась добродушная воркотня Матвеича.

Сергей Николаевич сладко потянулся и зажмурил глаза. Что-то снова напомнило ему далёкое детство, ночёвки у дядьки Матвеича, быструю речку под горкой и серебряную плотву, которую он ловил зелёной ивовой корзинкой. Даже сон в эту ночь у него был крепкий, непробудный, как в детстве. И только на рассвете приснилось ему, что на реке встают громадные валы и с гулким шумом обрушивается на берег вода... И было приятно чувствовать себя в крепком доме, под тёплым одеялом, у старого деда Матвеича...

Сергей Николаевич вскочил и вышел на крыльцо. Из рукомойника, прибитого к дереву, капала вода. Холодные струйки освежили лицо и голову, потекли по спине. Бобик с высунутым языком лениво вылез из кустов и полакал из лужи.

— Что, брат, жарко?

Сергей Николаевич схватил чёрный кудлатый шарик и подставил его под рукомойник.

Бобик изо всех сил сопротивлялся.

— Чудак! Умойся! Умойся! Тебе же лучше будет! — весело приговаривал Сергей Николаевич.

Отпустив мокрого Бобика, он пошёл на сизый дымок, поднимавшийся из-за кустов.

В траве желтели новенькие ульи. У летков серыми кучками копошились пчёлы. Несколько пчёл на лету ударили Сергея Николаевича по лбу, запутались в его волосах. За вишнями Матвеич, в сетке, с дымящимся факелом, разбирал улей. Пчёлы тучей гудели над ним, ползали по его рукам и по рубашке. Бобик уселся поодаль. В его мокрую шерсть тоже забирались пчёлы; он взвизгивал и, щёлкая зубами, впивался в свой хвост.

— Не щёлкай! Не щёлкай! За своё любопытство страдаешь, — спокойно выговаривал собаке Матвеич, поворачивая в руках рамку и разглядывая янтарные пласты мёда. Увидев подошедшего Сергея Николаевича, он кивнул головой в сетке.

Сергей Николаевич заглянул в улей. Пчёлы загудели в его волосах, полезли за воротник.

Матвеич засмеялся:

— Тикай лучше, а то разукрасят так, что родной батько не узнает!

— Не разукрасят! — Сергей Николаевич хлопнул себя по шее, нагнулся, вырвал пучок травы с сыроватой землёй и приложил к укушенному месту.

— Эге, уже есть!

В небе, за белыми разорванными облаками, загудел самолёт.

Матвеич поднял голову и прищурил глаза:

— Слухай... Что это за чертовщина такая? Чего они там кувыркаются? А на рассвете такой гул поднялся, что я думал — вас с батькой разбудят!

— Нет, я спал. И тебя, дедуш, во сне видел. Ну, когда бороться будем? — улыбнулся Сергей Николаевич, отступая от пчёл.

— Вот старый проснётся, тогда после завтрака я тебя и поборю! А теперь иди погуляй, а то пчёлы тревожатся — не любят незнакомых людей.

Сергей Николаевич обошёл кругом хату. Ульев было много. Одни — старого образца, похожие на колоды; другие — новенькие, нарядные, как домики. Густая трава закрывала их до половины; от пушистых шариков клевера всё казалось сиреневым. Прямо за пасекой пышно цвела гречиха; узенькая дорожка выходила на свежий, нескошенный луг. В нагретом воздухе смешивались все запахи: пахло мятой, гречихой, травой и цветами. Ветер колебал травы, и казалось, что луг качается и плывёт. Весело перекликались птицы. Клейкие стебли красненькой смолки прилипали к рукам.

Сергей Николаевич сел на мягкую траву и обхватил руками колени. В глазах у него пестрило. Повсюду слышался неугомонный шум: трещали кузнечики, гудели пчёлы, мохнатый шмель ворчливо рылся в ромашке. Жёлтые и белые бабочки стайками кружились над цветами. Маленькие букашки свершали свой трудный путь, пробираясь куда-то среди непреодолимых препятствий; блестящий жук сердито гудел, качаясь на тоненькой былинке; божьи коровки с красными спинками расправляли крылышки.

Ни о чём не хотелось думать, хотелось броситься на землю, прижаться лицом к пахучим травам. Чувство безмерного счастья и покоя овладело Сергеем Николаевичем...

* * *

Матвеич засучил рукава и, широко расставив ноги, сказал:

— А ну, Серёжа, выходи! Побачим, якй ты боец!

Сергей Николаевич сбросил рубашку и спокойно стал против Матвеича. Николай Григорьевич потёр руки и усмехнулся:

— Ты гляди, Иван, не сломай мне сына...

Матвеич шагнул к Сергею Николаевичу и огромными ручищами обхватил его поперёк туловища. Но Сергей Николаевич не поддался; ловким приёмом он выскользнул из рук Матвеича и крепко сжал его локти... Боролись долго. Матвеич наступал, как медведь. Сергей Николаевич, ловкий и увёртливый, выскальзывал из его рук и наконец, улучив минутку, обхватил старика за плечи и с силой пригнул его к земле. Бобик с яростным лаем прыгнул на обидчика... Борьба кончилась вничью. Но Матвеич был возбуждён и доволен:

— Молодец, Серёжа! Борец! Чемпион, да и всё!

— Я тебе говорил, Матвеич! У него сила есть! — гордясь сыном, кричал Николай Григорьевич.

Сергей Николаевич развеселился, стал возиться с Бобиком, трепал его за уши, бегал с ним по дорожкам.

— Серёжка, не дури! Не дури! Ведь укусит Бобик! — совсем как в детстве, кричал ему отец.

За дальним лесом что-то ухнуло и, прокатившись по земле глухим эхом, замерло...

— И что оно чиркае? — удивился Матвеич.

— Да что ты как волк живёшь — ни газет у тебя, ни радио! — строго выговаривал ему старый товарищ. — Без радио никто не живёт теперь!

Матвеич сердито вытащил из-под навеса длинный, тонкий шест и бросил его около крыльца.

— Это всё твои пионеры, Серёжа! «Мы вам, диду, то, мы вам сё, мы вам радио проведём!» — передразнил он ребят. — Принесли какую-то жердину, тягали её, тягали, и в землю вкапывали, и на крышу лазили... Не! Не годится! Опять побежали куда-то. Другую притащили. Мерили-мерили, бегали-бегали с нею... Есть! Хороша уже! Антенна, чи як? Теперь вдруг проволоки у них нет! Пойдём, кажуть, достанем. От же ж бисови хлопцы! Наморочили голову, да ничего и нема!

Сергей Николаевич осмотрел антенну:

— Если сказали — сделают, значит сделают. Не зря бегали.

— Может, и сделают. Я у них, конечно, в плане состою, это верно, — вздохнул Матвеич.

— А я с Серёжиными пионерами сдружился. Хорошие ребята! Ты, Матвеич, любишь поворчать, я тебя знаю, — добродушно сказал Николай Григорьевич. — А прибегут, ты и рад им!

— Ну конечно, дети... Без них и дедам скушно, — сознался Матвеич и, погладив свежевыстроганную антенну, добавил: — Мабуть, сделают.

Глава 14

ГРОЗНАЯ ВЕСТЬ

После обеда стали собираться. Решено было оставить Николая Григорьевича на пасеке, а самим, навестив на хуторе Оксану, отправить её к отцу и, не мешкая, идти к лагерю.

— Собирайся, собирайся, дедуш! Нас ребята ждут! — торопил Сергей Николаевич.

Он уже начинал скучать без ребят; было непривычно тихо без шумных голосов, не хватало обычной радостной толкотни, расспросов, смеха и пытливых, живых глаз. Сергей Николаевич поминутно ловил себя на одной мысли: как жаль, что нет ребят! Вот бы им показать пасеку, рассказать о пчёлах, видеть внимательные ребячьи лица...

— Идём, идём, дедуш! — нетерпеливо повторял он, поправляя за спиной рюкзак и наскоро прощаясь с отцом: — До свиданья, отец. Не скучай. Мы тебе сейчас Оксану пришлём. Заготавливайте тут побольше мёду, а мы к вам всем отрядом после похода нагрянем!

Вышли по холодку. Узенькая тропинка вилась в густой пшенице. По бокам шелестели спелые, налитые колосья. Матвеич, поминутно оборачиваясь к Сергею Николаевичу, кричал:

— Вон где хутора начнутся! Отсюда до Оксаны километров шесть полем. А по правую руку за лесом — это МТС. Там заведующий дуже хороший человек! Правильный человек. По последней технике действует... А по левую руку — тут шоссе проходит. На шоссе мы и телегу найдём, подъедем малость к хуторам, а то наш старый заскучает один...

Жар спадал. Сергею Николаевичу казалось, что они идут слишком медленно, он торопился выйти на шоссе.

— А что, далеко ещё? — спросил он Матвеича.

— За́раз выйдем, — ответил тот, приподнимаясь на цыпочки и вглядываясь в густую желтизну колосьев. — А ну, Серёжа, кто там есть? Чи то заяц скаче, чи дытына...

— Эй, эй, диду! Диду! — донёсся откуда-то звонкий голос. — Подождите трохи!

— Эгей-гей! — мощно окликнул Матвеич.

Из пшеницы наперерез ему выскочила девчонка. Красная косынка сбилась у неё на шею, мокрые щёки блестели.

— Диду! Я ж за вами от самой пасеки бигла! Вертайтесь скорийше до дому! Председатель вас требует! — быстро затараторила она, исподтишка оглядывая приезжего серьёзными голубыми глазами. — Вертайтесь до дому, диду, председатель вас требует...

Матвеич пожал плечами и подмигнул Сергею Николаевичу:

— Видал? Требует, и всё. А чего?

Девочка удивлённо и строго взглянула на него.

— Совещание в колхозе идёт — вот чего! — сказала она, присела на землю, вытащила из пятки занозу и неожиданно добавила: — Война, вот чего! Хиба не знали? — Она искоса взглянула на взрослых.

Сергей Николаевич, поражённый неожиданным известием, молчал.

Матвеич оглянулся:

— Чего? — И, багровея, закричал, наступая

на девчонку: — Где война? Яка война, я тебя спрашиваю?! — Он снова оглянулся, как будто война должна была быть где-то рядом, а он её не видел.

— Ну, война! С Гитлером! Сам товарищ Молотов по радио сказал! — сердито заговорила девочка. — И чего это вы кричите, диду! Идите лучше до председателя, а я на хутора побегу.

Она вскочила и прыгнула на тропинку.

— Эй, слухай! Слухай! — кричал ей вслед Матвеич. — Стой, кажу, бисова душа!

— Нема колы́! — звонко донеслось из пшеницы.

Старик посмотрел на небо, широко развёл руками. По багровым щекам его катились крупные капли пота, глубокий шрам побелел, брови сдвинулись.

— Значит, порешили они на нашу землю идти, — тихо, с угрозой сказал он. — Добре. Добренько... Хай идуть... — Он застегнул доверху пуговицы на своей гимнастёрке. — Добре! Встринемось!

Сергей Николаевич мгновенно представил себе пионерский лагерь в лесу, Митю...

Нагнувшись к своему рюкзаку, он поспешно вынимал из него свёртки, предназначенные для Оксаны. Потом вытащил горн, протёр его носовым платком, снова засунул в рюкзак и выпрямился. Лицо у него было серое — сухие губы, щёки и лоб как будто покрылись дорожной пылью. Но глаза были светлые, спокойные, решительные.

— Мне, дедуш, машину надо. Я должен ребят вывезти. Отца тебе оставляю... Возвращайся домой.

— Ах они бандюги! Каты! — кричал, потрясая кулаками, Матвеич.

— Диду! Слышишь? Машину надо! Ребята в лесу остались. Говори, где машину взять!

Матвеич пришёл в себя:

— Машину? Стой! Стой! — Он потёр лоб, соображая. — Иди за́раз на МТС... Тут прямиком километров пятнадцать будет. Там и машины есть и телефон. В случае чего, можно секретарю райкома позвонить. Вот, гляди. Прямёхонько в овраг, а там через сосенки...

— Есть! Найду!

— А я... — Матвеич махнул рукой и отвернулся. — От же ж яка катавасия получается!

Сергей Николаевич подошёл к нему:

— До свиданья, диду! Увидишь Оксану, скажи — я её помню. И отца береги!.. Увидимся...

Матвеич обеими руками стиснул его плечи:

— Ты того... за нас ни-ни... Я старика в обиду не дам...

Сергей Николаевич вскинул на плечи рюкзак и, не оглядываясь, зашагал по дороге.

Он шёл быстро, прямиком, спускался в овраги, пересекал поля с гречихой, блуждал в молодом лесу, поминутно теряя узенькую тропинку. Сначала лучи солнца золотили тонкие стволы молодых сосенок и ложились светлыми полосами между их ровными рядами, потом вечерние тени легли на траву. Солнце незаметно ушло, а тропинка вела всё дальше и дальше, лес становился гуще.

Сергею Николаевичу представилось, как в таком же лесу, в пионерском лагере, сбившись в кучу, ребята одолевают Митю вопросами и ждут условного горна...

Становилось всё темнее, изредка вскрикивали птицы. Запахло шиповником, влажной травой...

Внезапно мягкий свет месяца осветил кирпичные здания, крепкий забор и запертые ворота.

Сняв с головы шляпу, Сергей Николаевич подошёл к воротам и крепко постучал. И почти одновременно со стуком перед ним выросли две фигуры дюжих хлопцев:

— Хто такий?

Глава 15

ДИРЕКТОР МТС

Директор МТС Мирон Дмитриевич, сидя за столом, смотрел на Сергея Николаевича острыми, насмешливыми глазами и, поглаживая бритый подбородок, спокойно говорил:

— Машины пошли своим плановым порядком. Как вернутся назад, то можно будет дать.

— А когда они вернутся назад? — сдерживаясь, спросил Сергей Николаевич. Его раздражал этот человек, которому он уже успел рассказать, что у него в лесу остались ребята, что они ждут, что их необходимо скорее вывезти и посадить в поезд на Москву. — Когда же они вернутся?

Мирон Дмитриевич развёл руками и указал на занавешенные окна:

— Видите, что делается... Может, завтра к вечеру...

Сергей Николаевич возмутился:

— Товарищ, я удивляюсь вашему спокойствию! Я повторяю — у меня дети. Мне необходимо их вывезти. Есть в вашем распоряжении ещё хоть одна машина?

Мирон Дмитриевич отогнул большой палец и прищурил светлые глаза:

— Есть машина. На неё особое распоряжение — со двора никуда!

Сергей Николаевич снял телефонную трубку:

— Район! Район! Дайте райком партии!

Директор покачал головой:

— Навряд ли они сейчас дадут.

Дозвониться было нелегко. Сергей Николаевич бросал трубку, ходил большими шагами по кабинету и снова звонил.

— Секретаря нет. На совещании. Не уполномочен... Ждите... — отвечали из райкома.

Мирона Дмитриевича вызывали по разным делам. За окном слышался его густой бас.

— Все тракторы в поле. Живо, хлопцы, живо! Давай, давай, ремонтируй! Чтоб через час

там был! — кричал он на кого-то. — Сказано: убрать хлеб — и всё тут!

Возвращаясь в комнату, он прислушивался к разговору по телефону.

— Где на совещании? — кричал учитель. — Когда приедет?

Лоб у него был мокрый, лицо усталое, под глазами легли тёмные круги. Мирон Дмитриевич взял у него из рук трубку:

— Говорит директор МТС... Да, я знаю, что на совещании. Дайте телефон. Ну? Давай, кажу, телефон... того совещания! — заорал он, прижимая ко рту трубку. — Без ниякого разговору! Срочно! — Он кивнул головой Сергею Николаевичу: — Записывайте!

Сергей Николаевич записал телефон и взял трубку. Мирон Дмитриевич снова вышел во двор. Когда он вернулся, учитель стоял у окна, заложив в карманы руки. Губы у него были крепко сжаты.

— Ну что? Дозвонились? — спросил директор.

— Дозвонился к секретарю... Утром пришлёт свою легковую, — отрывисто, не глядя на него, сказал Сергей Николаевич.

Директор тронул его за плечо:

— Вы что ж, москвич? Учитель?

— Москвич. Учитель, — стараясь сохранять спокойствие, ответил Сергей Николаевич.

— Партийный человек? — тем же тоном спросил Мирон Дмитриевич.

Сергей Николаевич молча вынул из кармана партбилет.

«Не доверяет», — мелькнуло у него в голове.

Но директор осторожно отвёл его протянутую руку:

— Не треба. Я насчёт паники...

— Какой паники?

— А той самой паники, какой в наше время не должно быть... — подняв свой большой палец, начал директор.

Сергей Николаевич вспыхнул:

— Да вы что, товарищ! Понимаете или нет? Я учитель. У меня в лесу дети...

Мирон Дмитриевич стукнул ладонью по столу:

— «Дети, дети»! У нас у всех дети. У меня у самого дети. И нечего горячку пороть. Сейчас война! Вероломное нападение — понятно тебе, товарищ? Все машины заняты — подвозят бойцов, доставляют горючее, убирают хлеба́... А ты — «дети, дети»! «Я учитель»! — передразнил он Сергея Николаевича. — Да як ты учитель, так должен понимать, что всё своим порядком делается. А ты сам весь побелел, распушился. Ты учитель, а я — батько. И у меня полна хата детей. А нужно сдерживаться, бо время военное. Вот утречком поедешь и заберёшь своих детей, да и всё!

Сергей Николаевич с удивлением смотрел на этого человека, строго и решительно читающего ему наставление, как вести себя. До сих пор никто не мог упрекнуть его в отсутствии выдержки. Он воспитывал в себе эту черту характера годами, терпеливо и неуклонно, простым и верным способом — не давая себе воли в проявлении гнева, раздражения по отношению к окружающим его людям. Он вызывал к себе уважение среди своих товарищей именно этой удивительной выдержкой, и вдруг чужой, почти незнакомый человек делает ему такое замечание... Сер-

гей Николаевич чувствовал, что кровь приливает к его щекам. Но Мирон Дмитриевич ласково усмехнулся и похлопал его по плечу:

— Ну добре, хлопче! Так — не так, а к утру машина будет. Пойдём сейчас до моей хаты. Там я распорядился, чтоб нам жинка повечéрять приготовила, бо такая перепалка, що некогда и поесть. Пошли! Берите своё имущество! Где оно есть?

Он ухватил рюкзак и потащил за собой ошеломлённого Сергея Николаевича через двор к маленькой белой хате с железной крышей. Во дворе было темно, где-то нетерпеливо мычала корова, из ворот выезжал трактор.

— Ну як? Починился? Живо давай! Чтоб у меня к завтрему зерно в мешках было! — крикнул в темноту Мирон Дмитриевич, толкая дверь хаты и пропуская вперёд учителя.

Хата была маленькая, уютная. Посередине стоял добела выскобленный стол, по бокам — табуретки. У стены на широкой никелированной кровати спали ребята. С двух сторон сползали с подушек кудрявые тёмные головы и торчали из-под одеяла маленькие босые ноги.

— Мала куча! — добродушно усмехнулся Мирон Дмитриевич, указывая на них учителю. — Ну, садитесь, будьте гостем!

Он придвинул к столу табуретку и заглянул в сени:

— Ульяна!

Ульяна не откликнулась. За неё ответил с кровати детский голос:

— Мама во дворе корову доит.

— Давно пошла? — спросил Мирон Дмитриевич.

— Давно. Зáраз придёт, — сонно отозвалась девочка. Она, видимо, привыкла к чужим людям и, не обращая внимания на Сергея Николаевича, отвернулась к стене и уткнулась лицом в подушку.

Мирон Дмитриевич стал собирать на стол. Вытащил из стенного шкафа тарелку с селёдкой, очистил луковицу, порезал её большими кружками, достал хлеб.

В хату, гремя подойником, вошла маленькая, кругленькая молодица в тёмном платке; оба конца, стянутые под розовым подбородком, были завязаны наверху тугим узелком. Она мельком взглянула на гостя и тихо сказала:

— Здравствуйте.

Потом поставила на лавку ведро с молоком и, обтирая о передник руки, вдруг быстро и сердито напала на мужа:

— А то что ж за порядки, Мирон, а? Скотина до ночи не пригнана, где-то того пастуха к чорту заслали! Корова кричит, с фонарём выйти до сарая не можно. Тычешься во все углы, як та слепа курка! Это что за дело, я тебя спрашиваю, Мирон?

— А такое дело, що война, — обтирая рукавом губы и обсасывая селёдочную голову, спокойно сказал Мирон Дмитриевич. — Война! Не привыкла, чи що?

— О! Бачишь! «Не привыкла»! Так я ж баба, а ты мужик. А такого крику наробив: «Затемняйтесь, та щоб я ниде свиту не бачив!» Таку панику на всих нагнав!

— Ульяна! — строго прикрикнул Мирон Дмитриевич, заметив улыбающийся взгляд учителя. — Это не твоего ума дело, понятно? Я ди-

ректор МТС. Я за всё отвечаю! — Он налил молока и махнул рукой: — Одним словом, прекрати разговор! Або перемени свой разговор, — добродушно закончил он, подмигнув учителю.

Сергей Николаевич, улыбаясь, взял стакан:

— Видно, нам всем нужно побольше выдержки и терпения.

Ульяна подсела к столу и, лукаво блеснув глазами, спросила:

— Ну, а кто ж его бачив, того немца, Мирон? Хоть одного?

Мирон Дмитриевич вытащил круглые часы, поспешно встал, пошарил рукой за шкафом, включил радио:

— За́раз Москву послушаем, товарищ учитель!

Сергей Николаевич с волнением слушал сводку, передаваемую по радио из Москвы. Кровь закипала гневом, бурно билось сердце. Он чувствовал, что где-то близко отсюда в жестоких боях уже бьются с врагами молодые, сильные, самоотверженные сыновья Родины. И ему казалось невозможным больше сидеть в этой хатке и ждать...

«Приеду — пойду в райком партии... сейчас же...»

* * *

Поздно ночью хозяева внесли раскладушку и уложили гостя.

— Спите, товарищ, я разбужу, как машина придёт, — уговаривал его Мирон Дмитриевич.

Сергей Николаевич лёг, но уснуть было невозможно. Перед его глазами стоял лес, около раскинутых палаток теснились ребята. Он видел

их встревоженные лица и, сжимая руками виски, думал:

«Не могу ждать... Уйду. Лучше пешком, как-нибудь... Скажу, чтоб машина шла вслед за мной...»

Он решительно вытаскивал из-под головы свой рюкзак, потом снова клал его на место.

«А что, если шофёр, узнав, что я ушёл, погонит машину обратно? Или в темноте я потеряю дорогу и машина пройдёт мимо? И сколько я буду идти? Нет, надо ждать... Надо ждать...»

Ходики тихонько покачивали гирями. Время тянулось медленно.

Сергей Николаевич не знал, на что решиться. Казалось, что бы ни ожидало его впереди, ничто уже не будет страшней этой ночи бездействия и ожидания...

Мирон Дмитриевич часто выходил на крыльцо, потом осторожно, стараясь не стучать тяжёлыми сапогами, возвращался в комнату, присаживался к столу, крутил козью ножку и что-то записывал в потёртой записной книжке. Слышно было, как во двор въезжали тракторы, где-то приглушённо гудели машины. Откуда-то издали слышались глухие удары...

Мирон Дмитриевич хмурился и глядел на жену. Стучал по столу пальцем, видимо обдумывая что-то про себя:

— Ты вот что, Ульяна... Бери завтра детей и эвакуируйся в Макаровку...

— А, видчипысь! — с досадой отвечала Ульяна, заботливо укрывая ребят. — Куда я с ними эвакуируюсь? До Макаровки не близко. Як я поеду?

— Ну, особого транспорта у меня для тебя нету. А Сивка́ завтра запрягу, да и поедешь!

— Никуда я не поеду от своей хаты. Видчи пысь!

Очевидно, спор этот шёл с утра, и Ульяна сердилась на мужа.

Сергей Николаевич думал о своём... Конечно, Митя постарается успокоить ребят и будет ждать его, учителя. А если Митя двинется по направлению к селу? А он, Сергей Николаевич, будет искать их в лесу и потеряет время?..

Над хаткой с тихим воем пролетели самолёты. Сергей Николаевич прислушался. Внезапно сильный удар потряс землю. Хатка дрогнула. Сергею Николаевичу показалось, что над его головой сорвалась крыша и с грохотом покатилась по двору. Ульяна схватилась за голову и бросилась к детям.

— Ой, боже мий! — с ужасом простонала она, прикрывая руками их головы.

Младший проснулся и заплакал. Мирон Дмитриевич взял его на руки и, стоя посреди хаты, грозно сказал:

— Завтра же чтоб тебя здесь не было! Эвакуируйся!

Ульяна заплакала, прижимая к губам платок. Мирон Дмитриевич покачал на руках ребёнка, коснулся сухими губами мягких волос на его лбу, подсел к жене.

— Ульяна, я человек партийный... Я должен свою жизнь по-военному располагать. Я на партию смотрю и партию слушаю. Мне может любой приказ выйти, — объяснял он жене, заглядывая ей в глаза и тихо прибавляя: — Чуешь, голубка моя?..

Ульяна плакала...

Под утро гуденье самолётов затихло. Только

где-то вдалеке слышался мелкий и дробный стук — казалось, что в лесу на каждом дереве сидит дятел и долбит носом кору. Сергей Николаевич, готовый к отъезду, стараясь не будить прикорнувших хозяев, вышел на крыльцо.

Солнце ещё не вставало. Было свежо. На траве лежала холодная роса. Около сарая два хлопца выбрасывали лопатами землю из глубокой ямы. Ещё один хлопец, почти подросток, в длинном тулупе, прохаживался у ворот.

— Что, не было машины? — спросил Сергей Николаевич.

— Легковой?

— Да.

— Из района?

— Да.

Хлопец не спеша вытер платком нос:

— Не було.

В сарае сонно закричал петух. Всполошились на насестах куры. Светало...

«Что делать? Вдруг не придёт?» — мелькнуло в голове у Сергея Николаевича. Он с горькой досадой подумал о потерянном времени. Нужно было расспросить дорогу и ещё вчера вечером пуститься в путь. Хлопец как будто угадал его мысли. Он высвободил из мохнатого воротника натёртый докрасна подбородок, прищурил светлые глаза и пошевелил губами:

— А до якого вам места?

— До поворота, где река под горой, знаешь?

— Чего ж не знаю! Километров двадцать по шоссе. Пешком далеко...

Сергей Николаевич вошёл в хату. Было ещё слишком рано, чтоб снова звонить в райком. Он приподнял тёмную занавеску и стал смотреть во

двор. Бездействие доводило его до отчаяния. В углу мирно тикали ходики. Стрелки медленно ползли к четырём часам. Хозяева спали.

Сергей Николаевич взял свой рюкзак и в нерешительности пошёл к дверям.

Но Мирон Дмитриевич вдруг поднял с подушки нечёсаную голову, провёл ладонью по заспанному лицу и прислушался:

— А ну, подождите!

С дороги донёсся тихий шелест и негромкий гудок.

— Эге! За вами!

Сергей Николаевич бросился к воротам.

Машина была легковая. Шофёр, открыв дверь, окликнул:

— Кто тут будет товарищ учитель?

На ходу застёгивая френч, выскочил Мирон Дмитриевич. Сергей Николаевич крепко пожал ему руку:

— Спасибо, Мирон Дмитриевич.

— Добрый ты хлопец, а горячий, — с улыбкой сказал ему директор.

Они обнялись. Хлопцы окружили шофёра:

— Ну, яки там новости?

Шофёр был хмурый, невыспавшийся.

— Погано. Сильно напирает фашист, — хрипло сказал он.

Люди, встревоженные его сообщением, ближе придвинулись к машине.

Сергей Николаевич тронул шофёра за плечо:

— Поехали, поехали, товарищ. К большому лесу. По шоссе.

Машина загудела, попятилась назад и, вырвавшись на лесную дорогу, помчалась, мягко подпрыгивая на ухабах.

Глава 16

СНОВА В ПОХОД

Мазин вытер губы и повторил:

— Война.

Ребята, тесно сдвинувшись вокруг, молча и тревожно смотрели то на него, то на Митю. Митя, ошеломлённый неожиданным известием, старался сохранить спокойствие; он неестественно улыбнулся, пожал плечами.

Мазин, прерываемый взволнованным Петькой, начал рассказывать:

— Мы вышли на шоссе, а тут — скот гонят, люди идут...

— Неожиданное нападение! — перебивая его, кричал Петька.

Ребята забрасывали их вопросами:

— А что говорят? Где сражение? Зачем скот гонят?

Девочки прижимались друг к дружке, смотрели широко открытыми глазами на Митю:

— Что же это, Митя? Война? Настоящая война?

Митя поднял руку. Он чувствовал, что надо успокоить ребят, что-то сказать им, но про себя он уже спешно решал вопрос, что делать: ждать учителя или двигаться к нему навстречу?

— Ребята! Война, конечно, является неожиданностью не только для нас, но и для всей нашей страны. — Митя остановился, посмотрел на серьёзные лица ребят. — Но у нас, у советских людей — у коммунистов, комсомольцев и пионеров, — есть такое отличительное свойство: перестраиваться на ходу. Мы не теряемся ни при каких обстоятельствах. А потому наше дело: спо-

койно, стойко, как подобает пионерам, принять это известие и срочно перестроиться на военный лад. Трубачёв! Ты остаёшься командиром отряда! — Митя посмотрел на мирную полянку, на дымящуюся на костре картошку. — Сейчас лагерь снимется с места и походным порядком выйдет на шоссе. Варёную картошку разделить — съедим на ходу. Консервы, мешки с мукой, лишнюю посуду и лишние тяжести сложить в яму и замаскировать. Уладится дело — заберём. Каждый идёт налегке — понятно?

— Понятно! — серьёзно ответили ребята.

Митя взглянул на часы:

— Полчаса на сборы.

На поляне закипела работа. Снимали и связывали палатки, складывали в незаконченную землянку консервы, чугунки, удочки. Мазин и Русаков занимались маскировкой. Они искусно выложили дёрном и забросали валежником яму. Синицына с Зориной раздавали горячую картошку. Кто-то из ребят потребовал соли. Синицына возмутилась:

— Какая соль ещё? Война, а он «соли»!

Трубачёв о чём-то советовался с Одинцовым.

Через полчаса всё было готово. Стоя посередине полянки с лёгкой ношей за спиной, ребята с сожалением поглядывали на изумрудную зелень, на затухший костёр, на чёрные ямки в том месте, где так уютно стояли их палатки. Было странно, что они должны уходить отсюда потому, что на их землю пришёл враг. Было непонятно и тревожно слово «война», знакомое ребятам только по книгам и рассказам.

— Нам не страшно... Нам только самую чуточку страшно, — сознавались шепотком девочки.

Ребята были настроены воинственно. У них появились толстые палки с острыми концами. Два кухонных ножа бесследно исчезли под чьими-то куртками.

— Готово? — спросил Митя.

— Готово!

— «Если завтра война, если враг нападёт...» — решительно запел Трубачёв.

— «Если тёмная сила нагрянет...» — звонко подхватили голоса ребят.

Они шли, крепко ступая по земле, презирая колючки и крапиву, ломая на своём пути сухие ветки. Шли с песней, как идут бойцы.

Когда первый боевой пыл улёгся, стали решать, как быть, если Сергей Николаевич запоздает. Посыпались и другие вопросы, ребята забеспокоились о родителях — что они думают? Мамы уже, верно, плачут. Надо послать телеграмму, успокоить их. И вообще, что будет дальше? И как это так всё неожиданно случилось?

Над головой сквозь тёмную зелень розовело небо, трава была ещё мокрая, но в воздухе уже не чувствовалось ночной свежести.

— А вдруг мы этих самых фашистов встретим? — тревожно оглядываясь, спросила Надя Глушкова.

— Встретим, так будем драться! — крикнул Трубачёв, с силой сбивая палкой молодые кусты.

— Трубачёв! Отставить! — прикрикнул Митя. — Во-первых, мы их не встретим, во-вторых, таких вояк никому не нужно, а в-третьих, наша прямая обязанность — возможно скорей убраться восвояси, чтоб не затруднить собой взрослых.

— Как — восвояси? Сейчас же? Домой? — разочарованно протянули ребята.

— Да над нами все смеяться будут — скажут, что мы струсили.

— Тут война, а мы «восвояси»! — возмущался Одинцов.

— Ну, а куда же нам? Конечно, по домам надо, — рассудительно сказал Саша.

— Конечно. В школу надо... — задумчиво поддержал его Сева.

Трубачёв был недоволен:

— Что мы, маленькие, что ли? В гражданскую войну и не такие, как мы, воевали!

— Я никуда не поеду! — решительно заявил Мазин.

— Я тоже! — крикнул Русаков.

Митя рассердился:

— Кто это смеет рассуждать, поедет он или не поедет! Как старшие решат, так и будет. (А старшие — то-есть он, Митя, и Сергей Николаевич, — без всякого сомнения, посадят всех в вагон и вывезут. А потом Сергей Николаевич пойдёт на фронт, а может быть, и он, Митя.) И прекратить лишние разговоры! Давайте лучше слушать, не горнит ли Сергей Николаевич.

Но горна не было слышно. Митя с каждым шагом испытывал всё большее беспокойство. Что, если Сергей Николаевич не встретит их и потом будет искать в лесу? Поляна ещё хранит следы пребывания лагеря; учитель, наткнувшись на неё, вероятно поймёт, что Митя увёл ребят в село. Но что будет, если, не услышав ответа на горн, учитель двинется вглубь леса и, разыскивая отряд, напрасно потеряет время? Надо было бы как-нибудь дать знать, куда снялся лагерь...

Митя подозвал Трубачёва.

— Мы с тобой, брат, маху дали, — тихо сказал он.

— А что? — встрепенулся Трубачёв.

— Да надо было Сергею Николаевичу какой-нибудь знак на поляне оставить, что мы ушли в село.

— Знак? Я оставил! Мы с Одинцовым письмо в клеёнку завернули и над костром к железке привязали, — сообщил Васёк.

Митя просветлел:

— Ну, тогда всё в порядке! Если и разойдёмся, то он нас догонит.

Шли долго. Дорога казалась очень длинной и незнакомой. Несколько раз останавливались, прислушивались и хором кричали:

— Сергей Николаевич! Ау!

Но в лесу не было слышно ни одного человеческого голоса. Мазин и Русаков то и дело забегали вперёд — проверять свои дорожные знаки.

— До шоссе осталось два километра! — сообщили они.

Ребята заспешили.

До них доносились какие-то смешанные звуки: неясный равномерный шум, стук колёс, гудки машин. Митя сквозь деревья увидел красноармейцев. Они шли и шли ровным, широким шагом. Кое-где двигались за ними орудия, ехали грузовики, торчали вверх чёрные стволы винтовок. Ребята замерли.

— Красная Армия пошла на врага! — торжественно сказала Валя Степанова.

— Бойцы! Бойцы!

Ребята врассыпную бросились к шоссе. Митя перепрыгнул через глубокий ров, отделявший его от дороги, и остановился, с волнением вгля-

дываясь в суровые лица шагавших бойцов. Увидев пионеров, некоторые из них поворачивали серые от пыли лица и улыбались. Ребята радостно ловили эти улыбки.

Сева Малютин, подняв вверх худенькую руку, махал и махал ею в воздухе. Петька схватил Мазина за плечо.

— Пойдём за ними! — возбуждённо зашептал он.

Мазин нагнул голову, раздумывая:

— Сейчас нельзя, не по-товарищески.

Трубачёв, Булгаков и Одинцов стояли на пригорке, освещённые лучами солнца. В немом восхищении они отдавали салют идущим в бой красноармейцам... И вдруг за сплошной движущейся массой, откуда-то с другой стороны шоссе, раздался призывный звук горна.

— Сергей Николаевич!!!

Митя схватил за плечо Белкина:

— Давай! Давай!

Тра-та-та-та! — изо всех сил забарабанил Белкин.

Глава 17

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА

Учитель с горном в руках стоял по ту сторону шоссе. Он видел взволнованные лица ребят, видел Митю. Тягостное беспокойство, которое он испытывал в последние часы, сменилось в нём горячей нежностью. Он махал ребятам шляпой, время от времени подносил к губам горн и, раздувая щёки, горнил ещё и ещё, извещая их о том, что он здесь.

А бойцы шли и шли, новыми рядами выступая из-за поворота, не давая возможности Сер-

гею Николаевичу соединиться с Митей. Шофёр давал гудки, мальчишки буйно волновались. Митя с трудом удерживал их.

Машина медленно двинулась по боковой дороге, по направлению к селу. Горн стал удаляться и звать за собой. Митя поспешно направился в ту же сторону. Теперь бойцы шли им навстречу, а Сергей Николаевич и ребята двигались по обеим сторонам шоссе.

За поворотом ребята бросились к учителю. Шофёр остановил машину и, улыбаясь, смотрел, как, отталкивая друг друга, ребята обнимают учителя, тянутся к нему со всех сторон, наперебой рассказывают, как они узнали про войну, как боялись разминуться с ним на шоссе, как шли и как хорошо было бы в лагере, если б не война...

Митя стоял в стороне, но, встречаясь с ним глазами, учитель кивал ему головой. И когда наконец они протолкались друг к другу, Сергей Николаевич неожиданно крепко поцеловал Митю и, сжав его плечи, спросил:

— Ну как?

Веснушчатое лицо Мити зарделось, он смущённо улыбнулся:

— Да ничего!

И оба они понимали, что под этим «ничего» скрыта большая, только что пережитая тревога, а теперь им легче, потому что они вместе.

Отойдя в сторону от ребят, Сергей Николаевич крепко сжал руку Мите и серьёзно сказал:

— Ну, теперь всё в порядке. Сейчас вы поедете с ребятами прямо на станцию. Машину набьём до отказа. Кто не сядет, пойдёт со мной пешком...

— Они пойдут со мной, — перебил его Митя.

— Подождите. По приезде на станцию вы сейчас же отправите нам машину навстречу и договоритесь с начальником станции о вагонах.

— Сергей Николаевич, по-моему, вы это лучше сделаете! Время такое, я могу не договориться... Кроме того, бóльшая часть ребят сейчас уедет, значит останутся только шесть-семь человек. А вдруг поезд как раз подойдёт и я не буду знать, что делать? — решительно запротестовал Митя.

— Поезжайте, поезжайте! — уговаривал его учитель. — Если поезд как раз на станции, вывозите первую партию, а за нами посылайте машину...

Митя спорил, учитель сердился, доказывал, потом махнул рукой и громко сказал:

— Хорошо, значит я возьму столько, сколько смогу, а вы будете ждать в селе возвращения машины.

Ребята одолевали шофёра:

— Вы за нами приехали? А почему на легковой? Лучше бы на грузовике...

— А откуда вы приехали, — там есть уже война?

Подошли Сергей Николаевич и Митя. Учитель открыл дверцы машины:

— Ну, ребята, сейчас мы вас тут, как грибов, в кузов наберём. Садитесь так, чтоб как можно больше взять. Первая партия поедет со мною. Другая пойдёт с Митей пешком до села и будет ждать, пока за ней вернётся машина. Кто устал, кому трудно идти, поедет со мной. А ну-ка, девочки! Девочки! Ну, что же?

Ребята застеснялись. Несколько девочек сели в машину. Митя постучал им в окно:

— Поплотней, поплотней садитесь! На колени друг к дружке. Садитесь, ребята, садитесь! Глушкова! Белкин! Где Малютин?

Трубачёв подошёл к Севе:

— Ты с Сергеем Николаевичем?

— Нет, я с Митей, пешком. Пусть другие... — Сева спрятался за спиной Мити.

— Синицына Нюра! — кричал Сергей Николаевич, несмотря на то что дверцы машины уже не закрывались. — Синицына!.. Митя, давайте и её как-нибудь посадим, — вытирая платком разгорячённое лицо, говорил учитель. — Ведь я могу уехать. Если попадём на поезд, мы вас ждать не будем... Синицына!.. — Сергей Николаевич понизил голос: — Пожалуй, вам будет трудно с ней. Давайте-ка её в кабинку... Товарищ шофёр, ещё одну там устроить нельзя?

— Да некуда уже, товарищ... Одну девочку я посадил, а ещё и вам где-то надо сесть.

— Ничего, Нюра пойдёт со мной. Она ведёт себя хорошо, — успокоил Сергея Николаевича Митя. — Поезжайте! А мы, как только придёт машина, вслед за вами! Ещё, может, на станции застанем вас.

— Давайте рассчитаем. В село вы придёте к вечеру. Если машина вернётся раньше, она вас будет ждать. Во всяком случае, не медлите. Если кого-нибудь удастся посадить на случайную машину, вслед за нами, — сажайте. Я на станции предупрежу... — Учитель с трудом влез в кабину. — Скажите там, чтоб не наваливались на дверцу, а то вылетят! — кричал он оглядываясь.

— Ребята, держите дверцу, не наваливайтесь!

— Ничего, ничего! Мы друг за дружку держимся! — кричали ребята.

Учитель быстро сосчитал остающихся:

— Трубачёв, Одинцов, Булгаков, Мазин, Русаков, Степанова, Зорина, Синицына, Малютин... Малютин, ты почему не сел?

— Я ничего... Я с Трубачёвым хочу! Я не устал, Сергей Николаевич!

— Ну, смотри! — Учитель махнул рукой и подозвал к себе Митю: — До свиданья, Митя! Помните — не задерживайтесь. Ну, в вагоне обо всём поговорим... Из пионерского имущества берите только самое необходимое — вряд ли мы можем рассчитывать на свободный поезд... Ну, друзья... — обратился он к кучке стоящих на дороге ребят. — Трубачёв! Шагайте к селу! Слушайтесь Митю! На станции увидимся! — Он соединил в своих ладонях протянутые к нему руки: — Будьте молодцами! Не раскисайте в пути!

Машина двинулась. Внутри неё, как в тесном гнезде, плотно прижавшись друг к дружке, сидели ребята; из окошечка высовывались руки, махали в воздухе:

— До свиданья! До свиданья! Догоняйте нас!

Машина загудела и, набирая скорость, помчалась по шоссе.

Митя собрал ребят:

— Ну, пошли!

Маленький отряд бодро зашагал по дороге. Солнце постепенно нагревало камни на шоссе.

Ребята сняли тапки и шли по краю леса, по узенькой утоптанной тропинке. Мимо проехала нагруженная всякой утварью телега. На ней сидела женщина, повязанная тёмным платком; на коленях у неё спал ребёнок; сзади сидело ещё трое, держась за узлы. Девочка лет десяти пра-

вила лошадью. Женщина то и дело утирала концом платка набегавшую слезу.

— Ульяна! — окликнула её старая бабка, выходя из лесу с мешком свежей травы. — Куда это?

Ульяна тронула девочку за плечо. Лошадь остановилась.

— В Макаровку. Мирон отправляет... говорит: «Эвакуируйся от меня, пока война», — уныло сказала она, поправляя на голове платок и моргая глазами. — Вот... еду...

Старуха кивнула головой на ребят:

— А як же? Треба мужа слухаты, голубко моя, бо ты не одна, у тебя дети... Ось из-под Лукинок детский дом с малыми детьми тоже эвакуируется. Целую машину их погрузили... И заведующая и воспитателька с ними. — Старуха вытерла двумя пальцами рот и зашептала: — Кажуть люди — вороги страшной силой идут. Бьются наши крепко, а они опять напирают.

Ульяна сердито блеснула глазами:

— Побоялась я их! Як бы не Мирон, сроду не поехала бы никуда от своей хаты!

Девочка, услышав про ворогов, хлестнула лошадь. Ребята с Митей остались позади. Какие-то люди догоняли их на шоссе, другие шли им навстречу. Все говорили о войне. Никто точно не знал, где немцы: близко или далеко. Митя уже слышал от Сергея Николаевича, что пограничная охрана, не ожидавшая вероломного нападения, была смята и фашисты продвинулись на несколько километров. Митя с нетерпением ждал минуты, когда он сам, своими ушами, услышит по радио сводку или, усадив в вагон ребят, обстоятельно расспросит обо всём Сергея Николаевича.

После полудня, когда ребята присели отдохнуть и закусить, в небе снова стало неспокойно. Показались самолёты. Один из бомбардировщиков пролетел так низко над лесом, что, казалось, крылья его вот-вот заденут за верхушки деревьев. Митя поднял ребят. Прибавили шагу.

Под вечер стало легче идти. Воздух посвежел, пыль улеглась. Солнце широкими полосами ложилось на поля. Колхозники убирали хлеб.

Навстречу вдруг выехал грузовик. Он был доверху заложен ящиками и покрыт брезентом. Два красноармейца охраняли его, сидя наверху. С ним поравнялся другой грузовик. Он обогнал Митю с ребятами. В нём ехали две женщины с детьми. На дне машины, устланном матрацами и одеялами, тесно сидели малыши в белых фартучках. Обе машины остановились. Красноармеец подошёл к шофёру прикурить. Женщина, ехавшая с детьми, неумело слезла с грузовика.

— Товарищи! Вы от Жуковки едете? Как там — не забито шоссе машинами, проедем мы?

— Ничего, проедете, гражданка! — заглядывая в машину с детьми и подмигивая какому-то малышу, ответил красноармеец. — Ишь, стронули вас проклятые гитлеровцы с гнезда! — сочувственно добавил он.

— Что делать! Война. Нам лишь бы до станции добраться, а там в вагоне с людьми веселее как-то. Мы на Киев...

Митя прислушался.

— А ну, подождите, ребята! — Он быстрыми шагами направился к женщине.

Девочки окружили грузовик и, подпрыгивая, заглядывали в машину:

— Нянечка, это дошкольники?

— Валя! Лида! Смотрите, какой медвежонок в белом фартучке!

Девочки протягивали руки. Малыши, что-то лепеча на своём языке, кучкой лезли к краю машины.

— Тётя Катя, девочки к нам пришли! — серьёзно сказал беленький мальчик с большими карими глазами.

Тётя Катя кивнула ему головой и, заметив подходившего к ней Митю, пошла ему навстречу. У неё было доброе лицо и ясные, спокойные глаза. Она выслушала Митю и сразу заговорила с ним так, как говорят с близким знакомым:

— Послушайте! Если ваш учитель поехал с ребятами на станцию, то возможно, что мы попадём с ним на один поезд. Я могу взять с собой девочек и там передать их Сергею Николаевичу, а вы с ребятами поедете следующим поездом, вероятно уже утром. Я бы с удовольствием взяла всех, но у меня, как видите, полным-полна коробушка, — с улыбкой закончила тётя Катя.

— Ну что вы! И за девочек спасибо... Только вот что... — Митя сморщил лоб, забеспокоился. — Видите ли, я должен быть уверен, что в случае чего... ну, скажем, поезд подали раньше и наш Сергей Николаевич уехал...

Тётя Катя ласково погладила Митю по плечу:

— Я понимаю... Не брошу, не брошу! Довезу до Киева, сдам в детскую комнату, найду вашего учителя и вообще сделаю всё, что нужно. Не беспокойтесь, дорогой! И решайтесь скорее, а то нам нужно ехать. Ну, спросите своих девочек!

Заведующая пошла к машине. Красноармейцы, перекурив с шофёром, осторожно объезжали грузовик с детьми. Митя позвал девочек:

— Ну, девочки, поехали! Вот Екатерина Михайловна обещает вас доставить на станцию. Мы обо всём договорились. Садитесь, живо!

Девочки не спорили: они были рады ехать с малышами, догнать Сергея Николаевича с ребятами.

Митя посадил Валю Степанову, Лиду Зорину и Нюру Синицыну. Нюра, влезая в машину, зацепилась за крюк своей корзиночкой и чуть не расплакалась:

— Митя! Тут нитки у меня... Ой, ножнички, ножнички упали!

Ребята подобрали нитки и ножницы. Екатерина Михайловна потесней усадила своих малышей и освободила уголок:

— Ну, так! Семейство моё прибавилось. До свиданья, товарищ Митя! Не беспокойтесь за ваших девочек!

Машина тронулась.

— До свиданья, девочки! Мы следом за вами! — шагая рядом с машиной, говорил Митя. — А если Сергей Николаевич уже уехал, вы от Екатерины Михайловны ни на шаг! Я вас сам разыщу, понятно? Мы встретимся в Киеве!

— Ладно, ладно, Митя! Не беспокойся! Мы с Екатериной Михайловной будем!.. Ребята, до свиданья!

Мальчики побежали за машиной:

— Лида Зорина! До свиданья! Синицына, Валя!

Девочки долго и неутомимо махали им платками. Когда грузовик скрылся из глаз, Митя вытер рукавом лоб и облегчённо вздохнул:

— Ну, всё в порядке! Остались одни мужчины. Народ мужественный и твёрдый.

* * *

В село пришли поздно вечером. В небе снова зловеще гудели самолёты, глухие удары слышались то впереди, то где-то далеко позади.

На шоссе догнал Генка. Гнедой его был в грязи и в мыле.

— Весь лес объездил. Дядя Степан велел найти вас. Ну, я, конечно, на лагерь наехал. Письмо прочитал, да и назад!

Ребята обрадовались Генке. По очереди ехали на Гнедом. Впечатления дня и длинный путь утомили всех. Ноги болели... Подходя к селу, мальчики изо всех сил старались казаться бодрыми, пели боевые, военные песни, выпрямляли усталые плечи; но едва вошли в тёплую хату Степана Ильича, как один за другим повалились на лавку. Баба Ивга с ласковыми причитаниями кормила их варениками. Глаза у ребят закрывались, и пока Татьяна стелила им на полу, они уже крепко спали, привалившись друг к другу. Митя не ложился долго. Он ждал машину, которая, по его расчётам, должна была скоро вернуться со станции.

Стоя на крыльце, Митя думал о развернувшихся событиях как о каком-то страшном и неправдоподобном сне, и даже услышанная им по радио сводка не утвердила в нём мысли, что война действительно есть, что, может быть, где-то за пятьдесят-шестьдесят километров уже второй день идут кровопролитные бои... Митя ждал Степана Ильича. Он чувствовал острую необходимость поговорить со взрослым партийным человеком. Быстрое продвижение немецких частей казалось ему тяжёлым недоразумением, а то, что

враг осмеливался бомбить наши города, было совершенно невероятно...

Степана Ильича не было. Баба Ивга объяснила, что сейчас всё село на уборке хлеба. Уложив ребят, ушла и Татьяна.

Митя сходил в школу, вместе с дедом Михайлом собрал пионерское имущество, туго набил рюкзаки. Назад он шёл шатаясь, отяжелевшие ноги не слушались его.

Над пустым селом гулял месяц — небо вдруг очистилось. Наступило затишье. На поле мирно гудели тракторы; освещённые месяцем тополя как будто охраняли село... Дорога уходила далеко-далеко, ровная, белая, спокойная...

У Степановой хаты Митя остановился, поглядел на часы: было двенадцать часов ночи. Машина могла бы уже вернуться... Митя вспомнил, что около деревни Жуковки, не доезжая станции, плохая дорога — песок и глина.

Степана Ильича всё ещё не было. На полу крепко спали ребята. На кровати сладко сопел Жорка. Митя лёг около Трубачёва; он представил себе Сергея Николаевича, отъезжающую машину с ребятами, девочек... Потом в его усталой голове всё смешалось, задёрнулось туманом... И Митя заснул.

Он не слышал и не видел, как над селом зловеще проплыли бомбардировщики, как где-то около Жуковки вздыбилась дорога от первых сброшенных бомб, как на железнодорожной станции тяжело ухнула земля и белый каменный вокзал, разламываясь надвое, засыпал кирпичом и извёсткой железнодорожные пути...

Глава 18

КЛУБОК НИТОК

Митю разбудил шум, доносившийся со двора; слышались плачущие голоса женщин, гневные выкрики, проклятья. Среди них выделялся старческий, дребезжащий голос; его прерывал спокойный густой бас Степана Ильича. Митя провёл ладонью по своей колючей бритой голове и сел... В раскрытые двери и окна широким потоком вливалось солнце. Разогревшиеся во сне ребята закрывались от него руками, прятали головы в подушки, не в силах побороть крепкий утренний сон. Ни бабы Ивги, ни Татьяны не было в хате. Машины, видно, тоже ещё не было.

Во дворе вдруг стало совсем тихо. Говорил один Степан Ильич:

— Одним словом, нашего колхозного хлеба фашистам не кушать! Вывезем всё до единой крохи, а не вывезем — так найдём, как с ним поступить.

Митя вышел во двор. Около сельрады собрались колхозники. Они были возбуждены, взволнованы; бабы утирали передниками глаза. Лица у всех были утомлённые — видно, никто не ложился спать в эту ночь. У забора стояла мокрая, вспотевшая лошадь. Ребятишки заботливо вытирали тряпками её запавшие бока. Около хаты на завалинке, окружённый тесной кучкой колхозниц, сидел высокий бородатый дед в пыльной, прокопчённой рубахе, в старом пиджаке. Он поминутно вскакивал и, размахивая руками, кричал срывающимся голосом, перебивая Степана Ильича:

— А як ты его вывезешь? Куда ты пассажиров распределишь? Я кажу — народ давайте! Треба станцию восстанавливать. Красная Армия с Киева подходит — на чём будем подвозить? Ведь он же, проклятый, весь вокзал разворошил! Пути все чисто перебиты, каменюгой завалены! Ой, горе, люди! — Он покрутил головой и ударил себя кулаком в грудь: — Двадцать лет сторожил! Какую новую станцию поставили, вагоны были як те огуркú зелёные. И нема, ничóго нема. А людей так уж не касайся — сколько их перебил да покалечил проклятый кат за эту ночь...

— Ну, слухай, диду! Всё, что потребуется, будет сделано. И пути починим и вагоны пригоним, — спокойно отвечал ему Степан Ильич. — Людей, конечно, убитых не вернёшь... это не в нашей воле. Только ворог наш кровью своей заплатит нам за каждого человека, а за детей наших и крови его не хватит — выклюет ему воронъё поганые очи за детей наших!

Бабы громко заплакали, закричали мужики, потом всё стихло...

Не глядя на людей, Митя шёл прямо к старику. Во рту у него пересохло, по спине пробегал колючий озноб. Женщины зашептались, раздвинулись. Баба Ивга всплеснула руками и, поправляя на голове чёрный очипок, поспешила навстречу Мите:

— Ах ты ж, боже мий! — Она остановила Митю, обняла его за плечи, радостно зашептала: — Поехали ваши, поехали! Успокойся, сынок, успокойся, голубчик, ещё с вечера поехали! Как раз на поезд поспели. И учитель и пионеры твои — все поехали... Дед Гаврила сам их в вагон сажал, он знает!

Дед Гаврила повернул голову и подвинулся, освобождая место около себя.

— А ты вожатый ихний? — с любопытством спросил он.

— Вожатый. — Голос у Мити был хриплый, чужой, деревянный. — Так уехали они, говорите?

Дед оживился:

— Раз в раз! На последний поезд поспели! Ещё шофёру своему приказывали за вами ехать...

Митя облегчённо вздохнул:

— А где шофёр?

Старик развёл руками:

— Пропал, бедный... И машину его перекорёжило, и ничего от человека не осталось... от бомбёжки пропал...

Митя вспомнил молодое улыбающееся лицо, выглядывающее из кабинки; сердце у него заныло.

— А вы, дедушка, сторож? Там ещё три девочки на грузовике... с малышами были... — От волнения Митя говорил несвязно, глотая слова.

Старик нахмурился, как бы припоминая:

— Так там же и девочки и мальчики, одно слово — пионеры... Ну, так они все и поехали... От який ты пуганый! Я тебе одно, а ты мне другое! А шофёра коло Жуковки разбило... И богато там людей проклятый кат покрошил... Песок там, быстро ехать не можно, а он, кажуть, понад самой дорогой, як той дьявол, спустился да с пулемёта и давай людей крошить... А то и бомбой действовал... И малых деток не пожалел: як тарарахнет по грузовику, так всех в одну кашу, як тех пташек в гнезде, уложил... И заведующую и нянечку, яки там с ними были... Люди говорили — страшно смотреть на это дело...

У Мити в глазах медленно двинулось и поплыло куда-то шоссе, закачался грузовик, в ушах зазвенел и смолк детский лепет...

Старик махнул рукой, вытащил кисет:

— Мабуть, и в гражданскую такого не було... Я сам не бачив, но люди говорили...

Митя встал:

— Где это? Около Жуковки?

— Ну да, на шоссе...

Подошёл Степан Ильич. На его лице не было заметно ни волнения, ни следов бессонной ночи. Только голубые глаза стали темнее и строже. Он тронул Митю за плечо, улыбнулся ласково и ободряюще:

— Ну, как ни есть, а твои уже скоро дома будут. А там и вас отправим. Станцию мы в два дня оборудуем. На поле баб оставим, а молодёжь и кой-кого из стариков пошлём на железную дорогу. Из Ярыжек уже пошли люди...

Дед продолжал пояснять собравшимся:

— Он, бандит, думал, что на склады напал. А склады-то военные у нас не в тех местах сохраняются... — Сторож вдруг замолчал, пожевал губами ус. И, видимо рассердившись на себя за излишнюю болтливость, поспешно встал: — Поеду дальше. Нема у меня часу тут рассиживаться. А ты, Степан, посылай людей сегодня же!

— За́раз пошлю, — откликнулся Степан Ильич и, взяв под локоть Митю, пошёл с ним в хату. Глядя на разметавшихся во сне ребят, он пошутил: — Вот где у меня работнички! Богатырская сила!

Баба Ивга принесла молоко, хлеб, сало:

— Кушайте, мои дорогие, что есть, бо я и печь сегодня не топила.

Степан Ильич ел молча; он был уже снова поглощён своими делами и не обращал внимания на Митю.

Татьяна и баба Ивга нарезали большими кусками хлеб и торопливо жевали его, макая в миску с варенцом. Жорка влез к отцу на колени и громким шопотом спросил:

— А таких, как я, хлопчиков на войну берут?

Отец молча снял его с колен, вытер губы:

— Ну, я пойду! Татьяна, бежи до клуни, готовь мешки. А вы, мамо, как накормите хлопцев, то ложитесь поспать.

— Ни, сыну! Тебе работа, и мне работа, — коротко ответила баба Ивга, убирая со стола.

Степан Ильич посмотрел на Митю; в глазах его промелькнула какая-то мысль, но он ничего не сказал, кашлянул и вышел. Митя хотел выйти вслед за ним, хотел сказать, что в грузовике вместе с малышами ехали девочки... Но говорить об этом было бесполезно, и голос застревал где-то в горле. Когда Степан Ильич вышел, Митя тоже встал, кивнул на ребят:

— Я... скоро приду... Пусть они спят.

В селе шла напряжённая жизнь. В каждом дворе были настежь открыты ворота; за воротами двигались люди — выгружали возы, таскали мешки с зерном. В некоторых хатах ещё горели ночные огни — видно, хозяева, занятые работой в поле, забыли их потушить. Где-то ревели коровы, на улице валялись в пыли жирные свиньи; собаки, чуя непорядок, с остервенением лаяли на них. Не смолкая, тарахтел в поле комбайн; на шоссе мимо Мити пробегали девчата, деловито шагали хлопцы.

«Хлеб убирают, торопятся. Помочь бы на-

до», — думал, проходя по селу, Митя. Но мысли эти были безучастные, поверхностные. Другие, страшные, наполняли ужасом Митино сердце. «Валя Степанова, Лида Зорина, Нюра Синицына... Не может быть! Нет, не может быть!»

Выйдя за околицу, Митя прибавил шагу, потом побежал. Ветер трепал его рубашку, солнце обжигало лицо. Люди останавливались, глядели ему вслед.

— Далеко до Жуковки?

Кончался лес, начиналось поле, шоссе кружилось, убегало за сосны, за тополя, в неизвестную даль. Лоб покрывался испариной, рубашка прилипала к телу.

— Далеко до Жуковки?

— Вот как песок начнётся, немощёная дорога будет, там и Жуковка.

В овражке под мостом журчала вода. Митя упал в густую траву и жадно стал глотать воду пересохшим ртом.

Качались ромашки, голубели незабудки, мирно квакали лягушки... Небо было синее-синее. Перед глазами встали весёлые лица девочек...

Митя зачерпнул пригоршней холодную воду, плеснул на лицо, на шею и бросился бежать...

Солнце поднялось высоко, потом перевалило за полдень и медленно начало опускаться. Митя не чувствовал ни голода, ни усталости.

Шоссе кончилось. Ноги тонули в горячем песке. На дороге стали попадаться куски железа, вывороченные комья земли. Тёмной кучей лежала легковая машина, колёса её отлетели на несколько метров и вздутыми шинами торчали на измятой траве. Вблизи дороги валялась перевёрнутая набок телега.

Митя шёл и шёл, замедляя шаг, прислушиваясь. Иногда ему казалось, что кто-то зовёт его по имени, и он снова бросался бежать. Потом вдруг сразу остановился, замер...

Под самым лесом тяжело и бездыханно лежал разбитый грузовик — это была куча железа; вздыбившаяся кабинка с передними колёсами прикрывала разбитое в щепы дно машины. Неподалёку виднелась невысокая свежая насыпь, на ней ещё не успела обсохнуть глина; рядом были заметны следы ног, валялась старая лопата...

Митя остановившимися глазами смотрел на разбитый грузовик, на свежую насыпь. В примятой траве светлела на солнце нежножёлтая манная крупа. Под деревом что-то блестело.

Митя машинально нагнулся и поднял маленькие острые ножницы...

Рядом с ними валялся клубок вышивальных ниток...

Глава 19

ПЕРВОЕ ГОРЕ

Васёк потянулся, открыл глаза. Во всём теле было такое ощущение, будто он спал на голых камнях. Ребята тоже кряхтели во сне, вытягивая то руку, то ногу. Васёк вспомнил вчерашний день и удивился, что никто их не будит, не торопит.

«Ведь машина, наверно, уже пришла. А где же Митя? Может, он в школе — собирает вещи? Что ж он никого не разбудил? Неужели ещё так рано?»

Васёк поискал глазами мирно тикающие в углу ходики и вскочил:

— Десятый час! Вот так поспали!

Он потряс за плечо спавшего рядом Сашу. Саша недовольно промычал что-то и повернулся на другой бок.

Васёк вышел во двор. Солнце брызнуло ему в глаза, облило всё тело горячим светом; захотелось побежать на речку искупаться, окунуться с головой в холодную воду. Около крыльца лежала лохматая собака; она лениво вытянула лапы на сухой чёрной земле и шумно вздохнула, покосившись на Васька.

За плетнём, около белой просторной хаты сельрады, было пусто. Васёк прошёл туда, заглянул в окна, думая увидеть Степана Ильича. Но за столом сидели колхозные старики и, торопливо подсчитывая что-то, записывали в толстую клеёнчатую тетрадь.

Васёк прошёлся по двору. Около крытого сарая лежала горка зерна. Там копошились птицы. Сбившись в кучу, кудахтали куры, сердился петух, гоготали гуси.

Жорка, присев на корточки, обеими руками сгребал зерно и насыпал его в торбу.

Куры копошились у него под руками, гусаки, вытягивая длинные шеи, с гоготом нападали на Жорку. Он сердито оборонялся от них, хватал за крылья, выбрасывал из общей кучи и кричал:

— От я вас! Пошли вон! — Увидев Васька, обрадовался: — Московский, иди зерно собирать!

Васёк подошёл, разгоняя кур:

— Что это ты делаешь?

Жорка вытер ладошкой нос; щёки у него были замурзаны, в короткие волосы набилась пыль; чистыми на лице были только голубые, как у отца, глаза. Он объяснил, что с поля свозят хлеб,

а один мешок порвался, и баба Ивга велела ему собрать рассыпанное зерно.

Васёк потрепал его по голове и пошёл к воротам. За воротами на зелёной траве колхозные девочки шили мешки. Одна из них что-то бойко рассказывала подружкам, взмахивая иглой с тонкой бечёвкой. При виде Васька она смолкла. Васёк кивнул девочкам головой:

— Здравствуйте!

Они ответили дружно, хором.

Васёк хотел спросить, не видели ли они вожатого Митю и не приходила ли со станции машина. Но спросить было как-то неловко; он с независимым видом постоял у ворот, посвистел... Девочки с любопытством смотрели на него. От их взглядов и от того, что они работают, а он стоит и посвистывает, Ваську стало не по себе; он повернулся и пошёл в хату. Но Жорка снова окликнул его:

— Московский! Что я тебе скажу! — Он, согнувшись, потащил по земле свою сумку. — Иди сюда! У нас фашисты железную дорогу разбили... и станцию... Дед на коняке приезжал... И шофёра вашего убили... бомбой! — вытаращив глаза, кричал он.

— Чего? — Васёк подбежал к нему, тряхнул его за плечи: — Врёшь!

Жорка вырвался, обидчиво выпятил губы:

— Я правду кажу!

— А где мать? Где дядя Степан? Где баба Ивга? — Васёк растерянно смотрел в голубые глаза Жорки, тянул его за руку. — Кто тебе сказал? Где баба Ивга?

— Баба в коровнике, — испуганно пятился от него Жорка.

Васёк побежал к коровнику, с силой толкнул тяжёлую дверь, застучал кулаками:

— Баба Ивга! Откройте!

Баба Ивга не спеша открыла дверь. Васёк шагнул в темноту сарая. Споткнулся на кучу земли и, задыхаясь, пробормотал:

— Жорка сказал — станцию разбили! Где наши все — ребята, Сергей Николаевич?.. Мити нет!

— От же який хлопець протывный! — рассердилась баба Ивга. — Я ему покажу! — Она ласково погладила Васька по голове: — Живы все ваши! Поездом поехали, спокойненько погрузились — нема чего за них волноваться, сынок! И Митя ваш цел, никуда от вас не денется...

— Покормите, мамо, хлопцев. Верно, уже попросыпались они, — тихо сказала из темноты Татьяна. Она стояла по пояс в яме, опираясь на лопату.

— За́раз, за́раз!.. Пойдём, голубчик! Ваши уже в Киеве скоро будут! А станцию разбили — это верно... Разбили, проклятые! Только учитель ваш уже уехал до того времени... — рассказывала баба Ивга, вытирая о передник руки.

— Да когда же это? Как это?

— Ночью, голубчик... Налёт фашисты сделали... Страшное дело... Война, миленький, идёт, война... — Она вывела Васька из сарая, заглянула в хату, взяла коромысло, загремела вёдрами. — Спят ещё хлопцы твои. Я их не побудила утром — пусть спят. И Митя не велел будить. Он к Жуковке пошёл... А чего пошёл — не сказал... Дорога не ближняя — мабуть, к ночи только вернётся... Посиди на солнышке, сынок, я за водой схожу...

Васёк присел на завалинку. Беспорядочные, тревожные мысли толпились у него в голове:

Станция разбита... Значит, где-то близко уже бродит враг... Он бросает бомбы, он убивает людей... Баба Ивга так и сказала: много людей побил... Не в сраженье побил бойцов, а просто на дороге каких-то людей... А по дороге идут женщины и дети... Вот и сейчас к этой самой Жуковке пошёл Митя. И зачем он пошёл? Почему не сказал Ваську, что делать ребятам в его отсутствие?..

Васёк решил разбудить товарищей и поделиться с ними всеми новостями.

Он вошёл в хату, крепко стукнул дверью:

— Вставайте!

Никто не отозвался. Васёк подходил к каждому, дёргал за одеяло, тряс за плечо. Ребята недовольно отмахивались, сонно мычали. Мазин дрыгнул ногой и с угрозой проворчал:

— Брось лучше!

Сева открыл сонные глаза, нежно улыбнулся:

— Сейчас, сейчас, мамочка!

Васёк рассердился:

— Какая я тебе мамочка! Вставайте сейчас же!

Он снял с полки барабан и забил тревогу. Ребята испуганно заёрзали на мягком сене, моргая от яркого света; потянули к себе одежду, вскочили.

— Тревога! Тревога! Вставай! — заорал Мазин, тормоша Петьку.

— Трубачёв, что случилось?

Васёк рассказал товарищам всё, что слышал от бабы Ивги.

— Как же это? Станцию разбили? С воздуха?

— Значит, они в тыл зашли?

— А Сергей Николаевич с нашими ребятами далеко отъехал? Может, и их поезд бомбили? — с тревогой спросил Сева.

— Ну, что ты! Это же не военный поезд, а пассажирский, они не имеют права не военных убивать, — уверенно сказал Саша.

— Не имеют права, а около Жуковки дорогу бомбили, а на дороге всяких людей много! — возмущённо сказал Васёк. — Хорошо ещё, что наши девочки с малышами поспели!

— Ну, уж ты чересчур... Они ведь смотрят, кто едет. А там одни малыши — не нападать же им на детей, — серьёзно сказал Одинцов.

— Эх! — бросил с презрением Мазин. — Будут фашисты разбирать!

Пока баба Ивга готовила завтрак, ребята строили планы, что делать — не пойти ли навстречу Мите?

Удивлялись, что Митя ушёл, никого не предупредив и не сказав никому, зачем идёт. А вдруг на село налетят фашисты?

— Ребята! А у дяди Степана уже окопы роют, — шопотом сообщил Васёк.

Ребята заинтересовались. Васёк осторожно заглянул в коровник. Татьяны там не было. Ребята один за другим спрыгнули в яму.

Подходя к своей хате, Степан Ильич услышал треск, пальбу и грозную команду:

— Вперёд! Заходи с тыла! Бей его!

В стенки сарая летели комья земли. Лохматая собака с яростным лаем нападала на сарай.

Степан Ильич прислушался, усмехнулся, широко распахнул дверь коровника и стал на пороге:

— А ну, один за другим, марш отсюда! Живо!

Ребята, виноватые и смущённые, вылезли из ямы.

За столом Степан Ильич, посмеиваясь, говорил бабе Ивге:

— От не знали, кого на войну послать! Такие бойцы зря без дела пропадают!

— Не пропадут. Я им после завтрака работу найду — всю яму мне обвалили! — строго пригрозила баба Ивга.

— Мы поправим! Мы сейчас!.. Идём, ребята! — вскочил Трубачёв.

— Сиди, сиди! Кушай вот! А за баловство от меня и Жорке попадает... Люди копали — значит, надо их работу уважать, хоть вы, мои голубята, и гости у нас.

— А они без няньки не могут быть, — поддразнил Степан Ильич. — Раз вожатого нет — пропало! Дисциплина уже не та.

Ребята сидели красные, смущённые.

— А что это ты, Степан, на хлопцев напал? Они и вправду подумают, что ты на них сердишься... А и вы, мамо, тоже! — вступилась Татьяна. — Дети перепуганы, а вы шутки шутите. — Она заморгала глазами, отошла к печи.

— Ну-ну! То вы, бабы, пугаетесь, а мужики — народ крепкий, — вздохнул Степан Ильич, исподлобья глядя на жену.

— «Крепкий»... А над тем грузовиком с малыми детьми так и мужики и бабы плакали... Такой крик стоял... — всхлипнула Татьяна.

— Доню моя... — тихо сказала баба Ивга. — И так сердце болит, зачем такое рассказывать... — Она указала глазами на остолбеневших

от неожиданности ребят: — Сама хлопцев пугаешь...

— Над каким грузовиком? — тяжело дыша, спросил Сева. — С дошколятами? Почему плакали?..

Ребята перестали есть.

Мазин налёг на стол, Петька похолодевшими пальцами вцепился в его плечо. Саша и Одинцов, не отрывая глаз, смотрели на Степана Ильича. У Васька замерло сердце...

Степан Ильич недоумевающе смотрел на ребят. Баба Ивга сердито прикрикнула на Татьяну:

— Выйди с хаты со своими слезами!

Степан Ильич нахмурился, рассердился:

— А ещё пионеры! Москвичи! Где война — там и убитые есть! И скрывать тут от них нечего. Верно! Побили грузовик с детьми. Малых детей побили! Так это зверство каждый на всю жизнь запомнить должен! Чтоб пионеры это знали, комсомольцами помнили и коммунистами не забывали! Вот как надо! — Он стукнул кулаком по столу.

— Дядя Степан... — Голос у Васька дрогнул. — В этом грузовике наши девочки были... Мы их на дороге посадили...

— Чего? — Степан Ильич широко открыл глаза, неуклюже повернулся к матери.

Баба Ивга сидела прямая, неподвижная:

— Не знала я этого, сыну...

Степан Ильич посмотрел на ребят. Они сидели согнувшись, каждый с трудом удерживал слёзы. Сева закрыл руками лицо, пальцы его дрожали.

У Степана Ильича на лбу выступили капли пота. «Так вот куда побежал Митя!» — подумал он и обернулся к ребятам:

— Вот что я вам скажу, хлопцы... Может, и погибли ваши девочки, и горе ваше большое... На войне слёзы несчитанные, только слабость нам сейчас не к лицу. Слабость наша врагу на руку... А у нас дела непочатый край. Хлеб на поле стоит, рабочих рук не хватает... — Он встал. — Плакать нам некогда! И чтоб живо мне на работу становиться! Яму копать, в поле идти! Кто у вас командир?

— Я...

— Не слышу! — загремел Степан Ильич. — Голоса твоего не слышу!

Васёк встал:

— Я, Трубачёв, командир отряда.

Степан Ильич махнул рукой:

— Распределяй людей! Чтоб к ночи яма была вырыта! Двоих мне на поле давай!

— Мазин! — окликнул Васёк.

— Есть!

— Булгаков!

— Есть!

— На поле! Остальные со мной!

— Пошли! — пропуская вперёд мальчиков, сказал Степан Ильич.

Ребята на ходу утирали слёзы.

Под вечер над селом завыли фашистские самолёты. Они пролетели низко над полем, осыпая работающих людей градом пуль. Степан Ильич отослал ребят домой. Сидя в хате и прислушиваясь к вою вражеских самолётов, они молча переживали своё горе. Всё произошло так неожиданно и так страшно, что даже не верилось, что это правда и они больше никогда не увидят девочек.

Люди долго не возвращались с поля. Село

казалось пустым. Наступали сумерки. Никто не зажигал свет. В хате было одиноко и страшно.

Поздно ночью, стоя у ворот, ребята видели, как, устало передвигая ноги, шёл по селу Митя. Навстречу ему вышел Степан Ильич. Они долго говорили о чём-то, замедляя шаги и останавливаясь. Степан Ильич гладил Митю своей широкой ладонью по спине и, наклоняя голову, заглядывал в осунувшееся Митино лицо. Когда они подошли ближе, Васёк увёл ребят... Никто из них не спросил Митю, где он был.

Глава 20

ГОРЯЧИЙ ДЕНЁК

Было ещё совсем рано, когда Игнат широко распахнул дверь и крикнул:

— Василь! Поднимай своих хлопцев — на поле пойдём! Живо! Наши уже все там!

Васёк вскочил, протёр глаза. Из-за спины Игната выглядывали три хлопца. Один был неизменный товарищ Игната — Федька Гузь, другой — сын колхозного конюха Грицько и третий — племянник счетовода Ничипор. Весёлого голубоглазого Грицька Васёк хорошо запомнил ещё с первой встречи. Грицько почему-то считал своим долгом здороваться со всеми за руку и даже у костра обходил всех по очереди и, если кто-нибудь сидел к нему спиной, легонько толкал его в спину и говорил: «Здорово! Давай твою руку!»

И когда один раз Валя Степанова, заговорившись с кем-то из девочек, не обратила на него внимания, он без всякого стесненья дёрнул её

за косу и, простодушно улыбаясь голубыми, безоблачными глазами, сказал: «Здорово и ты, дивчинка! Давай твою руку!»

Ребята так и прозвали его: «Гриць — давай руку».

Другой хлопец, Ничипор, был такой же длинный и нескладный, как его имя. Тонкие мальчишеские руки его и ноги цеплялись за все предметы, мешая себе и окружающим. Характер у Ничипора был мягкий, никогда ни на кого он не сердился, и добрые глаза его с редкими белёсыми ресницами, пухлые щёки и полуоткрытый рот имели всегда одно и то же удивлённое детское выражение.

— Здоро́во! Здоро́во! — дружески кричали вошедшие.

Грицько расталкивал сонных ребят:

— Ну, просыпайся! Давай твою руку!

— Вожатый ваш велел, чтоб вы с нами на поле шли, — пояснил Игнат. — Он тоже там со Степаном Ильичом. Сейчас весь народ вышел, потому что надо спешно хлеб убирать.

Ребята заторопились. Наскоро завтракали простоквашей с хлебом.

— Тапочки наденьте, а то с непривычки ноги поколете, — беспокоился Игнат.

Малютина оставили дома. Митя велел ему помочь Жорке собрать просыпанное вчера зерно и приготовить на печку дров.

Ребята вышли за околицу. Игнат хмурил брови и, жестикулируя, говорил:

— Когда б не так спешно, были б грузовики, а сейчас негде их взять. Ну, конечно, послали на МТС человека, да вряд ли толк будет... Везде уборка идёт... И лошадей мало... Ну, чем ты

будешь зерно свозить, как у тебя грузовиков нет?

Он толкал Трубачёва в бок, строго смотрел на него сине-серыми глазами и, подождав ответа, заканчивал сам:

— Ну вот... Люди сыплют зерно на брезент, и лежит хлеб на поле... Вот тебе и уборка! Так наши хлопцы лопатой его — да в мешки. А кто посильней, тот и на подводу подтащит...

Васёк не слушал Игната. Ребята тоже хмуро и печально глядели себе под ноги. Весть о гибели девочек казалась ещё страшнее, чем вчера. Начиналось утро; дул свежий ветерок, качались деревья; кудахтали во дворах куры, кричали гуси, на поле тарахтели комбайны, суетились люди, а на земле уже не было тихой, ласковой Вали, живой говоруньи Лиды и хлопотливой Нюры Синицыной...

Игнат ещё что-то говорил, потом бросил ребят, догнал проехавшую мимо телегу с туго набитыми мешками и, указывая на один мешок, плохо завязанный верёвкой, сердито закричал на шагавшего рядом хлопца:

— Куда смотришь? Зачем такие мешки кладёшь? Какой-то чорт ленивый завязывал! Смотри, зерно просыпешь!

Хлопец беспокойно оглянулся на мешок, потрогал бечёвку:

— Довезу... Недалеко!

Игнат вернулся к ребятам и, прибавив шагу, повёл их через редкий соснячок к полю.

Огромное, жёлтое, подстриженное, как под гребёнку, поле уже не было таким золотым и шумливым, как в тот день, когда Степан Ильич, остановившись на краю его, широко повёл ру-

кой, указывая ребятам на высокие волны колосьев, убегающие далеко-далеко к лесу.

— Ой, какое голое стало поле! — удивился Васёк. Но тут же, вглядевшись, увидел вдали широкую полосу пшеницы и словно плывущий по ней комбайн.

— Пошли за мной, хлопцы! — крикнул Игнат, вырвался вперёд и, прижав к бокам локти, побежал напрямик по колючей стерне, поднимая ногами сухую пыль.

Ребята бросились за ним.

В поле толпился народ; на серых брезентах, разостланных прямо на земле, поднимались горы крупного, отборного зерна. Хлопцы лопатами ссыпали его в мешки. Какая-то дивчина, держа в зубах конец бечёвки, обрезáла её ножом и, привалившись грудью к полному доверху мешку, туго завязывала его. Женщины-колхозницы сильными руками поднимали мешки и с помощью хлопцев или стариков укладывали на подъезжавшие телеги.

Комбайн, врезаясь в гущу колосьев, с тарахтеньем выбрасывал обмолоченную солому. Сбоку из его широкого рукава золотым потоком сыпалось крупное зерно. Подводы не успевали подъезжать, и зерно падало прямо на брезент, вырастая среди поля жёлтыми горами.

Ребята с удивлением и восторгом смотрели на машину, которую никогда раньше не видели в действии.

— Василь! Становись на мешки! Бери лопату! Хлопцы! Сюда! Расставляйтесь по местам!

Васёк схватил лопату и с размаху всадил её в кучу зерна, потом оглянулся, поднял пустой мешок, положил его боком и, присев на корточ-

ки, стал обеими руками сгребать в него зерно. Вокруг раздавались чьи-то голоса, но, заражённый общей спешкой, Васёк не слушал их. Ему некогда было посмотреть, где ребята, и только раз или два, подняв глаза, он увидел, как Мазин, напыжившись и вцепившись обеими руками в мешок, тащит его к телеге, и в другой раз, неожиданно столкнувшись с кем-то головой, узнал Одинцова.

— Девчата, мешки подавайте! Куда тебя на зерно несёт? Не видишь, что ли? — кричал где-то рядом Игнат на нерасторопного Ничипора, потом, подскочив к лошади, шлёпал её ладонью по морде, хватался за оглобли: — Тпру! Назад! Осади назад! Стоп!..

Лошади, прокладывая свежие колеи на стерне, изо всех сил тянули возы, наполненные мешками.

Ваську становилось жарко. Солнце уже высоко поднялось над полем, припекая плечи и головы работающих людей. Быстро мелькали лопаты, от зерна рябило в глазах, во рту стало сухо, в горле першило. Мазин с багрово-красным лицом пробежал мимо, зажимая нос; сквозь пальцы просачивались капли крови. Саша нёс куда-то сложенные стопкой мешки, поддерживая их подбородком и шатаясь от жары и усталости.

— Хлопцы, кто кончил, перебегайте до другой кучи! Тут пускай один-два остаются — мешки завязывать! — кричал, неожиданно появляясь, высокий седой бригадир в выгоревшей майке.

— Ребята! Давай сюда лошадь! Сюда! — кричал и Васёк, глотая сухим ртом воздух.

— Игнат! Ау! Игнат! — раздался звонкий молодой голос.

Из-за подвод вынырнула Марина Ивановна. На ней была синяя юбка, отороченная красными полосками, и вышитая крестом рубашка. Из-под голубой косынки выбивались прядки чёрных волос. Она поставила на траву ведро воды и замахала кружкой.

— Эй, Тарасю-у-к! Напой хлопцев водо-ой! — певуче разнеслось по полю.

— Добре! — отозвался Игнат.

Ребята, волоча за собой мешки и лопаты, со всех сторон бросились к воде. Васёк, с трудом разгибая спину, подошёл последний. Мазин, закинув голову, жадно пил. А Марина Ивановна, сердито сдвинув брови, кричала на Игната:

— Смотреть надо! Хлопчик весь красный, как бурак, из носа кровь идёт! Отправь на село сейчас же... Какая это работа!

Мазин оторвался от кружки и зажал нос серым от пыли платком. Лицо у него было обожжено солнцем, веки подпухли.

Марина Ивановна зачерпнула пригоршню свежей воды и, продолжая ругать Игната, своей рукой умыла Мазину лицо и, повернув его за плечи, скомандовала:

— Иди в село! — Потом, осмотрев остальных ребят, покачала головой: — Отведи их всех, Игнат. По холодку пускай выходят... Заморились!

Рулевой, стоя на мостике комбайна, замахал рукой:

— Воду сюда!

Марина Ивановна подхватила ведро и быстро побежала по стерне.

— Идите в село! — оглянувшись ещё раз, крикнула она.

Мазин, прижимая к носу платок, улыбаясь, глядел ей вслед:

— Как она меня... умыла...

Игнат усмехнулся:

— Всегда такая! Раз-раз! И чтоб всё по её было. А в классе что делает! Напишешь грязно или кляксу уронишь и подашь ей тетрадку, так она аж покраснеет вся: «Ты меня не уважаешь! Свой труд жалеешь, а мой нет!» И пойдёт! Ну, а уж если что хорошо сделаешь, так ты у неё первый человек. Даже от радости засмеётся, и весь класс за ней! — Игнат оглянулся и таинственно шепнул: — С Коноплянкой сильно дружат, может даже жениться будут... — И, помолчав, добавил с мягкой улыбкой: — По всей вероятности, что так, потому что уже хату себе ставят...

Забежав в хату, ребята увидели Митю. Он сидел на скамье и мокрым полотенцем обёртывал распухшую багрово-красную ногу.

— Пустяки. Телегой задело. Я на Жуковке был вчера. Пути восстанавливают. Завтра-послезавтра поедем, — кратко сказал Митя.

По холодку, когда солнце спустилось к лесу, ребята снова вышли на работу. Теперь им показалось легче собирать в мешки зерно, но спину ломило, руки ныли, и вечером, придя домой, они как подкошенные упали на свои постели, отказавшись от ужина.

Глава 21
ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

28 июня

Давно я не писал наш дневник. Такое горе у нас, такое горе! Неужели правда, что нет на свете наших девочек? Митя ничего не сказал нам;

ребята все молчат и только плачут потихоньку. Как мы без девочек домой поедем?

Жалко Митю. Он сразу стал такой худой, просто почернел даже. Как пришёл, всё советовался с дядей Степаном — хотел с нами пешком до Киева идти. А на другой день, смотрим, нога у него распухла вся, под коленкой кровавое пятно. Еле-еле он ходит. Баба Ивга примочки ему кладёт. Оказывается, на Жуковке, когда он шёл назад, фашистский бомбардировщик опять стал бомбить шоссе, и одна лошадь понесла; Митя помогал её ловить, его по ноге колесом и задело. А он даже ничего не сказал сначала. Всё про себя терпит, бедный.

Мы стараемся работать изо всех сил. Трубачёв и Тарасюк Игнат берут всякие задания. Некогда даже поесть иногда — так мы стараемся! Дядя Степан нас хвалит. Бабе Ивге мы все дрова перекололи, воду носим и печку затапливаем сами.

А фашисты всё идут да идут. Говорят, их очень много — целые моторизованные колонны, и танки у них, и пулемёты. Недавно по всему небу дым пошёл, и красное-красное зарево где-то далеко было. Один дядька сказал, что это фашисты жгут сёла, потому что Красную Армию все колхозники поддерживают — и продовольствие подвозят и раненых прячут.

А недавно в одно село ворвались фашисты, а Красная Армия их там здóрово побила — вот они и злятся...

А вчера в наш колхоз два человека приезжали. Один высокий, седой, волосы ёжиком подстрижены и глаза такие серые, пристальные. Это секретарь райкома, его зовут Николай Михайло-

вич. А другой с ним — директор МТС. Он тоже хороший. Глаза весёлые, насмешливые, плечи широкие. Он нам сначала показался высоким, а потом, как стал рядом с Николаем Михайловичем, то куда ниже его ростом. Когда говорил, то всё время палец поднимал — такая у него привычка. Его зовут Мирон Дмитрич.

Как только они приехали, всё село сбежалось в сельраду. И мы, конечно, сбежались. Начался разговор про войну. Николай Михайлович сказал, чтоб люди были стойкими, что мы всё равно фашистов разобьём и что сейчас самое главное, чтоб все крепко держались друг за друга и доказали свою верность Родине, а коммунисты всегда будут первыми в этой борьбе и вместе с народом. И что Красная Армия уничтожила уже много врагов и будет уничтожать их до конца! Колхозники так все подбодрились, что хоть сейчас в бой.

А один тут есть — Петро, он тоже высказался, а Николай Михайлович ему сказал, что каждый человек будет виден на деле, а не на словах.

Потом дядя Степан ходил с приезжими в поле. И совещание какое-то у них было. Вечером они уехали.

А ночью мы подсмотрели, что несколько колхозников со Степаном Ильичом зарывали в нашу яму зерно.

Трубачёв сказал нам по секрету, что это на всякий случай зарывают семенной фонд. А Мазин пронюхал, что колхозники даже свой хлеб зарывают, чтоб не достался фашистам, если они сюда придут. Неужели они могут прийти сюда?

Николай Михайлович и директор МТС ездили и в Ярыжки. Игнат говорил, что они там ком-

сомольцев собирали. Митя не мог пойти, а нас туда не звали — мы пионеры.

Зато Трубачёв нас собрал и сказал, чтоб мы брали пример со взрослых, работали изо всех сил, а что случится, не падали бы духом, и даже если кого-нибудь из нас ранят на войне, чтоб терпели молча, потому что время военное. Мазин сказал, что он может всё вытерпеть, если надо, и попросил нас, чтоб мы ему тут же для пробы зажали дверью руку. Но Трубачёв не позволил, потому что руками надо работать и нечего придумывать всякие дурацкие штуки. И вообще надо хорошенько подтянуть дисциплину.

Железную дорогу на Жуковке уже почти восстановили. Там и колхозники и красноармейцы работают. Скоро мы поедем домой. Нам даже не верится, что мы будем дома. Мы с Митей сложили в мешки самое необходимое, чтоб, как только пустят поезда, скорей ехать.

В школе теперь живёт один дед Михайло, а Генку Степан Ильич всё время по всяким поручениям посылает. Вот и сейчас послал куда-то.

А сегодня в селе никто не спал. Всё так гремело, ухало, трещало. И на небе всё время как будто кто спичками чиркал. А потом два самолёта немецких загорелись. Прямо сразу вспыхнули каким-то белым пламенем и кувыркнулись вниз. Дядя Степан пришёл и говорит, что сильный бой идёт около одного села, недалеко от нас, и что там Красная Армия здорово бьёт врага, и хоть наше село в стороне стоит, а всё-таки надо угонять скот. И вот на рассвете поднялась суматоха. Вся улица была запружена коровами, телятами, свиньями. Все провожали, плакали. Коровы упирались, ревели, не хотели уходить. А теляток так

жалко было! Они все в кучку жались и мычали. Многих прямо в клетках везли! И наш телёнок Колокольчик там был. Мы его жалели, а доярка такая хорошая, она нам говорит: «Я теляток не брошу, буду растить и назад приведу большими, здоровыми!» А потом конюх вывел из конюшни лошадей. Стали считать, а Гнедка́-то нет!

И Генки нет!

Дед Михайло чуть не плачет. Степан Ильич тоже расстраивается. Генка может приехать самое раннее завтра к вечеру, а ждать нельзя. Так и угнали без Гнедка́. А каково это Генке!

Глава 22

НОЧЬ ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Тревога Мити росла. Фронт приближался. В селе появились женщины и дети, уходившие из занятых фашистами сёл; по дорогам ночью гнали скот. Вражеские самолёты низко спускались над шоссе и бомбили идущих и едущих людей. За лесом, в стороне МТС, уже явственно была слышна орудийная пальба. Зарево пожаров окрашивало горизонт в серо-малиновый цвет.

У Мити была надежда примкнуть со своими ребятами к раненым красноармейцам, которых отправляли в тыл. Но через село только один раз прошли красноармейские части. Бойцы шли молча, в полном боевом порядке, с тяжёлой амуницией на плечах. Всё село высыпало им навстречу. Женщины хватали вёдра с чистой водой и подносили бойцам. Те на ходу умывали пыльные, усталые лица, наспех пили воду, отказывались

от вареников и пирогов, которые совали им в руки выбегавшие из хат люди:

— Не надо. Мы сыты... Вот вернёмся, тогда попотчуете нас!

Митя бросился к командиру. Немолодой седоусый командир выслушал его просьбу и, повернув к Мите лицо с тяжёлыми, подпухшими от бессонницы веками, кратко сказал:

— Мы не можем взять ребят, товарищ. Нам предстоят тяжёлые бои. Как же можно рисковать детьми!

Митя отошёл. Люди долго стояли на улице и смотрели вслед красноармейцам. А к вечеру пришли пастухи и рассказали, что недалеко от Жуковки красноармейская часть побила много гитлеровцев.

Митя вспомнил седоусого командира и отказался от мысли отправить ребят с военными частями.

Но время шло, надо было на что-то решаться... Железнодорожная станция была почти восстановлена, но поезда ещё не ходили.

Митя решил пробираться пешком к Жуковке, чтобы при первой возможности уехать.

В селе побывал Матвеич. Ребята с интересом смотрели на него: на глубокий шрам, на живые, блестящие глаза под мохнатыми бровями. Все уже знали, что это тот самый товарищ Николая Григорьевича, который живёт на пасеке. Они расспрашивали его об отце учителя. Матвеич рассказал, что «старый» живёт хорошо, дочка Оксана часто навещает его.

— Ничего, мы с ним ещё повоюем! — закончил Матвеич.

Когда ребята вышли, Митя подсел к нему:

— Завтра хочу идти, Иван Матвеич! Пойдём к станции, будем поблизости выжидать первого поезда...

— Сидеть нечего, — насупившись, сказал Матвеич. — Фашисты надвигаются со всех сторон. Только лучше лесом идти, на шоссе неспокойно — бомбят, проклятые!

— Мы ночью выйдем, за деревьями по лесу проскочим как-нибудь, — вздохнул Митя. В глазах у него все эти дни стоял разбитый грузовик и свежая насыпь.

Матвеич ушёл со Степаном Ильичом. С ним у него были свои, особые дела. Они заходили в хаты к колхозникам, беседовали то с одним, то с другим. Матвеич пробыл в селе до вечера. Уходя, ещё раз сказал Мите:

— Двигай, сынку!

После обеда Митя собрал ребят, велел им приготовить свои рюкзаки и ложиться спать:

— Выйдем ночью.

Ребята заволновались. Бегали по селу прощаться; колхозники с грустью расставались с ними:

— Привыкли мы к вам, как к родным, хлопцы!

— Что поделаешь! Надо, надо до дому добираться, родителей успокоить! Время военное, — хмуро говорили деды.

Татьяна пекла на дорогу хлеб. Баба Ивга подходила по очереди к ребятам; гладила рыжий чуб Васька, обнимала Севу; грустно улыбаясь, глядела на Мазина, Русакова, Одинцова и Сашу. Притихший Жорка прижимался к её подолу.

— Вот и расстанемся мы, голубята мои! Тай, може, и не побачуть мои старые очи, яки с вас хлопцы повырастают. А чую я сердцем — хорошие из вас люди будут: на работу скорые и наро-

ду верные. До всего вы дойдёте. В коммунизме жить будете! Може, и вспомните тогда старую бабу Ивгу, що любила вас да привечала в своей хате.

Ребята низко склонялись над рюкзаками, сопели, шумно сморкались:

— Никогда мы не забудем вас, баба Ивга, и Татьяну, и дядю Степана, и Жорку! — Неловко подходили, стесняясь сказать ласковое слово, выдать своё волнение. — Спасибо вам всем... спасибо!

Степан Ильич хмурился, пробовал шутить:

— Как же так? А я вас уже в дети принял!

Он часто выходил из хаты, стоял на крыльце и, склонив набок свою большую голову, слушал.

Из-за леса сквозь гул орудий и пулемётные очереди доносился какой-то мерный лязгающий шум. Митя, прихрамывая, выходил к Степану Ильичу. Они слушали вдвоём, стараясь понять, что означает этот шум.

Уложив ребят, Митя нарéзал длинные бинты из холста, крепко забинтовал ногу и прошёл по селу. Колхозники, стоя у ворот, молча смотрели на небо, на лес, на шоссейную дорогу.

Поля были убраны; далеко за рекой расползалось по земле дымное пламя. Старухи крестились, молодицы загоняли в хаты ребятишек, деды, собравшись в кучку, вполголоса беседовали о событиях. В селе было глухо и тревожно. Около будок, звякая цепями, завывали привязанные собаки. Стемнело... Митя поднял ребят. Степан Ильич заторопил:

— Живо, бабы! Собирайте хлопцев!

К ночи грозное пламя охватило горизонт. В багровом свете, прорезая облака, завыли немецкие бомбардировщики.

Ребята стояли одетые, с вещевыми мешками за спиной. Баба Ивга дрожащими руками наливала им в кружки молоко. Ели стоя, не разговаривая. Степан Ильич давал Мите последние наставления:

— Потемну за деревьями идите... Забомбит — в лес подавайтесь...

Прощанье было торопливое, наспех. По двору прошли гуськом. Освещённая заревом могучая фигура Степана Ильича остановилась у ворот. Земля дрожала от орудийных залпов.

Степан Ильич поднял руку:

— Стойте!

По дороге бешено мчался конь; пригнувшись к гриве, седок что-то кричал звонким, мальчише-

ским голосом. В селе торопливо хлопали ставни, скрипели ворота.

Из темноты вырвался Генка и на всём скаку круто осадил Гнедого:

— Фашисты!

В село с глухим шумом въезжали вражеские мотоциклы. Они шли замедленным ходом, сплошной колонной надвигаясь из темноты. Солдаты, в зеленоватых шинелях и в глубоких касках, сидели как неживые, положив на руль неподвижные руки и не глядя по сторонам. Очки, похожие на маски, скрывали их лица. Казалось, что это движутся не люди, а заводные и пущенные вперёд автоматы, бесчувственные и безликие, вселяющие ужас и ненависть в живое человеческое сердце.

Степан Ильич дрогнул, отвернулся:

— Живо, хлопцы, до хаты! Запирайте ворота!

В темноте он увидел белое лицо Генки, приникшего к мягкой гриве Гнедка́, и махнул рукой:

— Ховай коня!

Генка дёрнул поводья. Гнедой встал на дыбы и, круто повернув, исчез, сливаясь с чернотой ночи.

Глава 23

ТЯЖКИЕ ДНИ

По селу идёт мальчик. На нём полинявшая от солнца майка, серые трусики. На рыжих кудрях — смятая тюбетейка. Он идёт вдоль плетней, чутко прислушиваясь к чужим, гортанным голосам, звучащим на селе. Около голубой школы стоят прислонённые к забору немецкие мотоциклы. Солнце припекает каски часовых; из раскры-

тых окон вырываются резкие, незнакомые голоса. В школьные ворота влетает легковой автомобиль, из него выходят гитлеровские офицеры. Васёк закрывает глаза, стискивает зубы. Не снится ли ему всё это? Нет, не снится.

Вот у колодца стоит женщина. Два дюжих гитлеровца подходят к колодцу. Женщина, торопясь, поднимает вёдра. Плещется вода, сбегает ручейками с пригорка. Солдат хватает у женщины ведро и, бросив на землю каску, опускает в чистую воду руки, плещет себе на голову, на шею, фыркает от удовольствия, приглашая приятеля последовать его примеру. Женщина, не глядя в его сторону, уносит одно ведро.

— Подавитесь, проклятые! — шепчет она, проходя мимо Васька.

Вот на дворе у Ко́стички, жены кузнеца, пляшут гитлеровские солдаты. Один из них, худой как жердь, прижав ко рту губную гармошку, приседая и подпрыгивая на тонких ногах, наигрывает плясовой мотив. Неизвестная, чужая песня будоражит вылезшего из будки пса. Подняв вверх морду, он тоскливо воет. Громкий гогот стоит во дворе. Ко́стичка тихо бредёт из своей хаты. Трое ребят плетутся за ней; самый маленький, держась за материнскую юбку, пугливо оглядывается. Лицо у Ко́стички потемнело от бессонных ночей и тревоги за мужа. Кузнеца Костю забрали вместе с Митей. В ту ночь много молодых увели из села.

Васёк никогда не забудет, как гитлеровцы забирали Митю, как на рассвете вломились они в хату дяди Степана и, топоча сапогами, лазили по всем углам, вспарывали штыками подушки и одеяла — искали красноармейцев. Митя сразу

привлёк их внимание: у него была бритая голова и забинтованная нога.

— Зольдат? — Двое солдат приставили к его груди автоматы: — Пошоль!

Ребята закричали, бросились к Мите. Степан Ильич отстранил ребят и закрыл собой Митю.

— Он хлопчик, хлопчик... брат... школьник! — кричал он, прижимая к сердцу ладони.

Солдат толкнул Митю в спину:

— Пошоль!

Васёк Трубачёв вспоминает, что вместе с ребятами он снова бросился вперёд, но Митя повернул к нему белое лицо и предостерегающе крикнул:

— Трубачёв, останься!

Никогда не забудут они, как Митя, хромая, шёл по двору под конвоем гитлеровцев. Ребята смотрели в окно, онемев от ужаса. У двери, тяжело дыша, стоял Степан Ильич. Баба Ивга накинула платок:

— А ну, пусти, сыну!

Чёрная, прямая, без слезинки в глазах, она ушла за Митей. Когда Митю вместе с другими арестованными гитлеровцы втолкнули в сарай и поставили у дверей часовых, баба Ивга вернулась. Тогда ушёл Степан Ильич, строго-настрого приказав Ваську не выпускать из хаты ребят. Но он, Васёк Трубачёв, ослушался приказа Степана Ильича. Весь остаток ночи на старом выгоне, недалеко от сарая, где был заперт Митя, ребята ползали между кочками, ловкие и быстрые, как ящерицы. Затаив дыхание, они прислушивались к шагам часового, пробирались к толстым бревенчатым стенам и, прижимая губы к пахнущим мохом и смолой пазам, шептали:

— Ми-тя...

Но никто не откликался.

На рассвете они вернулись. В хате не спали. Степан Ильич встретил их молча. Он сидел на скамье, положив на стол свои большие, жилистые руки и глядя куда-то в угол тяжёлыми, невидящими глазами. Глубокая тёмная складка прорéзала его лоб. Он обернулся на стук двери, с горькой усмешкой посмотрел на мокрых от росы, усталых, измученных мальчишек и отвернулся. Они прошли мимо него на цыпочках, тихо улеглись, крепко прижавшись друг к другу, осиротевшие и испуганные.

А враги уже расселялись по хатам, выгоняя на улицу хозяев; резали кур, убивали поросят, ломали плетни и заборы, топили хозяйские печи. В новой, только что отстроенной колхозной конюшне клети для жеребят были разбиты в щепы; в раскрытые настежь двери с грохотом въезжа-

ли нагруженные машины; новая молотилка, недавно приобретённая колхозом, была поломана и завалена всяким хламом.

В селе воцарился ужас, но люди не смирялись. Они прятали и уничтожали своё добро, чтобы оно не досталось врагам. То из одного, то из другого двора вырывались истошный плач и крики... Кого-то тяжко били, отнимали добро, выбрасывали из хаты. Люди бежали на этот крик, натыкались на дула автоматов и молча пятились назад, хватая своих детей... Люди постигли ужас фашистской неволи. Село как будто оглохло, онемело, затаилось в страшной, непримиримой ненависти к врагу, и ненависть эта ещё больше чувствовалась в молчании, чем в криках протеста и боли.

У Степана Ильича не поставили солдат. В тот день, когда к нему явились фашистские солдаты, баба Ивга жарко затопила валежником печь и наглухо закрыла трубу. Копоть и угар выгнали солдат — они с руганью ушли и больше не возвращались. Зато рядом просторное помещение сельрады кишело гитлеровцами. Вечерами они сидели на крыльце — там, где раньше, мирно раскуривая свои трубки, любили посиживать колхозные деды. Чужой язык, чужие песни раздавались в селе...

Через несколько дней сарай опустел. Фашисты угнали арестованных неизвестно куда. Весь день ребята метались по селу, шныряли между немецкими повозками, искали на дороге следы.

Страшное уныние овладело ребятами; сбившись в кучу, они сидели на неубранных сенниках, вспоминая оставленных дома родителей, по-

гибших девочек, Митю... и уже не скрывали друг от друга отчаяния и слёз:

— Никого, никого у нас не осталось!

Васёк на глазах у товарищей крепился изо всех сил. Он чувствовал, что с потерей Мити ответственность за ребят легла на него, как на командира отряда. Он старался казаться бодрым, выходил на разведку с Мазиным и Русаковым, расспрашивал людей, но Митя как в воду канул. Нигде не было слышно об арестованных. Васёк не знал, что предпринять, как жить дальше, где искать Митю. Одинокий, не смея выказать перед ребятами своё отчаяние, он жался к Степану Ильичу. Степан Ильич, мрачный и озабоченный, с беглой лаской клал ему на голову свою большую руку и говорил:

— От меня ни на шаг, хлопче! Держи крепче своих ребят и сам не унывай!..

Осторожно оглянувшись, Васёк перелезает через плетень и идёт огородами. На сухой тропке валяются надгрызенные огурцы, разбитые недозрелые тыквы. Длинные гряды истоптаны, торчат зелёные палки оборванных подсолнухов. Молодица в тёмной, старушечьей кофте крадучись собирает в сито горох и зелёные помидоры. Она срывает их с куста прямо гроздьями, пугливо глядя по сторонам. Когда Васёк проходит мимо, она приподнимается, суёт ему в руку сладкие зелёные стручки, ласково кивает головой и, завидев группу солдат, бежит к своей хате. Васёк прячется в кустах и пережидает, пока пройдут гитлеровцы.

За околицей, на опушке леса, шумят ветвистые дубы, белеют тонкие берёзы, сбегают по косогору вниз молодые ёлки. В густой траве жел-

теют свежесрезанные сосны; прямые и строгие, они лежат, вытянувшись, как мертвецы. По золотой чешуе ползают большие муравьи, прыгают кузнечики. Из-под сосен, смятые тяжестью стволов, выбиваются на волю поблёкшие колокольчики, ромашки, лесная гвоздика... Жарко припекает солнце. С мёртвых деревьев тяжёлыми слезами капает на землю смола.

«Митя... Может быть, фашисты расстреляли его где-нибудь в овраге!»

Васёк бросается в траву и горько плачет.

Зелёный мох и белые невестины цветочки ласково вытирают мокрые щёки мальчика; ветер силится приподнять его с земли, треплет за рукав, заглядывает в лицо; муравьи щекочут пальцы.

Негде поплакать командиру отряда — Ваську Трубачёву. Никто не должен видеть его слёз.

От зелёной травы мутно и зелено в глазах. Тихо шелестят рядом рыжие чешуйки сосны. Ваську кажется, что мягкие рыжие усы щекочут ему шею и подбородок...

— Папка, папка...

Чужой говор настигает его и здесь. Он вскакивает на ноги, настораживается. Группа солдат проходит между деревьями. Васёк видит двух офицеров. На боку у одного из них висит полевая сумка, другой держит бинокль. Они идут к опушке леса. Васёк долго следит за ними глазами. На опушке стоят орудия, они завалены срубленными ёлками. Офицеры что-то говорят солдатам. Внизу, по шоссе, на длинных грузовиках подвозятся ещё какие-то орудия. Васёк тихонько ползёт, прячась за кустами. Что делают тут враги? Может, они собираются в бой? Васёк сжимает ку-

лаки. В селе Ярыжки тоже хозяйничают фашисты... И железнодорожная станция в Жуковке занята ими...

Васёк снова думает о своих ребятах. Теперь они все живут отдельно: Мазин и Русаков — у колхозницы Макитрючки, он, Васёк, Одинцов и Саша — у Степана Ильича, а Сева — у деда Михайла. Это баба Ивга разделила их по хатам, а Сева сам попросился к деду Михайлу: ему жалко деда, потому что Генка со своим конём исчез, и никто не знает, где он. Где-нибудь в лесу лежит бедный Генка. А рядом с ним, может быть, и верный товарищ его — Гнедой.

Васёк поднимается. Ребята, наверное, уже ждут его.

Они часто собираются в Слепом овражке, за огородами. В этом овражке под изумрудной травой — вязкое, засасывающее болото. Ребята там усаживаются на большой полузатонувшей коряге. Толстые корни её торчат во все стороны.

У каждого из ребят здесь есть своё место. Сегодня место Васька займёт Одинцов, потому что Васёк идёт на пасеку. У Матвеича не стоят фашисты. В цветущем закутке всё попрежнему, только там уже не гудят пчёлы. В саду сложены пустые ульи. Матвеич говорит, что все они прохудились и лежат здесь для починки. Васёк не спрашивает — он понимает, что Матвеич не хочет кормить мёдом врагов и потому разорил свою пасеку. Оба старика больше сидят теперь в хате. А хата всегда на запоре. Васёк идёт прямиком через скошенное поле, проходит под тополями, перелезает через плетень.

Глава 24

ГЕНКА И ГНЕДОЙ

Генка бродил по самым глухим зарослям леса, скрывая Гнедка́. Днём он сторожил его, прислушиваясь к каждому шороху; ночью, припав к шее коня, обливал слезами его морду, гладил его и шептал ему в чутко настороженное ухо:

— Для чего я тебя воспитывал? Для лихого командира, на геройские дела!

Конь смотрел на него умными карими глазами. Вспыхивали в них, как слёзы, золотые искорки. Чёрными мягкими губами касался он мокрой Генкиной щеки, вздыхал, раздувая ноздри, и тихонько ржал, чуя горе хозяина.

Мигали в траве зелёные светляки, прятались в тёмных зарослях лесные цветы, молчали птицы. Сквозь верхушки деревьев просвечивало темно-синее небо. Набегал ночной ветер, шевелил влажные от росы листья; просыпались совы, и в лесу становилось неспокойно.

Генке слышались шорохи и шопот, треск сучьев. Он пугливо озирался и, ведя коня за поводок, спускался с ним в овраг. Прятал его в густых камышах около реки.

Закрутив на руке длинный поводок, Генка садился на берег и смотрел на воду. В речной воде уплывали вместе с течением облака и звёзды. А в глазах у Генки мчались по волнам на боевых конях бесстрашные бойцы... Мчался впереди всех Гнедко, управлял им лихой командир; горела у него на шапке красная звезда, в поднятой руке сверкала острая шашка. В кучу врагов вреза́лся лихой командир, топтал их копытами верный конь...

Счастливая улыбка трогала Генкины губы.

Забывшись коротким сном, бессильно падал он головой в росистую траву, и во сне слышался ему тихий, пытливый голос деда:

«Може, и не побачимся мы с тобой, Генка, а?»

Яркие светлячки дедовых глаз с острой тоской смотрели на внука.

Генка крутил головой, съёживался в комочек:

«Може, и не побачимся, диду...»

Поднимались от влажной земли родные, знакомые запахи, склонялись над Генкой прибрежные травы, и предостерегающе шуршали высокие камыши:

«Берегись, Генка! Налетят фашисты — отнимут у тебя коня. Будет он врага на своей спине носить, копытами родные поля топтать!»

Заноет у Генки сердце, крепче сожмёт он в руке поводок:

«Не будет мой Гнедко под ворогом ходить! Ускачем мы с ним в тёмные леса, в глухие чащи...»

Качаются над водой строгие камыши:

«Зачем прятаться боевому коню в лесу от врага? Кто ж раненого бойца с поля битвы вынесет? Вставай, Генка, ступай на широкий шлях — не проедет ли мимо лихой командир, не попросит ли у тебя боевого коня...»

Бежит сон от Генки; встряхнувшись, вскакивает Генка на ноги, обнимает за шею Гнедка́.

Что, как правда отнимут коня фашисты? Не боевая слава, а позор покроет голову его хозяина.

Садится Генка на своего коня, сжимает его крутые бока босыми пятками и, пригнувшись к мягкой гриве, стрелой летит на широкий шлях.

Осветит месяц тёмную холеную шерсть коня, застучат по камням его звонкие копыта. Натянет поводья Генка, встанет на широкой белой дороге и ждёт — не проедет ли мимо лихой командир, не попросит ли у него боевого коня. Долго стоят конь и всадник, облитые светом месяца, не знают, куда повернуть. Задымится над ними небо, завоют вражеские моторы, задрожит от ударов земля. Насторожит Гнедко уши, повернёт к хозяину тонкую морду; не двинется с места Генка... Ждёт!

Глава 25

ВАСЁК ТРУБАЧЁВ

Бобик звонким лаем извещает хозяев о госте. Матвеич открывает дверь, глядит на дорожку:

— А, хлопчик! Здорово, командир!

Из окошка высовывается серебряная голова Николая Григорьевича. Глаза старика так похожи на глаза Сергея Николаевича, что Васёк, поздоровавшись с Матвеичем, радостно бежит к окошку.

— Иди, иди, пионер! Что давно не был у нас? Как там дела, а? — Старик долго держит в своих ладонях твёрдую загорелую руку мальчика. — Как там команда твоя? Живы, здоровы?.. Угости-ка медком его, Матвеич!

Васёк проходит в кухню.

Матвеич наливает ему в миску янтарный мёд, кладёт кусок хлеба.

— Ну, как в селе? Рассказывай, что знаешь!

Васёк макает в миску хлеб и рассказывает, как хозяйничают в селе гитлеровцы, как они ходят по хатам и берут всё, что им вздумается.

— На людей смотрят хуже, чем на собак.

— Ну, а люди что? — спрашивает Иван Матвеич.

— А что люди? Молчат...

Васёк опускает голову. Матвеич набивает трубку и ждёт. Николай Григорьевич глубоко вздыхает.

— Ну, а Степан Ильич что? — осторожно спрашивает он.

— Дядя Степан у вас мёду просит, говорит — чай пить не с чем.

Васёк густо краснеет — ему неловко и стыдно за Степана Ильича. Но Матвеич оживляется:

— Мёду просит? Чай пить не с чем? — Он смотрит на Николая Григорьевича, подмигивает ему и потирает свои большие руки. — Вот сластёна! Скажи пожалуйста, мёду ему захотелось!

Васёк пробует выгородить Степана Ильича:

— Да это он так... Пошутил, может...

— Конечно, пошутил, — серьёзно подтверждает Николай Григорьевич, прихлёбывая с блюдечка чай.

Матвеич стучит по столу толстыми пальцами, морщит лоб:

— Что ж человека обижать! Ты скажи ему так: мёду нет, пришлю сахару. Скажешь?

— Скажу.

Разговор затихает. Ваську хочется спросить, не слыхал ли Матвеич чего-нибудь о тех арестованных, которых увели из села гитлеровцы, но Матвеич вдруг ласково треплет его за чуб:

— Ну, а ты фашистов не боишься, хлопчик? Ведь их, верно, полное село нагнали, а?

— Много. По хатам солдаты стоят, а в школе офицеры и генералы ихние; там штаб.

— Хе-хе-хе! «штаб»! Да это тебе с перепугу показалось, — вмешивается Николай Григорьевич. — Полтора человека — это не штаб! Ну, сколько ты там генералов видел?

Васёк обижен:

— Мне на их генералов наплевать. Я их не боюсь. А что видел, то и говорю. И ребята наши знают. Севка Малютин у деда Михайла живёт — всех видит!

Матвеич грузно ворочается, жадно сосёт трубку. Николай Григорьевич смотрит на Васька внимательными, серьёзными глазами:

— Ты не обижайся! Мы с Матвеичем сидим тут, как в берлоге, ничего не знаем. Ты бы приходил почаще — нам веселее будет: всё что-нибудь да услышим от тебя.

— Я ещё не то знаю! — бодрится Васёк. — Я сегодня на опушке леса орудия видел! Много их там фашисты навезли... И ёлками завалили, думают — не видно...

— Да что ты! — удивляется Николай Григорьевич, поглядывая на Матвеича. — В каком же это месте?

— Да около леса, на опушке, где молодые ёлки.

Матвеич отодвигает миску с мёдом, ловит пчелу и, осторожно держа её двумя пальцами за крылья, выпускает в окно. Долго глядит ей вслед, потом поворачивается к Ваську:

— Зоркий ты, хлопчик. Мабуть, и посчитал их для интересу?

— Кого — их?

— Да орудья-то фашистские, — небрежно говорит Матвеич.

— Нет, я не считал...

Живые глаза Матвеича внимательно разглядывают пионера Васька Трубачёва:

— А ты посчитай!

— Я узнаю! Я всё узнаю! — быстро говорит Васёк. — И про штаб и про орудия. Мы с ребятами...

— Ну-ну! — прерывает его Матвеич. — Не кажи гоп, по́ки не перескочишь! Загребут тебя фашисты с твоими ребятами да как всыплют вам хорошенько, чтоб не лазили где не надо. Да ещё нас, стариков, на берёзе повесят — тоже чтоб не интересовались. — Матвеич кладёт руку на голову Трубачёва: — Чуешь, хлопчик, что я говорю?

— Не загребут нас фашисты! — волнуясь, шепчет Васёк. — А ребятам я скажу, что мне так... самому интересно.

— Ну, действуй, — говорит Матвеич.

* * *

Торжественно, словно в почётном карауле, стоят ряды высоких тополей. Идёт по дороге пионер Васёк Трубачёв. Не просто идёт — высоко поднял голову, словно вырос за один час, покрепчал, силы набрался; смело шагает. Несёт в своём сердце пионер первое важное задание; обуревают его вихрастую мальчишескую голову смелые и отчаянные планы.

Отныне крепко и нерушимо будет хранить он военную тайну, доверенную ему взрослыми партийными людьми. Бежит под босыми ногами пионера тропинка, бежит, перегоняет, забегает вперёд, остаётся позади; низко кланяется, мягко стелется перед ним трава; гладят по плечам кусты, шумят навстречу деревья... Шепчутся с белками сосновые ветки, и поют птицы о том, что

идёт пионер, в первый раз получивший важное боевое задание. Вся земля, нагретая солнцем, ложится под ноги Трубачёву; даже скошенное, колючее поле не саднит его босых ног.

Родная земля! На всё готов для неё младший из верных сыновей — пионер Васёк Трубачёв!

Глава 26

Р.М.З.С.

Каждый день Мазин и Русаков рыскали по окрестностям в надежде найти какие-нибудь следы Мити. По разговорам взрослых и по всем предположениям было очевидно, что арестованных увели из села. Может быть, их заставили работать...

— Митя не будет работать на фашистов! — говорил Трубачёв. — Он или убежит, или... — Он не договаривал, но ребята понимали, что значит это «или».

— У него комсомольский билет с собой, — тихо добавлял Одинцов.

Мазин хмурился, вздыхал.

— Пошли, Петька!

На дороге обнаружить какие-нибудь следы группы арестованных было невозможно. Тут шли и ехали люди, мчались мотоциклы, двигались целые колонны гитлеровцев. Мазин подробно обследовал тропинки около леса, оглядел кусты и деревья: он искал какой-нибудь знак, который мог бы оставить Митя.

Мальчики возвращались поздно, усталые, хмурые.

Ребята ждали их в Слепом овражке. Труба-

чёв беспокоился, выходил навстречу и, взглянув на их лица, ни о чём не спрашивал.

Сегодня Мазин рано поднял Петьку. Макитрючка отрезала им по куску сала. Вздыхая, смотрела, как они прячут за пазуху хлеб, и, бренча заслонкой, ругала фашистов. Баба Макитрючка ругала фашистов с утра до вечера. Падала ли у неё из рук миска, пригорало ли в печи молоко, — Макитрючка проклинала фашистов самыми страшными проклятьями.

— А щоб вы сгорели, проклятые! Щоб вам руки-ноги повыкручивало, очи повылазили! — кричала она, подбирая разбитые черепки или вытаскивая из печи пригоревшее молоко.

Гитлеровцы ловили по дворам кур, заходили в хаты, требовали сала, яиц. Макитрючка в первый же день прихода фашистов порезала своих кур и усиленно кормила ими Мазина и Русакова:

— Ешьте, хлопцы! Я над своими курами сама хозяйка. Кого хочу — того и угощу.

Ощипанные перья и косточки ребята относили на огород и зарывали в землю.

— Матка, кура есть? — заглядывая в хату, кричал солдат.

Макитрючка, собрав в упрямые складочки рот, смотрела на него серо-зелёными злыми глазами.

— Но-но... кура давай! — наступал на неё гитлеровец.

Макитрючка молчала до последней возможности, потом разражалась громкими жалобами:

— Откуда у меня куры? Где я их возьму? Всю меня обобрали, до ниточки! Последнего цыплёнка со двора унесли! Нету, нету! Хоть весь дом обыщи — ни пёрышка не найдёшь!

Она выбегала во двор, показывала пустой

курятник. Мазин и Русаков с тревогой и любопытством смотрели в окно.

— Ось, диты мои, як с ними надо поступать! — удовлетворённо говорила Макитрючка, когда солдат уходил. — Своё добро переведу, а им не дам!

К Мазину и Русакову Макитрючка относилась хорошо, ничего для них не жалела и, зная, что они ходят по лесу в поисках Мити, давала им с собой на дорогу хлеб и сало. Сегодня, когда ребята объявили ей, что уходят надолго, она собрала ещё один узелок и дала Мазину:

— Нá, хлопчик... Може, найдётся ваш Митя, може ще хто из наших голодный по лесу блукае або раненый лежит...

План у Мазина был простой. Ему пришло в голову, что если Мите удалось убежать от гитлеровцев, то голод приведёт его на то место, где когда-то был раскинут их лагерь. Митя знает, что в землянке, которую они вырыли, сложены продукты — там есть консервы и мука. По всем расчётам Мазина выходило, что если Митя скитается по лесу, то уж обязательно постарается найти место бывшей лагерной стоянки. Посоветовавшись с Васьком и обдумав ночью свой план, Мазин едва дождался рассвета. Разбудил Петьку. От реки узенькая тропка выводила на шоссе. Мокрая осока резала ноги, от влажного тумана одежда пропиталась сыростью. Кусты обдавали холодными брызгами. В остывших за ночь берегах неприютно плескалась река. Мазин торопился миновать село, перейти шоссе и укрыться в лесу. Он боялся встречи с фашистами. Петька почти бежал за товарищем, натянув на голову курточку.

Внезапно за густым ивняком раздался сердитый окрик:

— Вэг! Вэг!

Мазин быстро присел, дёрнул за ноги Петьку. Оба мальчика, скрывшись за кустами, затаили дыхание.

На берегу стоял дряхлый дед в серых штанах и холщовой рубахе, завязанной шнурочком у ворота. Он держал удочку и ведёрко с рыбой. Гитлеровец толкал его прикладом в спину:

— Вэг! Вэг!

Старик, согнувшись, прошёл мимо мальчиков. Голова у него тряслась.

— Наша земля, наша река... — бормотал он, разводя руками.

Когда патруль скрылся, Мазин поднял Петьку. Мальчики пробрались к шоссе и нырнули в лес.

Над их головами, взметнув рыжим хвостом, прыгнула с сосны на сосну белка. Какая-то сварливая птица долго провожала мальчиков, перепархивая с ветки на ветку. Она так крикливо отчитывала их, что перебудила всех птиц. В лесу начинался день. Брызнуло солнце, кусты ожили, зашевелились. Колокольчики, полные свежей, непролитой росы, засинели среди дикого боярышника и высоких колючек с сиреневыми шапками. Около старых, мшистых пней выглянула из травы крупная земляника. Мальчики вволю полакомились, от ягод пальцы у них покраснели и душисто пахли земляничным соком.

Наступил полдень. Ребята выбрали тенистое местечко. Защищённое со всех сторон густым орешником, оно было похоже на беседку. Мазин разложил на платке хлеб, снял с пояса фляжку с водой. Оба с жадностью накинулись на еду. На

платок полезли муравьи. Большой рыжий муравей ухватил крошку хлеба и пятился задом, держа её в цепких лапках. Мазин хотел сбить муравья щелчком, но Петька не дал.

— Ну что тебе, жалко? Силу свою показать хочешь? — рассердился он на товарища. — Пускай тащит!

— «Пускай»! — проворчал Мазин, наблюдая за муравьём. — Я ихнюю повадку знаю — он сейчас весь муравейник на помощь приведёт...

К муравью действительно приползли на помощь такие же рыжие большие муравьи; они ухватились за хлебную крошку и тащили её в разные стороны. Мальчики заинтересовались муравьями. Неподалёку оказался муравейник.

— Ишь трудятся! — с уважением сказал Мазин и, подержав над муравейником ладонь, сунул её Петьке: — Понюхай. Муравьиный спирт вырабатывают...

Но Петька уже забыл о муравьях. Он думал о чём-то своём, обхватив руками голые коленки и часто вздыхая.

— Чего это ты? — покосился на него Мазин.

— Ничего... Я думаю, Мазин... как бы не умерла моя мама...

Петька шмыгнул носом. Мазин протянул ему серую тряпку — бывший носовой платок.

— Высморкайся, — разрешил он. Потом, помолчав, спросил: — А чего же это она так, с бухты-барахты, помрёт вдруг?

— А первая моя мама отчего умерла?

— Не знаю.

— Так и эта может умереть... Будет ждать, ждать... — Петька снова высморкался и шопотом добавил: — а потом умрёт...

Мазин вдруг вспомнил свою маленькую комнатку и больную мать с повязанной полотенцем головой.

— Эх, жизнь! — тоскливо протянул он. — Плохо быть семейным человеком, Петька...

Петька, услышав в его голосе сочувствие, заплакал.

Мазин сморщил лоб, выпятил губы и уставился на ореховый куст. Потом опустил глаза, одним щелчком сбил с платка муравьёв и встал.

— Враги кругом... война... а мы за мамочкины юбки хватаемся! — сердито сказал он. — Здоровые парни... нам воевать пора!

Петька взмахнул длинными ресницами, мокрые глаза его заблестели:

— Воевать, Мазин?

— А что же, плакать? — жёстко усмехнулся Мазин.

Петька вцепился в его плечо и лихорадочно зашептал:

— Надо было тогда... с Красной Армией уйти... я говорил...

— А товарищей бросить?

— Не бросить, а просто уйти...

Мазин покачал головой, задумался. Петька выжидающе смотрел на него:

— Мазин...

— Надо оружие достать. И всем отрядом — в бой! — сказал Мазин, раздувая ноздри.

Где-то хрустнула ветка. По траве, вытягивая вперёд острую мордочку, пробежал ёжик. Мазин встал:

— Ну, пошли скорей!

Петька завязал узелок, надел его на палку.

Шли долго. На повороте, где когда-то Сергей

Николаевич ждал ребят, был врыт столб. На столбе была прибита доска с надписью на чужом языке. Мазин схватил увесистый булыжник, оглянулся. На шоссе было пусто. Петька тоже поднял камень. Вдвоём они сшибли доску на землю и потоптали её ногами:

— Наша земля, наша дорога!

Потом, взволнованные и довольные этим происшествием, углубились в лес. Шли по памяти и по оставленным когда-то дорожным знакам. У обоих болели ноги, но чем ближе они подвигались к лагерной стоянке, тем больше ускоряли шаг. Обоими владела одна мечта — найти какой-нибудь след Митиного пребывания в лагере.

— Эх, жизнь! — время от времени бросал на ходу Мазин.

В папоротнике желтели лисички. Под старыми дубами крепко сидели на толстых ножках боровики, под молодыми сосенками ютились маслята; к их коричневым шапкам лепились прошлогодние листья и сосновые иглы. Мазин нагнулся и поднял разломанный пополам гриб; другой гриб, рядом, был раздроблен на мелкие куски. Мальчики одновременно наклонились над ним, стукнувшись головами.

— Копыто лошади, — прошептал Мазин.

Петька, ползая на четвереньках, указал товарищу на глубокий, вдавленный след:

— Давно проехал — в ямку иглы нападали.

Мальчики медленно передвигались с места на место. Следы привели их к кусту рябины. Ветки её с одной стороны были сильно примяты.

Мазин указал на коротко выщипанную вокруг траву:

— Лошадь паслась...

— Генка! — радостно шепнул Петька.

— А может, фашист?

Тревога сжала сердца мальчиков. Перебегая от дерева к дереву, они осторожно подошли к лагерной полянке. Там было тихо и безлюдно. Чернело обожжённое костром место, где Синицына варила кашу. Валялись обрубленные ребятами колья. Мазин и Русаков долго не могли найти яму, где были сложены продукты и вещи. Замаскированная дёрном, она была почти незаметна среди зелени. Наконец Петька вспомнил, что немного влево от этого места он воткнул кустик орешника. Кустик, уже засохший и сморщенный, был на месте. Мазин приподнял край срезанного дёрна. Под ним забелела палатка. Мальчики лихорадочно считали продукты и вещи:

— Палатка одна, а было две... Консервов мало... хлеба нет!

— Аптечка... Ящик с аптечкой! Я сам его клал. Вот тут клал! — захлёбываясь, шептал Петька. — И письма́ в клеёнке, которое Сергею Николаевичу оставили, тоже нет. Одинцов его над костром вешал, я сам видел!

У Мазина беспокойно бегали глаза, он что-то искал: перебрасывал вещи, вытаскивал посуду, заглядывал на дно.

— Это кто-то другой был, — мрачно заявил он на вопросительный взгляд Петьки.

Усталость и печаль овладели обоими. Мазин долго сидел задумавшись над раскрытой ямой. Митя оставил бы ребятам письмо или хоть какой-нибудь знак, что он жив. Мазин встал, обследовал поляну, спустился к реке.

Наступали сумерки. Петьке стало страшно. Он сел, пристально вглядываясь в темнеющий

лес. С берега донёсся до него торжествующий крик:

— Сюда! Сюда!

Мальчик стрелой понёсся на голос товарища. Неожиданное зрелище предстало перед его глазами. Мазин плясал танец диких, высоко вскидывая ноги и выкрикивая одни и те же слова:

— Бинточки! Бинточки! Тра-ля-ля! Тра-ля-ля-ля!

В руках его болтались длинные серые бинты из полотна бабы Ивги. Петька мгновенно захватил себе другой конец и тоже пустился в пляс:

— Митины бинточки! Тра-ля-ля!

На берегу валялся пустой ящик из-под аптечки.

Через несколько минут, выкупавшись в реке, голодные, но счастливые, ребята уселись на берегу. Незаметно подкрался вечер. Костёр разводить боялись. Петька принёс банку консервов, но Мазин решительно велел положить банку обратно.

— Это Митино, а ты берёшь! Ведь он где-то в лесу блуждает, у него весь запас тут, — с укором сказал он.

Петька смутился и сейчас же предложил:

— Мазин, останемся тут навсегда! Он придёт, — а мы тут!

Оба замечтались о встрече с Митей. Мазин глядел в тёмное небо и, потягиваясь, радостно бормотал:

— Эх, жизнь!

Он представлял себе, какую счастливую весть принесут они с Петькой ребятам. И, словно угадывая его мысли, Петька добавил вслух:

— А Трубачёв-то! Трубачёв прямо с ума сойдёт от радости!

— Все с ума сойдут! А мы не сошли?

— Я сошёл! — радостно уверил Петька.

Лес уже не казался страшным: где-то тут, в этом лесу, бродил Митя...

Заснули неожиданно и так же неожиданно проснулись. Тёмный вечер сменило ясное утро. Радость стала ещё больше, ещё значительнее. Митя жив! Он где-то здесь, может быть недалеко от них. Мазин решил пройти вглубь леса, а перво-наперво написать Мите письмо и замаскировать яму. Письмо писал Петька. Мазин, стоя над ним, диктовал, тщательно подбирая простые слова, чтоб не наделать грамматических ошибок.

— «Дорогой Митя! Ты жив, мы тоже живы. Нашли твои бинты и всё угадали. Мы живём там же. Слушаемся дядю Степана и Трубачёва тоже. Ты живи здесь, а то всюду фашисты. В Ярыжках фашисты и на станции Жуковка. Наши их бьют, а они всё лезут». — Мазин вспомнил сшибленную доску с чужой надписью и продиктовал: — «Мы тоже без дела не сидим и сидеть не будем».

Потом он задумался и, не зная, что ещё добавить, почесал затылок:

— Эх, жизнь!

Петька послюнил карандаш, записал последние слова и незаметно для Мазина поставил в углу четыре буквы: Р. М. З. С.

Положив письмо, они тщательно замаскировали яму и двинулись в лес.

— А Трубачёв-то! Ещё не знает, что Митя жив! — несколько раз повторяли мальчики, вспоминая Васька.

* * *

Но Васёк уже знал. В это утро в хате Степана Ильича неожиданно появился Генка. Он стоял у порога; армяк на нём был разорван, лицо осунулось, пожелтело, глаза лихорадочно блестели.

— Где конь? — тихо спросил его Степан Ильич.

Васёк Трубачёв, Саша и Коля Одинцов со страхом ждали ответа. Генка глубоко вздохнул, вытер грязной ладонью щёки:

— Отдал...

— Колхозного коня отдал? — Степан Ильич потемнел. — Колхозного коня? Врагу?!

Генка вскинул голову, сердито блеснул глазами:

— Мите!

Глава 27

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

В Слепом овражке собрались все ребята. Были тут и Грицько и Ничипор. Пришли из Ярыжек Игнат с Федькой. Не хватало только Мазина с Русаковым. Они всё ещё не возвращались из своего путешествия. Перед сбором Игнат долго советовался о чём-то с Трубачёвым. Саша Булгаков, стоя на-часах, с радостной улыбкой прислушивался к тому, что происходит в овражке. Там, на затонувшей коряге, удобно расположившись на толстых корнях, ребята слушали Генку. Генка сидел на самом почётном месте. Лицо у него было усталое, тёмная, обветренная кожа туго натянулась на скулах, на висках обозначились ямки, но карие глаза сияли.

— ...Я чую — выстрел... один, другой... Я до

Гнедка́... А тут... Митя ваш из кущей як выскочит! Рубаха на нём порвана, задохнулся весь. — Генка обвёл ребят затуманившимся взглядом. — Ну и... отдал я ему коня...

— Ускакал он? — живо спросил Одинцов.

— Ускакал...

Малютин обнял Генку за шею:

— Митя хороший, он не обидит Гнедка́! Ты не бойся, Генка.

Игнат встал. Растроганная улыбка лишала его обычной степенности, но голос звучал торжественно.

— Товарищи́! — он обвёл всех взглядом и остановился на Генке. — Я так думаю, товарищи́: если человек сделал плохой поступок, то его надо наказать, и это будет правильно. Гена Наливайко, наш ученик и пионер, за плохой поступок против дисциплины лишился галстука... Галстук у него отобрали... — Игнат снова обвёл взглядом всех присутствующих. — Верно я говорю?

— Верно... — неохотно подтвердили ребята.

Генка забеспокоился, сжал сухие губы и исподлобья следил за Игнатом. Игнат повысил голос:

— Но Гена Наливайко не такой человек, чтоб на него не можно было надеяться... Он человек верный, и когда подойдёт такая минута, то он так поступит, как другому не поступить. Я то хочу сказать, товарищи́, что Генка не испугался выстрелов и не ускакал, а отдал комсомольцу Мите своего коня... Поступок это хороший, пионерский, и, значит, так мы и порешим, что Гена Наливайко свой галстук заслужил! Кто согласен, подымайте руки!

— Все! Все согласны! — дружно откликнулись ребята.

Саша выглянул из-за кустов:

— Потише, а то слышно очень!

— Добре. Ну, а раз все согласны, так я передаю пионеру Гене Наливайко его галстук.

Игнат торжественно вытащил из-за пазухи красный галстук. Генка вспыхнул.

— Бери, бери, Генка! Ну да чего! Бери! — зашумели ребята.

Генка осторожно взял галстук, повязал его на шею. Гузь шлёпнул его по спине:

— Добрый хлопец!

Грицько, протягивая через все головы руку, улыбался:

— Давай свою руку, Гена! Давай сюда!

Васёк был растроган и хотел что-то сказать, но Ничипор вдруг зашевелил в воздухе пальцами и, потоптавшись на коряге, поднялся.

— Я тоже хочу держать речь насчёт нашего Гены и, конечно, про себя скажу... — Он кашлянул в кулак и, переставив свою ногу на ногу Федьки, продолжал, не обращая внимания на то, что Федька Гузь крепко двинул его ногой и стукнул по спине. — Я, конечно, прошлым летом тонул... И, конечно, был я в плохом положении — ухватиться не за кого. Ну, утопленник, да и всё!

— Утопленник, а на ноги лезет! — проворчал Гузь.

У ребят заблестели в глазах насмешливые искорки.

— Ну и что? Выплыл?

Ничипор вытащил из кармана платок, не спеша вытер нос и невозмутимо продолжал:

— Конечно, я давай кричать...

— А что ты кричал? — с интересом спросил Одинцов.

— Караул! — бросил Грицько и, опрокинувшись навзничь, залился смехом.

Ребята тоже расхохотались, даже Генка засмеялся. Васёк рассердился:

— Ребята! Не дело!

Все замолчали.

— Ну, так что ты кричал? — побаиваясь Трубачёва, тихо спросил Коля Одинцов.

Ничипор повернулся к нему всем своим нескладным телом и неожиданно сказал:

— А вот полезай под воду, тогда и узнаешь, что кричал!

— Го-го-го! — загоготали опять ребята.

Игнат нахмурился:

— Федька! Стукни по шее вот тому тонкому, ты ближе сидишь.

— Кому? Мне? — вскочил Одинцов.

— Хоть и тебе. Чтоб не гигикал зря!

— Ого... — начал было Одинцов.

Но Васёк возмущённо крикнул:

— Молчи! Что это вам — цирк? Вы на пионерском сборе находитесь! Дайте человеку слово сказать!

— И правда, что вы все напали на него? — заступился Малютин.

— А кого он боится? — усмехнулся Грицько. — Он и в школе так... У одной Марины Ивановны с ним терпения хватает. Каждый день она заставляет его рассказывать. Как идём с уроков, так сейчас и приказывает: «Ничипор, расскажи что-нибудь!»

— Хорошая она у вас, — задумчиво сказал Сева.

— Другой такой нету, — серьёзно подтвердил Грицько.

— Говори, что хотел сказать, — кивнул Ничипору Трубачёв.

— Да не тяни за душу, как кота за хвост! — сердито бросил Игнат. — Говори сразу, как там с тобой дальше было.

— Добре, — согласился Ничипор и, скрестив пальцы, пощёлкал суставами. — Так я, конечно, тонул...

— Опять за своё? — угрожающе вскинул брови Игнат.

Ребята беззвучно тряслись от смеха.

— Я знаю, что он хочет сказать, — вдруг усмехнулся Генка. — Это история в двух словах. Он тонул, а я его вытащил! Верно?

— Верно, — подтвердил Ничипор и с удовлетворением сел на своё место.

— Скажи ты теперь своё слово, — обернулся Игнат к Ваську.

Васёк встал:

— Я скажу за себя и за своих ребят, потому что мы все одно чувствуем. Ты хороший человек, Генка. Ты ведь знаешь, как мы о Мите думали... (Васёк махнул рукой, отвернулся. Ребята насупились.) Спасибо, Генка... Спасибо от нас всех... И если придётся тебе в жизни... ну, плохо, что ли... так ты помни: у тебя есть товарищи... — закончил Васёк.

— Спасибо тебе! Спасибо, Гена! — потянулись к Генке ребята.

— Ну, чего там... — смущённо и радостно отмахивался Генка.

— Ну, вот и всё... Договорились, значит, — улыбнулся Игнат и тут же, взглянув на обрыв,

заторопился: — А теперь давай прячь, Гена, свой галстук да разойдёмся кто куда, а то чего-то Сашко беспокоится.

Саша действительно делал какие-то таинственные знаки.

В один миг коряга опустела. На ржавую поверхность болота ложился оранжевый отблеск заходящего солнца. Какая-то птичка пролетела над болотом, держа в клюве толстого червяка. Огромный жук-рогач с разлёту шлёпнулся на корягу, осмотрелся и с ворчливым гуденьем полетел дальше.

Глава 28

ДЕД МИХАЙЛО И ЕГО ВНУКИ

Дед Михайло жил теперь в самой гуще событий.

— Як в аду кромешном! С ведьмаками живу! В пекле! — дёргая седую бородку, потихоньку рассказывал он Степану Ильичу. — И двое внуков у меня теперь стало.

— Двор метёшь?

— Мету.

Степан Ильич, усмехаясь, смотрел в лукавые, острые, как буравчики, глаза деда:

— А классы метёшь?

Дед Михайло вытащил из-за пазухи кисет — в нём звякала связка ключей. Наклонившись к Степану Ильичу, он что-то зашептал ему на ухо.

— Осторожней там, — предупредил его Степан Ильич.

— Эге! Осторожному только на печке сидеть, — проворчал дед.

В школе помещался фашистский штаб. По коридору щёлкали офицерские каблуки, у дверей стояли часовые. Толстый, грузный генерал со своим адъютантом жили в двух классах. Там же собирались штабные офицеры. Михайло не понимал ни одного слова из того, что говорили немцы.

— Язык у них тяжёлый! Нияк не изучить! И услышишь, а не поймёшь! — сокрушённо жаловался он. — А моё дело такое — вроде за дворника я у них. Туда-сюда! Передник надел — и готово! Денщики ленивые, як свиньи! Генерал за ворота — они на диваны! Ноги вверх, сигару в зубы! «Батька, фу-фу, гряз... пошоль уборка делать!»

Степан Ильич задумчиво крутил козью ножку.

— Без языка плохо... Что ты сделаешь?

— А что я сделаю? — подпрыгивал дед. — Ничего я не сделаю! Убить их — другие придут. Что я сделаю?

— Там побачим, что к чему... Ты в доверие входи, угождай, понял? А то старым дурнем прикидывайся...

— Тьфу! — плевался дед Михайло. — Як бы дело какое, а то зря душу мараешь!

...Сева Малютин считался внуком деда Михайла. В старой Генкиной рубашке и широких штанах он выглядел украинским хлопчиком, только бледное, незагорелое лицо и русская речь отличали его от Генки. Но гитлеровцы не обращали внимания ни на старика Михайла, ни на его внуков. Они сбрасывали около мазанки деда старый хлам, заставляли его чинить солдатам обувь, убирать комнаты, держать в чистоте двор. Генка в это дело не мешался; он, стиснув зубы, не глядя, проходил мимо гитлеровцев и чаще все-

го, сидя в своей мазанке, думал о Гнедке. Теперь у Генки была одна радость — возвращённый галстук. Ночью, лёжа на нарах, он осторожно вытаскивал галстук из сенника, завязывал его на груди и гладил мягкий узелок.

— Що, заработал? И где ж ты его заработал? Ты его нигде не заработал! — ласково поддразнивал его дед.

Генка вспоминал тревожные ночи, глухие лесные тропы, запачканные влажной землёй копыта Гнедка́ и отвечал:

— Заработал.

— Эге! Значит, опять пионером будешь?

— Буду.

— Хе-хе-хе! — счастливо смеялся дед. — И комсомольцем будешь?

— И комсомольцем буду.

— И коммунистом будешь?

— И коммунистом буду,— усмехнулся Генка.

— Ну, чорт! Вот чорт! — восхищался Михайло. — Значит, деду и помирать можно спокойно, а?

— А чего тебе помирать? Живи, — разрешал Генка.

Оба затихали. Каждый думал о своём, но мысли их сходились. Из школы доносились чужие голоса.

— Погибель на вашу голову! — тихо бормотал дед.

Генка, приподнявшись на локте, напряжённо всматривался в широкие окна школы. В освещённых окнах двигались фигуры фашистов.

— Прогонят их, диду?

— Фашистов? Обязательно! — твёрдо говорил дед. — Сами побегут... весь свой фасон по

дороге растеряют! До самого Берлина поскачут, да и в Берлине места себе не найдут!

Завернувшись в одеяло, Сева лежал на скамейке. Он с тоской думал о матери, вспоминал девочек — Лиду, Валю и Нюру. Представлял себе Митю блуждающим по лесу, беспокоился за Мазина и Русакова. Сева всей душой тянулся к Ваську, но в последнее время Васёк изменился. Он стал более сдержанным и при встрече с Севой часто молчал, как бы обдумывая что-то про себя. Недавно они с Трубачёвым стояли у колодца. Задумчиво глядя на Севу, Васёк неожиданно сказал:

— Вот что интересно: о чём фашисты между собой в комнате говорят?

— Не знаю, я там не был... Туда не пустят!— испуганно ответил Сева.

— А ты... как-нибудь... под окошком послушай, что ли...

— Окошки закрывают. И часовые везде, — озабоченно вглядываясь в Трубачёва, шептал Малютин.

Глаза у Трубачёва были упрямые, взгляд их куда-то убегал.

— А ты попробуй всё-таки...

— Я попробую, — серьёзно сказал Сева.

Васёк быстро наклонился к нему:

— Главное, чтоб никто не знал, что ты понимаешь немецкий язык!

Они постояли и разошлись. Севе было о чём подумать. Мысли, глубокие и тайные, одолевали его. Хотелось откровенно поговорить с Трубачёвым, но он понимал, что Васёк всё равно не ответит на его вопросы.

Теперь по утрам Сева надевал передник деда

и шёл к воротам. Он подметал двор, прибирал около крыльца брошенные огрызки сигарет и чутко прислушивался к тому, что говорят между собой фашисты.

— Они говорят, что Гитлер возьмёт Москву! — весь дрожа, сообщил он однажды Ваську.

Глава 29

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Тоскуя о матери и об оставленных дома «мал мала меньше», Саша собирал колхозных ребятишек: играл с ними, строил им домики, учил их тем песням, которые пели когда-то в детском саду его сестрёнки. Жорка не отходил от Саши, и с самого утра во двор Степана Ильича с разных концов села бежали ребятишки. Некоторых приносили матери и, посадив на крыльцо, просили Сашу:

— Погляди за ним, хлопчик, чтоб беды не случилось!

Губная гармошка иногда привлекала малышей. Фашисты, подпустив близко какого-нибудь заслушавшегося музыкой карапуза, вдруг хватали его, как котёнка, за шиворот или направляли на него ружья, пугая:

— Пуф-пуф, киндер!..

Саша оберегал ребят как мог. Он уводил их на полянку за клуней и там часами возился с ними. Однажды Васёк слышал, как, собрав семилеток, Саша говорил им о школе, о Москве, о Красной Армии.

— Фашисты — наши враги, они заняли нашу землю, они у нас всё берут... — объяснял Саша.

— И у нас берут! — вставлял какой-нибудь малыш. — А батька́ нашего увели...

— И нашего увели!

— А у нас из скрыни добро украли! — жаловались другие.

В каждой хате были обиды, которые понимали даже дети.

— Офицер нашу бабку ударил...

Саша говорил о Красной Армии:

— Придут сильные, смелые бойцы с красными звёздами на шапках...

— Як наш батько! Он тоже в Красную Армию пошёл!

— И наш Павло тоже пошёл!

— И Василь наш, — вспоминали дети.

— ...Придут красные бойцы и прогонят злого врага! — с глубокой верой говорил Саша. — А пошлёт их сам Сталин...

— И к нам пошлёт! — радостно шептали малыши, прижимаясь к Саше.

Васёк обнял товарища:

— Это хорошо, что ты им всё рассказываешь. Только гляди в оба, Саша!

Васёк и сам глядел.

— Куда ты с ними идёшь? — спрашивал он товарища.

— За клуню.

— Не надо. На полянке садись, чтоб кругом тебе видно было — нет ли гитлеровцев... Постой, — окликал он Сашу, — иди сюда!

Саша покорно возвращался.

— В траве иногда солдаты валяются — за цветами не видно. Оглядывайся хорошенько.

— Да не бойся, я смотрю, — улыбался Саша.

* * *

Васёк собрался на пасеку. Уже два раза ходил он к Матвеичу, передавал ему свои наблюдения и рассказывал всё, что слышал в селе.

Стоял жаркий июль... Туго натянув на голову свою тюбетейку, Васёк вышел на улицу. На каждом шагу попадались гитлеровцы; люди пробирались сторонкой, чтоб не встретиться с ними. Васёк шёл смело, размахивая пустой корзинкой.

— Пойдёшь за грибами? — спросил его утром Степан Ильич.

— Пойду, — не сморгнув ответил Васёк.

Степан Ильич озабоченно постучал пальцами по столу, покусал светлые усы. Васёк подождал, не даст ли он какого-нибудь поручения к Матвеичу, но Степан Ильич ничего не сказал.

По дороге шла группа солдат; лица у них были красные от жары, вороты расстёгнуты. Васёк спрятался в первый попавшийся двор, переждал, потом, зорко глядя по сторонам, снова вышел на улицу.

Впереди показался высокий старик. На нём были серый пиджак и старый, помятый картуз, низко надвинутый на лоб. Он слегка хромал, опираясь на палку. Васёк забеспокоился — что-то неуловимо знакомое показалось ему в этом старике... И чем ближе тот подходил, тем сильнее волновало Васька странное сходство старика с кем-то, кого он не мог ещё вспомнить.

Поравнявшись с мальчиком, старик вскинул на него серые блестящие глаза. Васёк смешался, оробел и, задыхаясь от волнения, прошептал:

— Здравствуйте...

Он узнал секретаря райкома. Радость, испуг, тревога за этого человека охватили его. Старик

внимательно посмотрел на мальчика, но не ответил и, хромая, прошёл мимо. Васёк боялся оглянуться. Ему казалось, что отовсюду следят за стариком глаза фашистов. Тысячи мыслей вертелись в голове. Зачем он пришёл? Разве он не знал, что здесь враги? Каждый из села мог нечаянно выдать его, окликнув по имени. Что делать? Как предупредить несчастье, которое так легко может произойти?

Васёк поглядел вслед секретарю райкома. Тот шёл спокойно, как человек, который хорошо знает, куда и зачем он идёт. И тогда Васёк вспомнил его слова: «Коммунисты всегда будут среди народа, первыми в этой борьбе». Восхищенье, чувство безграничного счастья охватило мальчика, вселяя уверенность в победе над врагом.

За селом, на лугу, Саша сидел с ребятами. Васёк подбежал, хлопнул товарища по плечу и возбуждённо сказал:

— Эх, Сашка, ничего-то ты не знаешь! А у меня такая тайна, которую я даже тебе сказать не могу!

Саша промолчал. У него тоже была своя тайна...

Один раз Ко́стичка попросила Сашу собрать на лугу щавель — трудно было ей прокормить троих детей: гитлеровские солдаты отняли все запасы крупы и сала. Жене кузнеца Кости, чем могли, помогали соседки; баба Ивга передавала ей хлеб для детей. Саша всегда был рад сделать что-нибудь для Ко́стички. Он встал рано, спустился к реке. На другом берегу луг был не скошен, там было много щавеля. Саша сложил одежду в корзинку, вошёл в воду и поплыл, дер-

жа корзинку над головой. Мальчик ещё не достиг берега, как кто-то окликнул его осторожным хриплым шопотом:

— Хлопчик...

Саша испуганно шарахнулся в сторону, не решаясь выйти из воды.

— Эй, хлопчик! — снова донеслось до него из зарослей ивняка. — Иди сюда, не бойся...

Из кустов выглянул какой-то человек. У него было жёлтое скуластое лицо с сухими, потрескавшимися губами. Рубаха на груди заржавела от крови, глаза ввалились и глядели на Сашу настороженно и сурово.

— Свой я... чего от своих бежишь?..

Саша с замирающим сердцем подошёл к незнакомому человеку.

— Стоят фашисты у вас? — тихо спросил тот, кивнув головой в сторону села.

— Стоят, — прошептал Саша.

— Много?

— Много...

Незнакомый сдвинул брови, набрал ладонью воду, жадно хлебнул.

— Красноармеец я... раненый... к своим пробираюсь. Не слышал — есть наши в лесу?

Саша насторожился. Вспомнил Митю... Где-то в лесу бродит Митя, может быть там и другие люди, бежавшие вместе с ним... Но Саша молчал.

— Не слышал, есть наши в лесу? — тоскливо повторил красноармеец и снова жадно хлебнул с ладони воду. Потом поглядел на Сашину корзинку и быстро спросил: — Хлебца нет у тебя? Голод мучает...

— Я сейчас принесу, — заторопился Саша.

— Принесёшь? Ну, принеси... — с заблестевшими глазами прошептал раненый. — Только, слышь... — Он тронул Сашу за плечо: — Скажешь кому — убьют меня...

Саша отчаянно замотал головой:

— Нет... нет, что вы... никогда не скажу...

Красноармеец поглядел ему в глаза:

— Ну, беги...

Саша, торопясь, переплыл речку, натянул одежду и, не оглядываясь, пошёл к своей хате. «Сказать или не сказать ребятам? Может, посоветоваться с Васьком? Шепнуть бабе Ивге? Нет, нельзя! Никому нельзя сказать... Каждое слово сейчас может выдать. Ребята разволнуются, начнут шептаться: кто, что... А этот красноармеец про лес спросил... — вспомнил Саша. — Может, надо было сказать ему про Митю?»

В хате никого не было. Саша схватил ломоть хлеба, несколько луковиц. В шкафу на тарелке лежал кусочек сала. Мальчик спрятал сало и лук за пазуху, хлеб положил в карман.

Назад шёл осторожно, оглядываясь по сторонам: ему казалось, что из всех кустов следят за ним чьи-то глаза.

На берегу было тихо, но когда мальчик уже собирался спуститься к воде, на тропинке показались два немецких солдата.

Саша спрятался в кусты. Солдаты остановились и стали раздеваться. Потом вошли по пояс в воду и не спеша начали мыться.

Саша в отчаянии поглядел на тот берег...

Кусты ивы не шевелились. Солдаты купались долго. Потом ушли. Когда их голоса совсем затихли, Саша вылез из кустов, разделся и, держа над головой корзинку с одеждой, в которой были

завёрнуты хлеб и сало, поплыл. У берега он остановился, прислушался.

— Дяденька!

Никто не ответил.

— Дяденька! — повторил Саша.

Везде было пусто и тихо. Только примятые ветки ивы напоминали о раненом красноармейце. Саша посмотрел на густую осоку, на луг...

За лугом начинался колючий молодой сосняк. Мальчик, пригнувшись к высокой траве, бросился бежать к сосняку. Он прошёл между рядами молодых деревцев; сосновые ветки царапали его плечи, иглы кололи ноги. Но здесь тоже было пусто. Мальчик понял: красноармеец ушёл... испугался фашистов или его, Саши... Ушёл, не дождавшись хлеба...

Саша вернулся к реке. У примятых кустов ивы он вынул из корзинки сало и хлеб, положил на траву и в последний раз тихонько позвал:

— Дядечка...

В эту ночь баба Ивга часто подходила к Саше, трогала ладонью его голову. Саша не спал. Ему чудились выстрелы, слышались стоны, доносившиеся с реки. «Почему я не сказал ему, что в лесу Митя?» — горько раскаивался Саша.

Утром он снова пошёл на берег, переплыл на ту сторону. Под ивой не было оставленной еды. «Взял он или не взял хлеб? Если бы склевали птицы, были бы крошки...»

Много дней ещё Саша тревожно прислушивался ко всякому шуму на селе, бродил один по берегу реки, рискуя попасться на глаза фашистам, пробирался за село, в ближний лес.

Потом нахлынули новые события, воспоминание о раненом отошло, осталась только одна

мысль, которая всегда мучила Сашу: «Взял он или не взял хлеб?..»

Товарищам Саша ничего не сказал.

Глава 30

ЗЕЛЁНЕНЬКИЙ ПОЕЗД

В этот день Ваську не удалось побывать на пасеке. Случилось ещё одно событие, взволновавшее ребят. За околицей Васька догнал запыхавшийся Одинцов.

— Игнат передал, чтоб после обеда мы трое в овражек пришли. У него какое-то спешное дело! — торопливо сказал он.

Пришлось повернуть назад.

— А что за дело, не знаешь?

— Не знаю. Он не говорил. Только обязательно велел прийти.

После обеда Саша, Одинцов и Васёк по одному пробрались в овражек.

Ждали долго. Уже солнце начало садиться, когда сквозь кусты просунулась голова Игната.

— Я Ничипора наверху поставил... — шепнул он.

— Ладно. А в чём дело у тебя? — нетерпеливо перебил Васёк. Он был расстроен тем, что не попал на пасеку, где давно уже не был.

— А дело вот какое... — Игнат вытащил из кармана пачку бумаг. Здесь были листы, вырванные из школьных тетрадок, писчая бумага и даже кусочки светлых обоев. — Держи, — сказал Игнат, передавая Ваську пачку. — Это мои хлопцы по селу кое-где бумаги пособирали, а то писать не на чем. А вот это нам задание...

Он осторожно достал из-за пазухи завёрнутый в газетную бумагу листок и расправил его на коленке. Ребята вытянули головы и с любопытством прочли заголовок:

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ 3 АВГУСТА

Сводка была написана чётким почерком, рукой взрослого человека.

— Читайте про себя, — тихо предупредил Игнат.

Лица у ребят покраснели от волнения, губы зашевелились.

«...После 6-часового боя полк противника, окружённый с трёх сторон нашими частями, был разгромлен... На поле боя фашисты оставили больше 1500 убитых и раненых немецких солдат...»

В овражке была тишина, слышались только прерывистое дыхание и лёгкий шелест бумаги, лежавшей на колене Игната; каждому хотелось потрогать листок, прикоснуться к нему.

— Игнат, откуда это?

— Откуда — это не ваше дело. Наше дело — переписать чисто, понятно да осторожненько расклеить. Вот я и принёс вам. Тут бумаги на десять таких листовок хватит. В Ярыжках и ещё кое-где мы уже порасклеивали. Только смотрите, хлопцы: попадётесь — плохо будет... тогда уж...— Игнат покачал головой. — Одним словом — кто дал, где взяли... — Он строго посмотрел на товарищей.

— Предателей среди нас нет, — просто сказал Васёк, спрятал на груди листовку и развернул пачку чистых бумажек. — Эх, сколько тетрадей мы в школе бросили! Знать бы раньше, что

понадобятся... — с сожалением сказал он и, вдруг перевернув один листок, вырванный из школьной тетрадки, удивлённо заметил: — А здесь стихи какие-то... и зачёркнуты... Это что?

— Да это так... видно, кто-то из школьников последние листки из тетрадки вырвал да отдал. Ну, на этом листке не пишите — и всё!

— Что? Что? — рассеянно переспросил Васёк и медленно прочитал вслух первые строчки стихов:

Зелёненький поезд сюда нас привёз,
Заехали мы на Украйну в колхоз...

— Зелёненький поезд? — живо перебил его Саша. — У нас тоже был зелёненький поезд... Странно... — сказал он, заглядывая в листок.

— Читай, читай! — заторопил Одинцов. Сквозь тонкую кожу на его лице проступили красные пятна, и даже веки покраснели.

Васёк громко, с волнением в голосе прочитал дальше:

С любовью нас встретили, точно родных, —
В Советской стране не бывает чужих,
Все любят друг друга и славно живут.
Да здравствует мирный и радостный труд!

— Игнат! Где это взяли? Откуда? Ребята! Ведь это... это писала Нюра Синицына, — прошептал Одинцов.

— Это наша Нюра... я узнал... И, может, она жива? Может, все они живы? — заволновался Саша.

Васёк посмотрел на товарищей и покачал головой:

— Эти стихи Нюра могла написать в первые дни, когда мы только приехали. И, может, поте-

ряла тетрадку или отдала кому-нибудь из здешних девочек... Мы возьмём себе на память эти стихи... Только надеяться на что-нибудь, по-моему, нельзя...

— Да, конечно... Митя сам видел разбитый грузовик, — упавшим голосом сказал Саша.

Все замолчали. Игнат глубоко вздохнул, поправил свою кубанку:

— Кого нет, того нет. О живых надо думать... Так вот, я своё слово сказал. А вы тут постарайтесь. Может, успеете, так к ночи и расклейте.

— Ладно. Сделаем, — поднимаясь, сказал Васёк. — Выходите по одному... Когда придёшь опять, Игнат? — всё ещё потрясённый напоминанием о девочках, грустно спросил Васёк.

Игнат присел на корточки и быстро зашептал:

— Справляйтесь сами, хлопцы, — у нас другие дела объявились. Не можно мне часто приходить, а если надо, Грицька посылайте ко мне.

Прощаясь, он ещё раз попросил не задерживать листовки... Но ребят ждала неудача.

По хате тяжёлыми шагами ходил Степан Ильич. Переписывать сводку при нём боялись. Тайна — так от всех тайна. Пробравшись гуськом мимо Степана Ильича, ребята сели в угол и тихо зашептались.

Степан Ильич неодобрительно посмотрел на них, но ничего не сказал. В последнее время он был хмурый и неразговорчивый.

Пошептавшись, ребята послали Сашу к Макитрючке, чтоб узнать, вернулись ли Мазин и Русаков. В ожидании они бегали несколько раз к воротам и обратно. Степан Ильич стоял у окна,

повернувшись к ним спиной и постукивая пальцами по стеклу, — о чём-то думал.

— Может, он уйдёт куда-нибудь?

— Он всегда вечером уходит...

— Одинцов, ты так, намёками, узнай у него, уйдёт он или нет, — кивал на Степана Ильича Васёк.

Одинцов, сделав непринуждённый вид, подошёл к другому окну и, покосившись на Степана Ильича, сказал:

— Ой, как темно уже! Наверно, сегодня никто никуда не пойдёт, дядя Степан?

— Как это «никто никуда»? — насмешливо переспросил Степан Ильич и, вдруг с шумом подвинув табуретку, сел, сложив на коленях руки. — А ну-ка, идите сюда, вылезайте из-за печки!

Ребята переглянулись и робко подошли:

— Мы?

— Вы, вы! Настало время мне поговорить с вами всерьёз. И вы этот разговор запомните хорошенько, чтоб два раза повторять не пришлось. — Степан Ильич поднял вверх палец и, медленно отчеканивая каждое слово, сказал: — Чтоб с этого часу прекратить всякие ваши перешёптыванья и лазанье где ни попало! И не носитесь вы по селу как угорелые, не советуйтесь в каждом углу, потому что все ваши тайны у вас на лбу написаны... Всякое это ваше подмигиванье, подмаргиванье...

— А мы не подмаргиваем, — быстро перебил его Одинцов.

— Как это не подмаргиваете? — сердито стукнул по столу Степан Ильич. — Я сам видел. И всё это вы делаете на глазах у врагов, шмы-

гаете перед самым их носом. Да что вам война — игрушка, что ли?

— Да мы не подмаргиваем! — вспыхнул от обиды Васёк.

Дверь неожиданно открылась, и Саша, просунувшись наполовину, замахал рукой и, делая таинственные знаки бровями, вытянул трубочкой губы:

— Васёк, выйди... Васёк...

Степан Ильич шагнул к двери, взял за плечо Сашу и поставил его перед собой:

— Вот, видали? Ну, чего ты моргаешь? Что там случилось?

— А я не моргаю, — растерявшись, сказал Саша.

— Ну, а как же эта твоя мимика называется?

Ребята не выдержали и рассмеялись.

— Эх, дети, дети! Нет у вас настоящего понимания того, что происходит... Да если вам взрослые что-либо поручают сделать, делайте, но не обращайте всё в игру и не смейте что-либо придумывать от себя! Потому что вы можете муху в слона превратить, и из-за вашей глупости хорошие люди могут погибнуть, и сами вы пропадёте ни за грош, ни за копейку. — Степан Ильич встал, откинул на окне занавеску. — Вот... глядите сюда!

Присмиревшие ребята один за другим подошли к окну. Отсюда видна была улица... У каждых ворот и у плетня стояли и ходили гитлеровские солдаты, громко, развязно переговариваясь на своём языке.

— Вот он, наш враг... В каждой хате, на каждом шагу... Кровью нашей он не дорожит,

людей в ямы живьём бросает. С оружием пришёл, с хитростью, с коварством... Вот и подумайте, как надо себя вести, ребята! — тихо закончил Степан Ильич.

Глава 31

НА СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЕ

Два дня Мазин и Русаков блуждали по лесу. Спускались в лесные овраги, забирались в густую чащу. Петька складывал рупором ладони и гудел, подражая горну. Лес откликался протяжным эхом. Стали попадаться путаные тропинки, лесные дороги. Мазин решил вернуться. Лес то густел, то редел, приметы были так похожи, что мальчикам начинало казаться, будто они уже проходили эти места. Перед глазами неожиданно открывался молодой сосняк, за ним белели берёзы... В непроходимой чаще леса было темно и сыро, солнце скупо проникало туда сквозь густую зелень кустов и деревьев, на траве не просыхала роса.

Мазин чуть не провалился в болото. Под мягким, бархатным ковром, расшитым незабудками, стояла ржавая вода.

Ночевали опять в лесу.

— Заблудились! — объявил утром Мазин. — Надо речку искать. Я в речках хорошо разбираюсь!

— Помнишь, как ты по Северной Двине ездил? — фыркнул Петька.

Мазин улыбнулся:

— Всё помню! Эх, и времечко было, Петька! Сергей Николаевич, директор, Грозный! А шко-

ла! Я её часто во сне вижу... Стоит себе и стоит на том же месте!

Стали вспоминать всякие мелочи школьной жизни. Все тогдашние неприятности казались теперь милыми и смешили до слёз.

Покружив ещё несколько часов, вышли к реке. Наступала третья ночь их жизни в лесу. Запасы кончились, голод давал себя чувствовать.

Развели костёр, попили горячей воды с остатками хлеба. Место было глухое; казалось, что здесь нечего опасаться врага. К каждому шороху мальчики прислушивались с радостным ожиданием: а вдруг на огонёк выйдет Митя!

— Как хорошо, Мазин! Как будто и войны нет. — Петька придвинулся поближе к огоньку и уютно свернулся калачиком на траве. — Пойдём утром!

— Куда «утром»! Третью ночь шатаемся... Ребята ждут, вставай! — заворчал Мазин.

Петька со вздохом поднялся.

Река здесь была широкая, спокойная. Мазин долго стоял, соображая, в какую сторону надо идти.

— Пойдём по течению, — решил он.

Шли по берегу. Луна ещё не всходила, но в лесу уже залегла ночь. Высокий очерет с коричневыми бархатными головками мягко шелестел, в воду шлёпались с берега крикливые лягушки. От усталости не хотелось говорить.

Вдруг с реки донеслись тихие голоса, раздался плеск вёсел. Ребята увидели лодку. В ней сидели три гитлеровца. Над водой вспыхивали огоньки их сигарет.

— Пусть проедут, — шепнул Мазин.

Мальчики спрятались в камышах. Теперь им

никак нельзя было вылезти, не обратив на себя внимания. Мазин вытянул голову и прислушался. Из лесу донёсся стук топора. Привыкнув к темноте, острые глаза Петьки различили среди редких деревьев немецкие палатки.

— Надо удирать... — прошептал он, прижав губы к уху товарища.

Но лодка причалила неподалёку от них; гитлеровцы не спеша вытащили её на песок и ушли по тропинке в лес, к палаткам. Шагов их не было слышно. Прошли они дальше или остановились где-нибудь за деревьями, мальчики не знали. Вылезать было опасно. Они стояли в камышах по колени в воде и наблюдали за берегом. У обоих возникла одна и та же мысль. Петька, тихонько толкая товарища, указывал на лодку; в ответ Мазин крепко сжимал его локоть. В темноте кусты орешника сливались в густую массу. Мазин поднял гладкий камешек и изо всех сил пустил его в лес. Камешек прошелестел по веткам и шлёпнулся на землю. На шум никто не откликнулся. Тогда Мазин осторожно раздвинул камыши, окунулся в воду и пополз, цепляясь руками за мелкое дно. Петька последовал за ним. Лодка, врезавшись носом в песок, тихо покачивалась на волнах. Руки мальчиков коснулись её гладкой, просмолённой кормы, потом ухватились за борта.

— Тащи! — шепнул Мазин.

Мальчики, стоя на коленках в воде с двух сторон лодки, потащили её с берега. Песок заскрипел... Мазин остановился... Потом кивнул головой Петьке... Песок снова заскрипел, лодка сползла на воду, повернулась носом по течению и стала медленно удаляться от берега. Мальчики

плыли рядом, держась за её борта. Петька вскарабкался первый, осторожно вложил в уключины два весла. Мазин мокрым мешком плюхнулся на дно, молча поменялся с Петькой местами и взял вёсла. Всходила луна. На всякий случай ребята старались держаться ближе к берегу — чернота кустов закрывала лодку. Ошеломлённые и счастливые своей удачей, оба молчали.

Лодка шла медленно, обтирая бока о кусты, прячась под ивовыми ветками, скрываясь в камышах. Берега стали меняться, река вдруг повернула и выбежала на луг. На лугу стояли стога сена.

— Смотри в оба! — шепнул Петьке Мазин.

Луна спряталась за тучу. Наступила темень. Мазин выехал на середину реки. Лодка бесшумно понеслась по течению. Впереди снова начинался лес.

— Петька! — окликнул Мазин товарища.

Петька ответил ему радостным мычаньем.

Становилось холодно, с одежды стекала вода.

— Надо выжать рубахи и штаны, — сказал Мазин. — Эх, котелок на берегу бросили из-за этих чертей!

— Зато лодка у нас! — радовался Петька.

Одежду крепко отжали, с трудом натянули опять штаны и рубахи. Петька улёгся на дне лодки и свернулся калачиком.

— Куда мы едем, Мазин? — равнодушно спросил он.

— «Куда, куда»! На кудыкину гору!

— А ты ж говорил, что в речках хорошо разбираешься!

Мазин промолчал. Петька закрыл глаза, со-

грелся и заснул. Глаза у Мазина тоже закрывались, но он изо всех сил боролся со сном.

Над рекой медленно вставал рассвет. На берегу сонно и нежно попискивали птицы. От воды поднимался лёгкий туман. Показалось и скрылось какое-то село с белыми хатами. Выросли из тумана неподвижные высокие тополя, мелькнула на пригорке утонувшая в вишняке пасека... И снова загустел на берегах лес...

Лодка плыла и плыла, уносимая течением неизвестно куда.

Неожиданно выступила громадная тень полуразвалившейся мельницы. Неподвижно торчало занесённое илом мельничное колесо. Река в этом месте сильно суживалась и, обегая колесо, с гулким шумом падала вниз с позеленевших от времени брёвен плотины. Лодка с разбегу врезалась носом в берег. Мазин вскочил. Петька протёр кулаками глаза. Оба вылезли из лодки, тревожно оглядываясь.

— Старая мельница, — шопотом сказал Мазин. — Постереги лодку, а я разузнаю, что там.

Он, пригнувшись, побежал к мельнице. Старая, почерневшая от дождей и времени, она тяжело накренилась над водой. Заросшая мохом крыша осела, из неё торчали голые балки. Узкие окошки с выбитыми стёклами покосились набок. Ступеньки глубоко вдавились в землю и буйно заросли крапивой. Наглухо забитая досками дверь давно не открывалась. Везде было тихо. Мазин осторожно обошёл мельницу со всех сторон. В одном месте трухлявые доски разъехались, и в стене зияла чёрная дыра.

«Немудрено было пану повеситься тут», — усмехнулся про себя Мазин. И вдруг замер от

неожиданности и удивления. Перед ним стоял Игнат.

— А ну, поверни назад, хлопче! — тихо и внушительно сказал он.

* * *

Петька, оставшись один, недолго сидел в кустах. Любопытство мучило его.

— Мазин! Мазин! — тихонько звал он товарища, не смея самовольно покинуть наблюдательный пост.

Мазин не откликался. Терпение Петьки лопнуло. Он вылез из кустов и решительно направился к мельнице. Но внезапно выросла перед ним крепкая, коренастая фигура Федьки Гузя. Он стоял, широко расставив ноги, и таращил на Петьку круглые светлые глаза:

— Ты чего тут?

— Мельницу хочу посмотреть, — сказал Петька и, небрежно покачиваясь, свернул вправо, пробуя обойти Гузя.

Но Федька тоже двинулся вправо. Петька забрал влево — Гузь подался влево и ещё шире расставил ноги.

— На мельнице пан повесился! — сказал он, делая страшные глаза.

— И сейчас висит? — вежливо осведомился Петька.

— И посейчас там.

— Вот я и хочу на него посмотреть. Сроду не видел панов — ни живых, ни мёртвых, — заявил Петька, решительно наступая на Гузя.

Федька заложил два пальца в рот и издал короткий свист.

Петька вспылил:

— Ты чего свистишь? На кого намечаешься? Думаешь, испугал? А ну, тронь! — Он боком подскочил к Федьке и упёрся плечом в его плечо. — А ну, тронь!

Гузь громко задышал ему в ухо, но не отстранился.

Петька крепче нажал на его плечо.

— На мельницу не пущу! — рявкнул Гузь, засучивая рукава и переходя в наступление.

Оба подпрыгнули и, обхватив друг друга поперёк туловища, покатились в траву. На драку выбежали два мальчика. Один был Мазин, другой — Игнат Тарасюк. Игнат Тарасюк глянул на катающихся по траве ребят, спокойно зачерпнул шапкой из реки воду и вылил на головы дерущихся. Петька и Гузь отскочили друг от друга, фыркая и отряхиваясь.

Петька бросился к Мазину:

— Я им дам! Они меня на мельницу не пускают! Небось, к нам в Слепой овражек ходят! Ихняя, что ли, мельница? Пойдём, Мазин!

Он рванулся вперёд, но Мазин схватил его за руку.

С другой стороны снова выросли Гузь и бледный, но решительный Игнат.

— Нечего тебе на мельнице делать. Я сам раздумал туда идти, — сказал Мазин.

— Почему это? Я хочу посмотреть! — не сдавался Петька.

— Ладно! Поворачивай! — Мазин взял Петьку за плечи и повернул его назад.

Петька искоса взглянул на товарища и замолчал. Игнат дружески улыбнулся Мазину и как ни в чём не бывало сказал:

— А вас ребята ожидают. Василь говорил,

что если сегодня не придёте, то сам пойдёт вас искать.

— Придём, — растерянно ответил Мазин.

— А что, не слыхать ничего про вашего Митю? — с сочувствием спросил Игнат.

Но Мазин не ответил. Он думал о мельнице.

Игнат беспокойно оглянулся, снял с головы кубанку и сверкнул на Гузя сердитыми глазами.

— Они ж на лодке подъехали, — словно оправдываясь, сказал Федька.

— А где ж это вы лодку взяли? — заинтересовался Игнат, только теперь заметив спрятанную в кустах лодку.

— У фашистов отняли! — похвалился Петька, победоносно глядя на Гузя.

— У фашистов? Не врёшь? — Федька вытянул шею и с уважением поглядел на недавнего врага.

— А что нам врать? Пустяк дело! — хорохорился Петька.

Игнат быстро оглядел лодку и, поманив пальцем Мазина, тихо сказал:

— Вы вот что... Уходите отсюда... Понятно? А лодка нам останется...

— А вам зачем? — поинтересовался Мазин.

Игнат вздохнул:

— Да так... може, сгодится на что-нибудь... рыбу ловить...

«Знаю я — зачем», — подумал Мазин.

— Бери, если надо, — тихо сказал он Игнату.

Игнат снова наклонился к лодке.

Федька торопливо объяснял мальчикам дорогу. Показал ближнюю тропинку.

— Мазин, а лодка? А лодка как же? — заволновался Петька.

Мазин нетерпеливо оборвал его:

— Когда я что-нибудь делаю...

— Ну?

— Значит, делаю!

Петька пожал плечами. Он привык понимать своего друга с полуслова, но сейчас он ничего не понимал. Спорить же было бесполезно.

Поднявшись в гору, Мазин оглянулся. На берегу никого не было. Туман рассеялся, и старая мельница была хорошо видна. Она стояла чёрная, заброшенная, низко накренившаяся к воде. Всё казалось в ней пустынным и неживым...

Но это только казалось...

Мазин не мог видеть, что внутри мельницы, на чердаке, в туманном свете, падающем из слухового окна, стоял на коленках перед ящиком Коноплянко и что-то быстро прилаживал. Рядом с ним, примостившись на брёвнах, сидела учительница из Ярыжек. В руках у неё был блокнот и карандаш.

«Говорит Москва! Говорит Москва!» — раздался спокойный голос диктора.

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

10 июля

Дорогой мой дневник! Ничего я не пишу теперь. Что ни подумаешь написать, всё нельзя. Мы живём у дяди Степана. Он очень строгий и бранит нас иногда, если заслуживаем, но зато и жалеет нас. Совсем мы были бы сиротами без Мити, если бы не он. Добрый и, главное, на папу моего очень похож. А больше всего я полюбил его за то, что он один раз взял на колени Жорку и стал с ним шутить, а я тут же стоял. Ребят ни-

кого не было. Тогда он посмотрел на меня, спустил Жорку на пол, а меня обнял и говорит: «А теперь я с другим сыночком посижу. Ну, рассказывай, Коля, что у тебя на душе». Я стал про родителей говорить, а он слушал и всё спрашивал... И мы так долго, долго вдвоём сидели! Вот какой дядя Степан! Если бы враги на него напали, я бы умер, а защитил его. И Трубачёв тоже, и все наши ребята.

Хорошие тут люди, только ни о ком писать нельзя. Придётся кончать дневник. Я с Трубачёвым советовался, — он говорит, что когда всё кончится и мы победим, то тогда всё вспомним и запишем. А пока мы тоже хвебухведем хвебохверохветься хвес хвефахвешихвестахвеми.

Хвекохвеля Хвеохвединхвецов

Глава 32

НА ПАСЕКЕ

Залаял Бобик. На крыльце стояла женщина и, прикрыв глаза рукой, смотрела на подходившего Васька:

— Ты к Матвеичу?

Васёк остановился около крыльца.

Бобик прыгал на него, лизал ему щёки, нос.

— Знает, видно, тебя собака?

— Знает.

Васёк не решался сказать, что пришёл к Матвеичу, и молча играл с Бобиком, разглядывая незнакомую женщину. У неё было круглое лицо с глубокими складками около губ. Тёмные косы, обёрнутые в два ряда на голове, серебрились сединой, голубые глаза смотрели вопросительно.

Из вышитых рукавов украинской рубашки были видны большие спокойные рабочие руки. Серый нитяный платок покрывал её плечи; прячась от солнца, она набрасывала его на голову, завязывая узелком под мягким подбородком.

— Матвеич сейчас придёт. Садись.

Она села на крыльцо. Васёк тоже присел на нижней ступеньке, не смея пройти в хату.

— Я — Оксана. Слыхал обо мне? — просто сказала незнакомая женщина.

Васёк радостно удивился:

— Это вы? Сестра Сергея Николаевича? Моего учителя?.. Я слышал, я ещё давно слышал!

— От Сергея Николаевича слышал?

— От всех слышал!

— А от учителя своего слышал? — настойчиво спрашивала Оксана.

— Ну да! Он всем нам говорил, что у него сестра Оксана... то-есть тётя Оксана... есть... — запутался Васёк.

Женщина засмеялась. От голубых глаз её протянулись к вискам тонкие морщинки.

— Это я тебе тётя. А учителю твоему — сестра. Я его маленьким ещё помню, он на моих руках рос. — Она пригладила волосы, грустно улыбнулась: — Большим-то и не видела никогда.

Ваську стало жаль её:

— Он хороший... Строгий такой... и ласковый. Сильный... ужас! Просто силач!

— А маленький худой был, лёгонький. Бывало выйду с ним на крыльцо, зовут меня девчата на улицу песни петь, а он уцепится руками за мою шею — не оторвёшь... — Оксана вздохнула. — А какой уж теперь стал, и не знаю. Не до-

велось повидаться. — Она расправила на коленях юбку, поглядела на свои руки. — Рубашку ему вышила. Может, он такую-то и носить не будет — городской стал.

Ваську захотелось сказать ей что-нибудь очень хорошее:

— Будет, будет носить! Я знаю! Он любит всякое... ну, вышиванье, что ли... Девочек за это хвалил. И сам себе галстук сделал, нам в классе показывал! — заторопился он.

— Негде носить. Он, наверно, на фронте теперь. Врага бьёт. Какая ему рубашка сейчас, куда наряжаться! — сказала Оксана. — У нас у всех одно и на уме и на сердце.

Васёк спрятал между колен свою тюбетейку. В ней хрустели зашитые бумажки.

— А Николая Григорьевича нет? — осмелился спросить он.

— Есть, — кратко ответила Оксана, не приглашая в хату.

Наступило молчание. За дверью задребезжала посуда. Васёк взглянул на Оксану.

— Тебя Васьком звать? — спросила она, хмуря брови.

— Васьком.

— Хорошо вас воспитывают! В строгости... На примере... — Она понизила голос: — Отец у тебя с билетом?

— Он машинист... ему без билета можно...

Оксана наклонила голову, как бы разглядывая Васька:

— Не понимаешь разве, о чём говорю?

Васёк вспыхнул, догадался.

— Нет, понимаю... Он давно уже... ещё я не родился, — поспешно сказал он.

— Тише говори! Ищут враги коммунистов — вешают, расстреливают, живых в огонь бросают! Скажешь про кого — погубишь человека. Ненароком погубишь, — строго заговорила Оксана, наклоняясь к Ваську. — Матвеич не любит, кто болтает. Болтун с предателем по одной дорожке ходят...

Васёк испугался:

— Вы спросили, я и ответил.

— Не всякому отвечать, кому в ответ и помолчать. Я спрошу, другой спросит... — Она пытливо вглядывалась в лицо Васька.

Он почувствовал к ней неприязнь.

«Сама спрашивала — и сама болтуном ругается...»

— Я тебя учу, а не ругаю, — ответила на его мысли Оксана. — Матвеич тебя любит. И отец любит. А любовь от доверия... — Она положила на голову Ваську руку, пригладила назад чуб. — Лоб у тебя большой, чистый. В отца?

— Оксана! — послышался из хаты голос Николая Григорьевича. Он открыл дверь и, опираясь на палку, остановился на пороге. — А, Васёк пришёл!.. Что ж ты не скажешь?

— Да мы за разговором тут, слово за слово...

— Познакомились? — улыбнулся Николай Григорьевич.

— А мы и были знакомы. Он про меня слышал, я — про него. Что говорили, то и есть. Славный хлопец! — сдержанно похвалила Оксана.

Старик закивал головой:

— Ну, я рад, что он тебе понравился! Я так и думал.

Васёк вздохнул.

«А всё-таки она сердитая какая-то... — поду-

мал он про Оксану. — Её и Николай Григорьевич, видно, боится».

Они вошли в хату.

Васёк заметил, что в кухне что-то изменилось. За печкой, где были полати, стоял теперь шкаф с посудой. Он хотел спросить, кто его сделал, но подумал, что лучше не спрашивать, а то Оксана ещё и любопытным назовёт.

Скоро пришёл Матвеич. Он был весёлый, потирал руки, командовал:

— Садись за стол, командир!.. А ну, Бобик, до перелазу, живо! Живо, живо забирай свой хвост, а то дверью прищемлю! — Он закрыл за Бобиком дверь, придвинул к столу табуретку. — Ну, рассказывай! Да не бойся — Оксана своя. Кто на пасеке у Матвеича — тот свой. Чужой тут голову сломит.

Оксана закрыла окно, опустила занавеску. Васёк снял тюбетейку, протянул её Матвеичу:

— Вот тут у меня всё.

— Зашил? — подмигнул Николай Григорьевич. — Смотри, Матвеич, зашил!

— Как надо! — важно подтвердил Матвеич, распарывая подкладку. — Комар носу не подточит!

Оксана обняла Васька.

— Рассердился на меня — и хорошо! Значит, к пользе. Значит, запомнишь слова мои, — ласково шепнула она ему на ухо.

Матвеич разложил на столе Севины бумажки.

На этих бумажках Сева записывал всё, что ему удалось услышать или увидеть в штабе. Некоторые услышанные слова Малютин, затрудняясь перевести, вписывал прямо по-немецки.

Матвеич обернулся к Ваську и удивлённо спросил:

— Это кто же у тебя работает?

— Малютин, — сказал Васёк и, оглянувшись на Оксану, стоявшую за его спиной, добавил с гордостью: — Сева у нас немецкий язык знает!

И он начал шопотом рассказывать, какие поручения выполняет для него Малютин, как он слушает, что говорят в штабе, и передаёт ему, Ваську.

Над столом склонились три головы. Глаза взрослых внимательно и серьёзно разбирали Севины каракули. Трубачёв дополнял их рассказами:

— Фашисты собирают яйца, крупу, зерно... Говорили между собой, что на Жуковку повезут, в вагоны грузить.

Оксана выходила на крыльцо, стояла на дорожке под окнами.

С дружеским лаем промчался за хатой Бобик. Матвеич насторожился.

Васёк вскочил, прикрывая ладонью листки. Оксана вошла в комнату:

— Свой.

Из кухни выглянул Коноплянко.

— Не бойся, не бойся! Это коноплянка прилетела, — засмеялся Матвеич, протягивая Коноплянко свою широкую ладонь и усаживая Васька на место. — Садись, садись, хлопчик!.. А ты с чем прилетел, а?

— С лыхом чи с добыхом? — пошутил Николай Григорьевич.

— С добыхом, — всерьёз ответил Коноплянко и, подвинув табуретку, сел рядом с Трубачё-

вым. — Поклон тебе, Васёк Трубачёв, от твоего вожатого!

Васёк задохнулся от счастья:

— От... Мити?

Коноплянко кивнул головой:

— Беспокоится о вас Митя. Велел вам передать, чтобы вы крепче держались друг за дружку. Знает, что трудно тебе, Васёк Трубачёв, но надеется на тебя и на всех ребят. Велел никогда не забывать, что вы пионеры и должны быть верными своей Родине.

Васёк встал. Он не находил слов от радостного волнения. Коноплянко мягко улыбнулся ему и обратился к Матвеичу:

— Свежий выпуск. Осилите?

Он положил на стол листочки из блокнота.

— Осилю! Осилю! — заторопился Николай Григорьевич, разглядывая листки.

Коноплянко лёг грудью на стол; на длинном, худом лице его выступил румянец, глаза засияли:

— Драгоценный материал принёс...

Оксана позвала Васька:

— Иди-ка сюда! Я твою копну состригу немножко. Ишь ты, какой дядя Туман! Рыжий да кучерявый, совсем оброс! — выводя мальчика в кухню, певуче проговорила она.

Васёк, взволнованный скупым сообщением Коноплянко, боясь спрашивать, медленно шёл за ней, машинально оберегая от ножниц свой чуб.

Оксана сняла его руку с головы:

— Чуб твой при тебе и останется. Я за ушами колечки постригу. Садись-ка сюда. А то домой тебе скоро идти... Баба Ивга обедать нава-

рила, коровку подоила, молочка нацедила... — Приговаривая, как над маленьким, Оксана подстригла Ваську волосы, дунула на пробор, поскребла ногтем кожу: — Чистая головка. Ступай, голубёнок, вынеси волосы во двор да закинь их подальше. Ишь, золота у тебя сколько! — пошутила она, собирая с фартука остриженные кольца волос. — Ступай. Да много не думай. Порадовал тебя Коноплянко, сказал тебе слова бесценные, вот и береги их в сердце да помни: что мог, то сказал, а что не сказал, того не мог. Значит, и спрашивать не надо.

Васёк зарыл в кустах свои волосы, чтоб не разлетелись по ветру, и вернулся в кухню.

— Уходить мне? — послушно спросил он Оксану.

— Уходи Завтра придёшь под вечер. За кого из товарищей ручаешься — приводи. Настороже стоять будете. Понял?

— Понял.

Оксана дала Ваську горбушку хлеба, густо намазанную мёдом, проводила до перелаза, обобрала на его рубашке золотые волоски.

— А то на шею попадут — колоться будут, — как о чём-то очень важном, шопотом сказала она.

Васёк не шёл, а бежал домой, чтоб скорей передать товарищам слова Мити.

Возле села он неожиданно встретился с Мазиным. Мальчики бросились друг к другу:

— Мазин!

— Васёк!

— Вернулись? — радостно сказал Васёк. — А я боялся за вас.

Лицо Мазина показалось ему особенно родным и близким. Обожжённое солнцем, с чуть-

чуть припухшими и покрасневшими веками и знакомыми щёлочками глаз, оно было смущённым и ласковым.

— У меня бы сердце разорвалось, если бы с тобой что-нибудь случилось, — добавил Васёк.

Мазин без слов сдавил товарища в своих объятиях.

— Есть важная новость, — шепнул ему Васёк. — Сегодня соберёмся...

Глава 33

ВАСЁК ТРУБАЧЁВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

В Слепом овражке было тихо и пустынно. По крутому склону, заросшему густым орешником, как паутина вилась тонкая проволока. Проволоку эту Мазин и Русаков ещё в первые дни после прихода фашистов нашли около сарая, где сидел Митя, и опутали ею кусты, чтобы враги не могли застать собравшихся врасплох.

Васёк ждал товарищей. Все они приходили поодиночке, чтоб не привлечь внимания патруля. Собираться вместе становилось всё труднее. Чтобы попасть в Слепой овражек, надо было миновать конюшню, в которой гитлеровцы устроили гараж, надо было идти огородами, куда солдаты нередко лазили за овощами. Один раз Васёк, пробираясь между сломанными подсолнухами, увидел солдата. Фашист проводил мальчика ленивым, равнодушным взглядом, но от этого взгляда у Васька долго ползали по спине мурашки.

«Вот-вот выстрелит... и убьёт», — думал он, боясь оглянуться.

Реже всех приходили в Слепой овражек Сева и Генка. У ворот школы стояли часовые. Мальчики могли пройти мимо них с вёдрами к колодцу и там, вытаскивая воду, двумя-тремя словами перекинуться с товарищами; но уходить надолго было опасно. Трудно было пробраться из Ярыжек Игнату; Федька Гузь, связанный с Игнатом разными делами, являлся теперь тоже редко. Нужна была крайняя осторожность. После того как в селе появились листовки, расклеенные ребятами Трубачёва, фашистские патрули то и дело расхаживали по селу.

Сегодня Васёк пришёл первый и, сидя на коряге, с тревогой прислушивался к шороху кустов. Вот из орешника выглянула круглая голова Саши. Потом послышались осторожные шаги Одинцова. Справа треснул валежник, и из-под кучи хвороста вылез Мазин. За ним шмыгнул, как заяц, Петька. Степенно спустился в овражек Игнат. Последними пришли Генка и Сева. Наверху на страже остался Федька Гузь. Он зорко оглядывал каждый кустик, осторожно обходил овражек; поднявшись на цыпочки, вглядывался в даль.

Предупреждённые об особой важности сегодняшнего сбора, ребята бесшумно заняли свои места. Старая коряга была похожа на корабль, причаливший к зелёному берегу.

Сначала говорил Мазин. Ровным, бесстрастным голосом он рассказывал обо всём, что с ними случилось в эти дни, как в поисках Мити они зашли далеко в лес.

Петька вскакивал, перебивал его, забегая вперёд. Ребята боялись пропустить хоть одно слово. В том месте рассказа, где на лагерной

стоянке были обнаружены следы лошади, волнение их достигло предела.

— Это Митя проехал! Это он!

Генка смотрел на всех счастливыми глазами.

— Бинточки нашли! Бинточки! — кричал Петька. — Мазин плясал! Вот так!

Он выбросил вперёд ногу, присел и подпрыгнул вверх.

— Корягу перевернёшь, Петька! — хохотали ребята.

— Перестань дурить!

— Тише! По порядку давай! Мазин, дальше, дальше! Рассказывай, Коля!

Васёк остановил расшалившегося Петьку. Мазин стал рассказывать дальше: гитлеровцы на берегу, лодка, плывущая ночью по реке...

Дойдя в своём рассказе до старой мельницы, Мазин вдруг смолк и, помолчав, добавил:

— Всё.

— А что на мельнице? Что на мельнице? — спрашивали ребята.

— А на мельнице Игнат был и Федька. Я сначала с Федькой подрался, а потом мы с Мазиным отдали им лодку и ушли, — закончил Петька.

— Верно, — подтвердил Игнат.

Когда все угомонились, Васёк встал:

— Ребята! Вы слышали, что рассказал Мазин. Теперь скажу я... Только вы не перебивайте и не кричите. Первое... это... — Губы у Васька дрогнули: — это... поклон вам от нашего вожатого Мити!

Ребята ахнули, вскочили. Но Васёк усадил их на место:

— Митя велел нам всем передать, чтобы мы

крепче держались друг за дружку, чтоб не забывали, что мы, пионеры, должны быть верными своей Родине и что он на нас надеется.

Ребята заволновались.

— Больше я сам ничего не знаю, — сказал Васёк. — Эти слова мне передал один человек. Ребята! Будем всегда помнить то, что сказал наш Митя!

— Будем помнить! — тихо и торжественно повторили ребята.

Васёк оглядел поднятые к нему лица. Он увидел честное круглое лицо Саши, внимательные, зоркие глаза Одинцова, худенькое, нервное лицо Петьки, спокойное и напряжённое лицо Мазина, синие встревоженные глаза Севы Малютина, карие пытливые глаза Генки и голубые простодушные — Грицька; увидел крепко сжатые губы Игната, его чёрные сросшиеся брови над строгими серыми глазами. Волнение сжало ему горло:

— Ребята! Вы все мои товарищи... Я за каждого из вас, как за себя, ручаюсь...

Он оглянулся, прислушался. Ребята тоже оглянулись, прислушались. Над Слепым овражком гудели мухи, в кустах попискивали птицы, зелёные лягушата прыгали около коряги.

Васёк совсем понизил голос и, обхватив за плечи товарищей, зашептал им что-то быстро и страстно. Все головы сблизились и тесно касались одна другой... Наконец Васёк встал.

— Игнат здешний, он всех знает, — тихо сказал он.

— Игната... Игната бери! — дружно подхватили ребята.

Игнат снял кубанку:

— Во мне не сомневайтесь.

Глава 34

У ЛЕСНОГО КОСТРА

На бывшей лагерной стоянке паслась лошадь. Около разрытой пустой ямы лежал доверху набитый рюкзак. Митя держал в руках листок бумаги, исписанный крупным детским почерком, — письмо Мазина и Русакова.

На берегу реки мягкая глина ещё хранила следы мальчишеских ног.

В памяти вставали весёлые, шумные голоса и смех ребят... Палатки, костёр... Вот здесь Валя Степанова расчёсывала свои длинные золотистые косы, а Мазин подкрадывался к ней и щёлкал ножницами.

Вот здесь, на этом пне... Митя подошёл к широкому пню, осторожно сел на край, оставляя рядом с собой место. Здесь когда-то, в первую тревожную ночь, сидел он с Трубачёвым. Глаза у Васька были тёмные, он ёжился от холода. Митя накрыл Васька своей курткой, и они вместе просидели так до утра... Что же случилось? Разве прошли с тех пор годы?..

Прошло только две недели, как фашисты арестовали кузнеца Костю, Митю и других людей из села. В сарае было темно и сыро. Люди были подавлены случившимся, никто не понимал, за что и почему он арестован, каждый думал о своих близких. Митя думал об осиротевших ребятах, тяжко казнил себя за то, что не мог раньше выбраться из села...

Вспоминал девочек. В темноте вставали перед ним их светлые детские лица, слышались зовущие голоса:

«Ми-тя!..»

Мите казалось, что горе, свалившееся на его плечи, сделало его глубоким стариком. Его собственное детство, школа, счастливые мальчишеские годы ушли далеко-далеко и безвозвратно. Он думал о Сергее Николаевиче, который взял с собой всех ребят и оставил с ним самых стойких и сильных.

«Не задерживайтесь!» — звучал в ушах голос учителя. Митя вскакивал, хватался за голову...

Из темноты сарая выступали заплаканные лица родителей, доверивших ему своих детей...

Митя видел и свою мать. В тихом материнском лице не было укора. В каждой знакомой морщинке таилась тревога и боль за сына:

«Ми-тя!..»

Через несколько дней на рассвете фашисты вывели арестованных из села. Рядом с Митей шёл кузнец Костя. Он был без шапки, ветер шевелил его лохматые волосы, из-под густых бровей глядели тёмные насторожённые глаза.

По бокам арестованных шагали два конвоира, держа в руках автоматы. С одной стороны шоссе начался лес. Костя толкнул Митю. Митя понял: толкнул идущего рядом с ним. Арестованные насторожились.

В глухом месте, где за густым орешником начинался овраг, Костя гикнул и бросился на конвоира. Тяжёлым ударом кулака он свалил его на землю...

Раздались беспорядочные выстрелы... Арестованные рассыпались по лесу. Всё произошло так мгновенно, что Митя потерял из виду всех. Колючки рвали на нём рубаху, царапали лицо, руки. Он задыхался от бега. Пули свистели за

его спиной... И тут лицом к лицу он столкнулся с Генкой.

Генка торопливо сунул ему в руки поводья, отдал ему любимого коня.

Митя вспоминает свою первую одинокую ночь в лесу, на этой самой лагерной стоянке.

Всхрапывал Гнедко, косясь на Митю пугливым, недружелюбным глазом, тихонько ржал, призывая Генку; подняв высокие чуткие уши, недоверчиво слушал ласковые, благодарные слова...

Вокруг таинственно шептались деревья, словно скрывая чьи-то осторожные, крадущиеся шаги...

На рассвете Митя стал искать разбежавшихся по лесу товарищей. Он часто останавливался, слушал, окликал. Одинокий голос его терялся в лесу.

В полдень из чащи, ломая сучья, вышел Костя... С тех пор они стали товарищами. Разный народ встречался им в лесу. Костя был осторожен и не каждого подпускал к огоньку:

— Кто знает, что за люди! Может, за фашистов руку тянут.

Однажды они вдвоём наткнулись на раненого красноармейца. Он лежал, подняв вверх скуластое лицо с сухими, синими губами. По жёлтой, обтянутой на щеках коже бегали муравьи. Рубаха на груди заржавела от крови. Красноармеец крепко прижимал к себе винтовку.

Митя осторожно поднял его голову, приложил к губам флягу с водой. Вода полилась мимо, за воротник.

— Помер, — сказал Костя. — Жалко: молодой... — Он осторожно, словно стесняясь своего поступка, потянул к себе винтовку: — Отдай, то-

варищ! Тебе она уже не нужна. Мы теперь за твою молодую жизнь рассчитаемся...

Красноармеец вдруг заморгал глазами, со стоном рванул винтовку из рук Кости.

— Убью! — прохрипел он, дико глядя вокруг себя.

Кузнец отступил.

— Живой! — удивлённо сказал он.

Митя наклонился над раненым:

— Товарищ! Товарищ! Это свои!

Красноармеец пошевелил губами:

— Пить...

Он пил долго, большими глотками, глядя в лицо наклонившегося над ним Мити. Сознание медленно возвращалось к нему.

— Не бросайте, братцы!

Костя на руках перенёс его в овраг, где они с Митей вырыли себе землянку. Красноармейца звали Илья Кондаков.

На другой день он пришёл в себя и рассказал, что в одном из сильных боёв он был ранен; истекая кровью, отполз в пшеницу. Фашисты его не заметили. С тех пор он бродил по лесу, прятался в копне сена; однажды подошёл близко к селу, в надежде добраться до своих, примкнуть к какой-нибудь красноармейской части... В одном месте у реки увидел хлопчика... Но в селе стояли фашисты, пришлось снова уйти в лес. Илья обессилел, заголодал и свалился.

— Не отбил я врага, братцы, и вот помираю! — с сожалением сказал он, растягивая в улыбку бледные губы.

— Погоди, ещё отобьём! — усмехнулся Костя.

— До последнего дыхания буду их бить, с собой в могилу утащу! — сказал Илья.

Сдружились... По утрам варили крупеник с консервами. Илья постепенно поправлялся, набирал сил.

— Вот гляди, Митя! Зарыли вы продукты и ушли. А думал ты, когда зарывал, кто их есть будет! — вытирая рот, говорил Костя.

— Пропал бы я без вас! — вздыхал Илья. — Великое дело — товарищи! Не думал я живым быть, а вот ожил.

И ещё один человек прибился к их компании. Подошёл он вечером к огоньку. Костя, держа наготове винтовку, поднялся навстречу. Пришлый не испугался.

— Отведи, отведи! — спокойно сказал он, усаживаясь ближе к костру. — Меня уже сколько раз стреляли, да не застрелили.

— Кто такой будешь? — спросил Костя.

— Эх, ты! «Кто такой»? Человек! Ну, человек! Чего тебе ещё? — Он вытянул ногу, снял тяжёлые буцы и стал развязывать серую, грубую портянку. — Вишь, ногу стёр... Замучился хуже смерти! Полей-ка водички из чайника.

Илья подал ему чайник с водой. Митя невольно улыбнулся, глядя на озадаченного Костю.

— Ты мне турусы на колёсах не разводи! — сердито сказал кузнец. — Какое оружие при тебе есть — показывай!

— Оружие моё всё при мне — руки, ноги, голова. Кого надо — убью, кого надо — помилую!

Илья захохотал:

— Герой!

— А как же! — серьёзно сказал пришедший. — Завсегда герой! Ты меня — убивать, а я тебя не боюсь! Может, я тебя и сам убить должен, это ещё разобраться надо.

— Да ты что за человек, я тебя спрашиваю? — сердился Костя. — Сел к чужому огню и портянки распустил!

Пришедший поднял лицо.

Лицо было маленькое, с вздёрнутым носом. Глаза светлые, с лукавым и простодушным выражением. Глядя на Костю снизу вверх, он морщил лоб и высоко поднимал густые выцветшие брови.

— Вот ты говоришь — «сел к чужому огню». А огонь, мил человек, — это дело общее. Это для удобства — для пищи, для обогреванья тела, огонь-то! Он не твой и не мой! Общий! — вразумительно сказал пришедший.

— Да фамилия твоя как... имя, что ли? — потеряв терпенье, крикнул Костя.

— Фамилия моя — Пряник, а зовут меня Яков. И анкета моя немудрёная. Человек я простой. Пока война — буду воевать, а побью врага — стану на работу. Потому как по профессии я слесарь. При МТС находился.

— А как же ты врага побьёшь-то? Ведь вот он тебя в лес загнал... Слышь, дядя? — пристал Илья.

— А он не одного меня в лес загнал. Когда б одного, тогда б ещё, может, он меня и повоевал бы, а теперь я его повоюю! — пояснил Яков и, протянув Мите пустой чайник, попросил: — Сходи-ка ещё за водицей. Вконец ноги испортил — ходьба не получается.

Митя пошёл.

— Ишь ты, как расположился! — подмигнул Косте Илья.

— Добре! Сиди уж. Дальше посмотрим, что ты за птица есть, — усмехнулся кузнец.

— Это ясно. Слепому долго глядеть надо, а зрячему — одна минута.

— Это кто же слепой, а кто зрячий? — спросил задетый за живое Костя.

— Я — зрячий, а ты — слепой. Я на вас издали поглядел и увидел, кто вы такие есть. А ты меня два часа туда-сюда перевёртываешь, и всё у тебя одна изнанка получается!

— А потому как хитёр ты, дядя, не в меру!

— Где надо — хитёр, — согласился Яков, — а где не надо — свободно себя держу. Вот как пояс, к примеру: где потуже затяну, подберусь, а где распущу да спать ложусь. Это от обстоятельств зависимо.

— Чудной ты человек! — похлопал его по плечу Илья. — И фамилия твоя чудна́я!

Чудной человек, Яков Пряник, прижился. Был он хлопотун по хозяйской части. Работу находил себе сам. В землянке застелил пол душистым сеном, соорудил потайное окошко, затянул его кусками марли, замаскировал ветками вход, сложил из глины печь.

— Дождик — это для природы хорошо, а человеку кости промывать не требуется.

— Да ты что стараешься? Что мы тут, зимовать, что ли, будем? — удивлялся Илья.

— Хоть день прожить, так надо по-человечески. На то ты и есть человек, а не зверь лесной, — отвечал Яков.

Он перечинил всем одежду, разрезал свои буцы и поставил заплатки на Костины сапоги.

— Похоже, золотой ты человек, — задумчиво говорил Костя.

— На золото человека не меряют. Это два понятия разные. Один человек и гроша медного

не стоит, а на другого цены нет. Это по делам. Человек — существо душевное, живое.

Иногда Яков исчезал. У костра становилось скучно. Костя хмурился:

— Куда пошёл? Убьют где-нибудь, как собаку, и остатков не найдёшь!

Появлялся Яков внезапно и всегда с чем-нибудь: либо вытащит из-за пазухи свежий хлеб, либо вынет из серого мешка крынку с молоком и как ни в чём не бывало захлопочет по хозяйству.

— Где ж ты взял это? — приставал к нему Илья.

— Молока коровка дала, хлебца бабушка испекла, — улыбался Яков. — Понятно, где взял, — люди-то кругом есть!

Дни в лесу казались очень длинными. Выздоравливающий Илья чистил винтовку, задумывался, вздыхал.

Костя хмуро смотрел в огонь. Митя мучительно беспокоился за ребят и не знал, что предпринять. Раза два он пытался пробраться в село и оба раза чуть снова не попал в руки фашистов. Хата Степана Ильича стояла неподалёку от штаба, и пробраться туда незамеченным было невозможно.

У костра становилось всё печальнее.

Однажды Илья не выдержал.

— Долго так сидеть будем? — в упор спросил он Костю. — Я боец, мне спину греть нечего! — Он встряхнул начищенной до блеска винтовкой. — Мне до фронта пробираться надо!

— Тебе до фронта, а мне и здесь фронт. Враг по моей земле ходит, колхозное добро грабит.

Мне некуда идти. Я за нашу землю и здесь постою, — отвечал Костя.

— До Красной Армии пробиваться надо! — упрямился Илья. — Кто нас тут держит? Встали да пошли! — Он смотрел на Митю: — Пошли, что ли?

Митя всей душой поддерживал Илью, но он не мог оставить ребят, не зная, что с ними и как они будут жить.

— Что мы друг друга держим? Разойдёмся коль кто куда! — настаивал Илья.

— Это как «кто куда»? — вскидывал голову Яков. — Кто под пулю, кто на верёвку, а кто и в яму живьём? Вместе надо действовать! Война — дело общее. Собирать людей надо, а не распускать по лесу в одиночку!

Илья замолкал, но споры не прекращались.

Митя решил пробраться к Коноплянко — узнать у него, что делается вокруг, расспросить о ребятах. Товарищи одобрили его решение. Кузнец проводил до опушки.

Ночь выдалась тёмная. Митя перешёл шоссе, потом свернул к реке. Раза два ему повстречались немецкие солдаты. Он спрятался в кустах, пережидал...

В селе Ярыжки лаяли собаки. Митя пробрался огородами к хате Коноплянко. Тихонько постучал в окно.

Встретились они, как братья.

Разузнав подробно о ребятах, Митя обрисовал своих новых товарищей, положение в лесу:

— Сидим и не знаем, что делать. Споры начались.

Коноплянко взял его за руки:

— От жизни вы оторвались, а у нас она ключом кипит. Все на местах. Вот почитай... А я о вас кого надо в известность поставлю.

Он протянул Мите напечатанный на машинке листок. Митя бережно развернул его.

— Речь Сталина! — с волнением прошептал он, глядя на Коноплянко.

— Читай! — кивнул головой тот.

Митя стал читать.

Это было выступление товарища Сталина по радио 3 июля 1941 года. Речь товарища Сталина вдохновляла людей на борьбу с врагом, вселяла уверенность в победе. Она разрешала все сомнения и вопросы Мити и его товарищей.

Митя вскочил, обнял Коноплянко:

— Дай мне, дай мне это! Я товарищам отнесу! Ведь это всё, что надо!

Коноплянко отдал ему листок, проводил до реки. По дороге Митя ещё раз расспросил его о Ваське и ребятах.

— Хвалит их Матвеич: говорит — верные хлопцы! — сказал Коноплянко.

Митя, счастливый и гордый за своих пионеров, улыбался; торопился передать им хоть несколько слов.

— И ещё передай поклон от меня... — попросил он.

Прощаясь, Коноплянко напомнил:

— Значит, я о вас скажу. А вы с кузнецом послезавтра на старую мельницу приходите — там поговорим.

Митя вернулся под утро. Товарищи ждали его с нетерпением. Митя передал им свой разговор с Коноплянко, прочитал речь товарища Сталина.

Костя ликовал:

— Всё, что я думаю, Сталин завсегда знает! И ответ мне на мою думку подаёт!

Илья поднял вверх винтовку:

— Приказ есть приказ!

— Вот и не будете глядеть кто куда — сообща будем действовать! — сказал Яков.

...Митя вспомнил, как поздно вечером Костя попросил у него листок с речью товарища Сталина, как они долго искали его, пока Яков не шепнул им:

— Чего ищете зря? Он на самом правильном месте лежит — на груди у красноармейца.

Илья притворялся спящим...

Костя с Митей побывали на старой мельнице. С волнением слушали сводку Совинформбюро. Провожая их, Коноплянко сказал:

— Завтра в ночь на пасеку приходите. Нужный человек будет!

* * *

Митя поглядел на солнце. Лучи его золотили стволы деревьев, пробегали по траве, прятались в кустах.

«Время ехать!»

Он поднял с земли рюкзак, подозвал Гнедко. В последний раз оглянулся на поляну, где стоял когда-то лагерь. Больше сюда незачем было приезжать.

Чернела распотрошённая яма бывшей землянки, в ней уже не было запасов...

С высокой сосны сорвалась шишка и глухо стукнулась о пень.

Митя тронул коня.

Глава 35

НА СТРАЖЕ

— Тётя Оксана, мы пришли!

Оксана оглянулась, быстрым внимательным взглядом окинула вышедших из кустов мальчиков. Игнат, держа в руках кубанку, стоял рядом с Васьком. Серые глаза его под прямой линией сросшихся бровей глядели серьёзно и строго.

Оксана узнала Игната, с тёплой, материнской лаской погладила по плечу.

— Хорошего товарища привёл! — одобрительно кивнула она головой Ваську. — Умеешь выбирать.

— Я за всех ручаюсь! Может, ещё надо, так я живо...

— Не надо, — коротко оборвала Оксана и, всё ещё не снимая руки с плеча Игната, о чём-то задумалась.

Мальчики стояли не шевелясь. Сумерки уже спускались на пасеку; кусты вишняка становились темней, сквозь них белыми столбиками просвечивали стволы берёз.

— Игнат у реки будет, а ты — у перелаза. Глядите, хлопцы, чтоб врага не пропустить, да и сами зря не высовывайтесь, — тихо сказала Оксана.

— Не высунемся!

— Чуть что — давайте знать. От реки филин ухнет, а от перелаза иволга может крикнуть. Умеете ли иволгой да филином кричать? — строго спросила она.

— А как? — растерялся Васёк.

Игнат приложил ко рту ладони и издал негромкий крик.

— А! Знаю! Вспомнил! — обрадовался Васёк и тут же крикнул, подражая иволге.

— Хватит, — сказала Оксана, но Ваську показалось — плохо, и он крикнул ещё раз.

Игнат с серьёзным лицом присел на корточки и заухал филином, хлопая себя по бокам руками.

— Хватит, — ещё раз сказала Оксана. — Помногу не кричите. Кто показался в виду — давайте знать. Пасека в стороне стоит, дорога полями идёт — бывает, едут по ней солдаты... Ты, Васёк, тогда не прогляди. На овраг тоже поглядывай, там тропа есть — кто знает...

— А если просто чужие люди?

— Чужой или свой — ты этого знать не можешь. На это другие сторожа найдутся. Твоё дело в одном: показался человек — давай знать, — спокойно разъяснила Оксана.

* * *

Тонкий месяц острыми краями врéзался в тёмную глубину неба и остановился над пасекой. Вынырнула из густой листвы белая хата, заблестели стёкла закрытых окон, упал на крыльцо жёлтый круг света.

...Молчат высокие тополя, в густом вишняке не дрогнет ветка с чёрными, сладкими вишнями, не шелохнётся трава, не закачается на стебле цветок. Только вдруг блеснут из кустов внимательные глаза, вынырнет из травы и спрячется вихрастая голова, зашевелится в темноте рука, отведёт от лица назойливую ветку. Это Васёк стоит на страже.

У реки, за широким пнём, залёг Игнат. Отсюда по обе стороны видны ему мягкая, переливаю-

щаяся блёстками гладь воды, противоположный крутой берег и кусты. Шуршат камыши, тихо касаясь друг друга сухими стеблями; плещет хвостом неугомонная рыба... Из-за старого пня, обросшего белыми грибками и зелёным мохом, смотрят зоркие глаза Игната. Вот, пригнувшись к сырой траве, он ползёт к камышам, вглядывается в плывущую по реке лодку...

— Ух!.. Ух!.. — несётся предупреждающий крик филина.

Васёк стоит за чёрными кустами георгинов, около перелаза; он не спускает глаз с дороги. Освещённая светом месяца, она далеко видна. Только там, где начинается овраг, дорога спускается круто вниз и уходит из глаз.

Крик филина заставляет мальчика насторожиться. Он беспокойно оглядывается на хату Матвеича. От крыльца отделяется Оксана... По узенькой тропинке от реки идёт Коноплянко...

Васёк облегчённо вздыхает: свои.

Но вот снова несётся предупреждающий крик филина. Кто-то тихо подходит к крыльцу. Дверь хаты неслышно захлопывается за пришедшими. А вот на тропинке, ведущей из оврага, появляется чёрная тень... Васёк издаёт тревожный крик... Волнение сжимает ему горло, и крик неведомой птицы мало похож на крик иволги. Оксана появляется у перелаза...

Месяц освещает согбенную фигуру старика, опирающегося на суковатую палку. На нём серый пиджак, старый картуз низко надвинут на лоб.

«Так вот кто здесь...»

У Васька замирает сердце; он ещё больше напрягает зрение и слух, вытягивает шею, вгля-

дывается в темноту... Наступает долгая, напряжённая тишина...

И вдруг... крик иволги снова несётся из вишняка. На скошенном поле, как на раскрытой ладони, видна пролегающая дорога... Оттуда, приглушённый расстоянием, слышен нерусский говор... Одна за другой тянутся повозки... Издали видны фигуры солдат и огоньки сигарет.

Васёк считает: одна повозка, другая, третья... Первая уже скрылась за поворотом. За последней идёт группа гитлеровцев. А из оврага поднимается маленькая торопливая фигурка. Васёк узнаёт деда Михайла. Дед Михайло, пригнувшись к плетню, тоже наблюдает за гитлеровцами. Но повозки исчезают за поворотом... Далеко видно в поле широкую дорогу... Крик иволги повторяется... То один, то другой человек возникает из темноты оврага. Иногда Васёк слышит за своими плечами спокойное дыхание Оксаны.

— Свой, — одними губами шепчет она, вглядываясь в приближающегося человека.

Дверь Матвеичевой хаты без стука и скрипа впускает своих людей. Ночь идёт. Васёк сливается с кустами георгинов; месяц не выдаёт его — он освещает узкую дорожку к перелазу, золотит верхушки тополей, жёлтым светом обливает плетень.

К плетню подходят два человека. По могучему сложению первого, заросшим щекам и лохматой гриве волос можно узнать кузнеца Костю, но Васёк смотрит не на него. Через перелаз ловко перепрыгивает молодой хлопец, знакомым движением он откидывает со лба волосы, поворачивает голову к Косте... Короткий и радостный крик иволги рвётся из вишняка. Сторож не вы-

держивает: он прыгает на дорожку и бросается на шею Мите.

Митя молча, без слов, прижимает к себе Васька, глядит в его одуревшие от счастья глаза и смеётся...

— Пошли, пошли, — хмурится Костя, — не время.

Васёк отрывается от Митиной груди, на ходу ловит Митины руки, изо всей мальчишеской силы жмёт его пальцы... Это ничего, что они не успели сказать друг другу ни одного слова; что-то большее, чем слова, распирает грудь Васька.

— Все теперь прошли, — раздвигая кусты, шепчет Оксана. — Гляди в оба, голубёнок мой...

Сторож снова напрягает зрение и слух, вглядывается в дорогу, ловит каждый звук.

А в хате Матвеича говорит секретарь райкома:

— Борьба будет жестокой, беспощадной! Уничтожать, истреблять врага всюду и везде, нападать внезапно, не давая ему опомниться! Поднять весь народ — вот наша задача!

Голос Николая Михайловича раздвигает стены, зажигает невидимые партизанские костры. Никто не узнал бы в нём теперь старика, опирающегося на палку. Острым взглядом охватывает он сидящих перед ним людей.

— С нами товарищ Сталин! — раздаётся чей-то взволнованный голос.

— С нами Сталин!

Люди встают.

Потом они окружают стол, за которым сидит Николай Михайлович. Всем хочется говорить, спрашивать, поделиться новостями. Митя тоже

подходит к столу. Костя легонько подталкивает его к секретарю райкома.

— У него, товарищ, душа смелая. Выдержанный он человек, не глядите, что молодой, — говорит кузнец Костя.

Секретарь райкома внимательно смотрит на Митю, потом поворачивается к директору МТС:

— Ну как, Мирон Дмитриевич, принимаешь в свой отряд?

— А что ж, Николай Михайлович, раз за него так кузнец стоит, то беру!

Костя подробно рассказывает директору МТС о людях, которые остались в лесу. Вспоминает Якова, Илью:

— Правильные люди, подходящие.

Кузнец и Митя отходят в сторону.

— Оружие достаньте себе сами... держите крепкую связь с народом, — снова слышится голос секретаря.

Оксана в углу завязывает узелок, прячет что-то на груди.

— С утречка и пойду, — говорит она отцу.

В кухне, за шкафом, Николай Григорьевич, согнувшись, стучит на машинке.

— Листовки надо будет осторожненько расклеить где можно, — говорит Матвеич. — Часть Оксана возьмёт с собой...

Николай Михайлович подзывает Коноплянко и Марину Ивановну:

— Ну, а вы, товарищи, действуйте осторожно, с оглядкой. Сводки, по возможности, не задерживайте, найдите постоянных связных для передачи...

Над пасекой занимается рассвет. Хата Матвеича пустеет. Один за другим исчезают в пред-

рассветных сумерках люди. Мимо Васька проходит Оксана:

— Зови Игната, да ложитесь. Я вам в кухне сенца настелила. Молоко в крынке на столе, хлеб — под рушником. Ишь, глаза красные... Ложись спать, голубёнок...

— А вы куда? — спрашивает Васёк и пугается своего вопроса.

Но Оксана не сердится.

— Я далеко, — просто говорит она, поглаживая его волосы большой мягкой рукой. — Не скоро увидимся... Если встретишь когда своего учителя, скажи: хорошо он ребят учит, спасибо ему... Ну, и поклон передай от сестры Оксаны.

Глава 36

В СЕЛЕ

В селе было неспокойно. Гитлеровцы заставляли колхозников сдавать продовольствие. На столбах появились грозные объявления. По ночам ребята Трубачёва заклеивали их листовками. Люди останавливались, жадно читали; гитлеровцы били людей прикладами, срывали листовки, топтали их ногами. Листовки появлялись снова. Колхозники, читая про свою родную Красную Армию, верили в освобождение, набирались сил, выше поднимали головы.

— Бабы, не сдавайте продукты! Ничего они с нами не сделают. А Красная Армия придёт, своих кормить будем! — шептала колхозницам Макитрючка.

Около сельрады выросла виселица. Колхозные ребятишки издали смотрели на неё.

— Мамо, дывиться, яки соби качели фашисты зробылы! — первый сообщил Жорка.

Люди боялись выходить на улицу. В селе нашлись предатели, надевшие чёрную форму полицаев. Колхозники с ненавистью и презрением называли их «чернокопытниками».

Один из таких полицаев, сын бывшего кулака, Петро, вместе с гитлеровским офицером ввалился в хату Макитрючки. Мазин с Петькой сидели за столом и чистили картошку.

— Почему продовольствие не сдаёшь? — заорал с порога Петро, пропуская вперёд офицера.

Макитрючка вскипела.

— Ах ты иуда, вражий наймит! Продажная душа! — зашипела она в лицо полицаю. — По тебе ж осина в лесу скучает!

Петро схватил её за плечи, швырнул об пол:

— Я тебя, ведьму, на виселицу отправлю!

Он стал бить её по лицу, по голове.

— Проклят ты, проклят от людей и от бога! — кричала страшная, растрёпанная Макитрючка.

Мазин и Русаков бросились к ней, пытаясь оттащить её от разъярённого полицая.

Офицер брезгливо водил глазами по стенам хаты, чистил зубочисткой зубы и плевал прямо перед собой. Потом ткнул пальцем в спину полицая и вышел на крыльцо. Петро, скверно ругаясь, хлопнул дверью, оставив на полу избитую Макитрючку.

Вечером жителей села сгоняли на сход.

Встревоженный Сева вызвал Трубачёва к колодцу.

— Они Степана Ильича старостой назначили! Велели ему, чтоб в два дня всё продовольствие было собрано, — шепнул он.

Васёк схватил Севу за руку:

— А дядя Степан что?

Малютин густо покраснел от боли и стыда за Степана Ильича.

— Они били его, мучили? — задохнувшись от волнения, спросил Васёк.

— Не-ет... я не слышал. Нет, не били! Он сам согласился, — прошептал Сева.

— Сам? Старостой у фашистов? Не может он сам! Это они его заставили! Постой... Приходи в овражек!

* * *

Васёк рассказал всё ребятам. Ребята слушали с широко раскрытыми глазами. До вечера, сбившись в кучку, сидели они в Слепом овражке, убитые и напуганные Севиным сообщением.

— Да, может быть, ты ослышался? Или это кто-то другой был? — допрашивали они товарища.

— Нет, нет! Я не ослышался.

Васёк, бледный, с красными пятнами на щеках, зажимал пальцами уши и, мотая головой, кричал на Севу:

— Неправда, неправда! Не смеешь ты так говорить! Тебе, может, показалось? Неправда это!

Сева чувствовал себя в чём-то виноватым.

— Я, конечно, сам слышал, что он согласился, то-есть он ничего не сказал... Но всё-таки,

может, он ещё не будет старостой — убежит или ещё что-нибудь сделает...

Ребята вздыхали, обменивались короткими замечаниями:

— Какой человек хороший!

— Председатель колхоза!

— Мы его так любили... А он к фашистам пошёл!

Одинцов встал:

— Не смейте про него так говорить! Не смейте!

На сходке, куда полицаи согнали всё село, слова Севы, к ужасу мальчиков, подтвердились. Степан Ильич стоял рядом с полицаями и, глядя куда-то поверх голов, кричал в толпу хриплым, деревянным голосом:

— Сдавайте хлеб, сдавайте гречу!.. Чего ждёте?

Колхозники молчали, понурив головы.

— Ой, боже мий, что же это делается? Степан врагу продался! — с гневом и удивлением шептались бабы.

Фашисты одобрительно хлопали Степана Ильича по плечу. Петро подал ему немецкую сигарету. Степан Ильич долго держал её, разминая пальцами; табак сыпался на землю.

После схода старики собрались у деда Ефима; вздыхали, качая головами:

— Вот и поди ты к нему, Ефим, спроси: есть у него совесть или нет?

— Отдаст он запрятанный семенной фонд врагам — чем будем сеяться весной?

— Ты ему скажи: гитлеровцев прогонят, а народ останется... Люди не простят...

Дед Ефим пришёл к Степану Ильичу в хату,

остановился у двери, опираясь на палку. Степан Ильич встал навстречу. Татьяна рушником обмела скамейку:

— Садитесь, диду!

— Садиться я не буду. Моё дело в двух словах. — Дед постучал об пол суковатой палкой. — Я, Степан, твоего батька знал. Вместе мы женились, вместе в колхоз вступали... Ну, да не о том речь. Вот старики послали меня узнать: отдашь ты семенной хлеб врагам — обидишь своих людей или нет? Да велели ещё тебе сказать... — Голос у деда повысился, дробно застучала об пол палка. — Придёт Красная Армия, освободит народ, на́прочь истребит врага — куда тогда пойдёшь, с кем будешь? Подумай, чтоб не каяться тебе на этом свете...

— Эх, дед... — сказал только Степан Ильич и махнул рукой.

Ефим ушёл.

За ужином Степан Ильич сидел мрачный, как туча. Мальчики молчали, молчала и баба Ивга. Татьяна не выдержала — расплакалась:

— Что ж это ты делаешь, Стёпа, а? Як же мне на село появиться, людям в глаза глядеть?

Степан Ильич не отвечал. Татьяна заломила руки:

— Что же вы, мамо, молчите? Як в рот воды набрали! Хиба это не ваш сын? Або мне одной страшно на свете жить? Ой, Стёпа, Стёпа!..

Она упала головой на стол, затряслась от слёз. Баба Ивга встала, обняла её:

— Молчи, доню, молчи!

— Ой, мамо, як же молчать? Люди кажуть: продался Степан фашистам...

Васёк вылез из-за стола; Саша с красным, упрямым лицом, не поднимая глаз, катал из хлеба шарики; Одинцов сидел прямо, белый, как стена.

Утром Татьяна взяла Жорку и ушла из села, не простившись со Степаном Ильичом.

— До своей матки пошла, — кратко сказала ребятам баба Ивга.

Лицо у бабы Ивги за один день почернело и сморщилось, глаза впали. Она ходила по хате строгая, молчаливая. Допоздна не ложилась спать. Степан Ильич тоже не ложился. Они сидели рядом за столом и оба молчали.

Мальчики исподтишка следили за каждым шагом Степана Ильича. Сева и Генка видели его в штабе. Гитлеровцы вызывали Степана Ильича для каких-то поручений. У колодца бабы осторожно спрашивали Ивгу:

— Говорят люди — старостой Степан будет?

— Старостой.

— Ну что ж, его дело!

— Подневольный человек... Как не согласишься, когда петля на шее! — заводила разговор соседка Мотря.

Макитрючка, оправившись от побоев, сама побежала к Степану Ильичу. Застала она его в хате одного. О чём говорили они, никто не знал.

Глава 37

ВОПРОС ПИОНЕРСКОЙ ЧЕСТИ

— Это вопрос пионерской чести, — тихо, но твёрдо сказал Одинцов. — Какие же мы пионеры, если будем есть хлеб предателя?

В Слепом овражке было тихо. Ржавые пятна мутно поблёскивали на поверхности болота. Сумерки окутывали сбегающие по склону кусты орешника. Лягушки, неподвижно распластавшись на воде, круглыми, немигающими глазами смотрели на трёх мальчиков.

— Уйдём! — глухо сказал Васёк и, обхватив руками колени, задумался.

— Все от него уйдут... Татьяна с Жоркой ушла, баба Ивга уйдёт, мы уйдём, — мрачно сказал Саша.

— Баба Ивга? — переспросил Васёк. — Да... может быть... Но какая же она мать, если она уйдёт? — И, словно возражая самому себе, покачал головой: — А какая же она советская, если она останется?

— Все от него уйдут... И будет пустая хата... И он будет шагать по ней... один! — с отчаянием крикнул Одинцов.

— Пускай, — тихо и упрямо сказал Саша.

* * *

За ужином Степан Ильич посмотрел на мальчиков. Они сидели молча, не поднимая глаз от тарелок.

Одинцов казался больным; в последнее время тонкие черты его лица заострились, сквозь прозрачную кожу проступала синева. Степан Ильич забеспокоился:

— А что это, мамо, у нас один хлопчик так с лица изменился? Може, больной, а?

Он положил свою большую руку на голову Коле и, перегнувшись через стол, заглянул ему в глаза:

— Что это ты, хлопчик?

Коля, низко согнувшись и опустив голову, смотрел под стол.

— Эге... Совсем наше дело плохо! — удивлённо сказал Степан Ильич и попробовал повернуть к себе мальчика.

Но Одинцов резко высвободился от него и, закрыв лицо руками, разрыдался. Васёк побледнел.

Лицо Саши залилось тёмной краской, губы упрямо сжались. Одинцов плакал громко, взахлёб. Степан Ильич растерянно оглянулся на мать.

Баба Ивга поставила на пол чугун с картошкой, бросилась к Коле, прижалась сухими губами к его голове и, раскачиваясь из стороны в сторону, зашептала, как маленькому:

— Тихо, тихо, моё дитятко!.. Чего ж ты, моё серденько, так расплакался?.. Всё же на свете минуется, всё переживётся. Пойдём, пойдём, мой сыночек, я тебя уложу...

Коля обхватил бабу Ивгу обеими руками и, пряча лицо в широких сборках её кофты, рыдая, шёл с ней по хате.

— Не плачь, не плачь, моё дитятко! — взбивая одной рукой подушку, а другой прижимая к себе Колю, шептала баба Ивга. — Будет и на нашей улице праздник. Да хиба ж русский народ поддастся якому-нибудь ворогу? Боже сохрани! Кто ж это такое бачил? — Она присела на край постели, с улыбкой покачала головой, заглянула Коле в глаза. — А у нас же Красная Армия есть! И Сталин с нами! Да когда ж то было, чтоб нашего Сталина кто победил? За ним же весь народ стоит, як гора каменна. Великая сила,

мой сыночек, наш батько Сталин, Иосиф Виссарионович! Нет другого такого человека по всей земле...

Коля вслушивался в мягкий голос бабы Ивги, и плач его постепенно затихал.

— А ось мы его за́раз и побачим! Он же завсегда с нами... — вдруг таинственно зашептала баба Ивга; пошарила рукой около печи, сняла коврик, открыла потайной шкафчик и достала оттуда завёрнутый в чистый платок портрет: — А ну, смотри, моё дитятко!

Коля, распухший от слёз, взглянул на знакомое лицо, на чуть заметные дорогие морщинки... Глаза Сталина отечески улыбались ему... Коля прижался щекой к портрету... Мальчики на цыпочках подошли к бабе Ивге.

— И нам покажите, — попросил Васёк.

Степан Ильич сидел за столом, обхватив руками голову.

* * *

Несколько дней мальчики тщательно следили за Степаном Ильичом. Ходили за ним по пятам, расспрашивали Севу.

Один раз под вечер прибежал взволнованный Грицько:

— Вчера Петро до моего батька заходил! Хвастал, что они со Степаном теперь первые люди на селе...

Мальчики хмуро переглянулись.

Одинцов твёрдо сказал:

— Я, правда, плакал, и теперь у меня как-то сердце сжимается, и бабу Ивгу мне жалко, но только всё равно своих слов не меняю! Надо уходить! Это вопрос пионерской чести.

Глава 38

ПИОНЕРСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Васёк пошёл к Матвеичу. Волнуясь, рассказал про Степана Ильича и закончил словами:

— Мы не хотим больше у него жить!

Матвеич внимательно слушал, потирая двумя пальцами усы. Николай Григорьевич молчал, изредка взглядывая на Матвеича.

— Мы за дядей Степаном по пятам ходим! Куда он — туда и мы, — начал опять Васёк.

Матвеич вскочил, двинул стулом, рассердился:

— «Мы, мы»! Это кто тебе дал право распоряжаться? Кто вас назначил за Степаном следить? «По пятам ходим»! Видал, стары́й? А кто ему такое поручение давал, я спрашиваю?

— Мы думали... — вспыхнул Васёк.

— А вы не думайте! Есть поручение — выполняй! Дисциплину забыл?

Васёк молчал, сбитый с толку, обиженный.

— Видал, стары́й? Они за ним по пятам ходят! Ах вы, бисовы диты! — крикнул Матвеич, с шумом обрушиваясь на табуретку.

— Ну, ну, расшумелся! — постучал по столу Николай Григорьевич и притянул к себе Васька. — Садись со мной, пионер. Следить за дядей Степаном не надо, понял?

Васёк кивнул головой.

— Ну, понял — и весь разговор. И жить у Степана Ильича будете, как жили. Этого от вас пионерская дисциплина требует. Понятно?

Васёк удивлённо посмотрел на Николая Григорьевича и ничего не сказал. Потом нерешительно кивнул головой.

— Тоже понятно? Ну и хорошо! А вот если ещё какие новости у тебя есть — выкладывай.

Васёк поглядел на Матвеича. Тот вдруг громко, раскатисто захохотал, встряхивая головой и откидываясь назад:

— «По пятам ходим»! Ну, диты! От бисовы диты! — От смеха щёки его побагровели, могучая грудь тряслась.

Глядя на него, Николай Григорьевич не выдержал и тоже засмеялся. Васёк побледнел от обиды, встал и пошёл к двери.

— Стой, стой! — закричал Матвеич. — Садись за стол. Давай отчёт: где были, что делали? Я тебе насчёт продовольствия задание давал.

— Фашисты три машины нагрузили. Сева слышал — на Жуковку повезут; шофёр говорил — в Лукинках бензин будут брать. Полицаи поедут и солдаты. А там на одном грузовике... — Васёк нерешительно взглянул на Матвеича.

— Давай, давай дальше! — кивнул тот.

— На одном грузовике пулемёты стоят.

— Добре! А когда повезут? Не слыхал?

— Нет. Скоро, потому что уже совсем нагрузили.

Матвеич заложил назад руки, большими шагами заходил по комнате, бормоча что-то про себя и загибая на руке пальцы.

Когда Васёк уходил, Матвеич дал ему толстый пакет:

— Спрячь хорошенько. Пойдёшь в Макаровку. К Миронихе. Баба Ивга скажет, куда. Сам пойдёшь. Толкового товарища возьми. Да гляди в оба: не попадитесь — далеко это. Я там давно не был, не знаю... может, фашисты в селе стоят, — так осторожненько!

Васёк шёл недоумевающий, но успокоенный доверием Матвеича. По дороге он думал о Степане Ильиче:

«Тут какая-то тайна. Матвеич умный, он всё знает, только не говорит. А как может он сказать, если ребятам этого знать нельзя! Может, Матвеич сам следит за дядей Степаном, но не хочет, чтобы мы знали... Ну, и пускай! Нельзя так нельзя. Наше дело — слушаться. Как Матвеич сказал, так я и передам, и рассуждать об этом не надо больше и думать не надо».

Но думалось как-то невольно.

Васёк вспомнил разговор с Николаем Григорьевичем и вдруг остановился, поражённый внезапной мыслью: «А если всё это неправда? Дядя Степан нарочно старостой стал, чтобы всё узнавать у фашистов?»

Перед глазами Васька встало тёмное, полное глубокой душевной тоски лицо Степана Ильича.

— Пусть это будет неправда, дядя Степан, пусть это будет неправда! — прижимая к груди руки, прошептал Васёк.

Дома он строго сказал ребятам:

— Не велел Матвеич следить. И уходить не велел.

— Что ж это? — растерялся Одинцов. — Что ж это, Васёк? Ведь мы — пионеры!

— А для пионеров есть пионерская дисциплина! — обрезал его Васёк.

О поручении, данном ему Матвеичем, он сообщил только то, что уходит далеко и не знает, когда вернётся. Ребята огорчились, но спрашивать не стали.

— А вы тут не зевайте! Пусть на пасеку за меня Мазин сходит, если надо будет.

С собой он решил взять Одинцова.

С вечера баба Ивга уложила им в мешок еду, рассказала дорогу:

— Может, с людьми подъедете где... А то тропинкой пройдёте напрямки. Далеко это... от Жуковки в сторону. Торбы я вам сошью; в случае чего, сохрани бог, скажете: сироты, побираемся...

Глава 39

ВИДЕНЬЕ

Мальчики вышли на рассвете. На длинной деревенской улице маячили фигуры полицаев. За хатой конюха Леонтия скользнула тень Петро. Васёк забеспокоился:

— Чего это он там высматривает?.. Надо бы предупредить... Подожди меня.

У конюха стояли фашистские солдаты. Сам конюх с семьёй ютился рядом в каморе. Васёк осторожно перелез через плетень и стукнул в закрытое окошко каморы. Дверь приоткрылась, выглянула жена Леонтия.

— За вашей хатой Петро ходит! — шепнул ей Васёк.

Леонтьиха испуганно захлопнула дверь.

Мальчики пошли дальше. За селом на выгоне стояли машины, нагруженные продовольствием. Две из них были уже доверху заложены ящиками и мешками. Гитлеровские солдаты прикрывали их серым тугим брезентом. Третью машину нагружали полицаи. Вдоль забора ходил часовой. Мальчики незаметно прошмыгнули мимо, в молодой лесок позади выгона. Пройдя несколько

шагов, они остановились, удивлённые неожиданной встречей.

Под орешником сидел Мазин с каким-то незнакомым человеком. Человек этот был босой, с завязанными тряпкой пальцами; одежда мешком висела на его худых плечах, широкие украинские штаны были подвязаны ремешком. Он о чём-то рассказывал Мазину, опираясь локтем о землю, поднимая вверх густые выцветшие брови и морща лоб. Рядом на траве лежала горка вырезанных из орешника дудочек. Одна из них, с зелёной резьбой, видимо принадлежала уже Мазину. Он вертел её, прикладывал к губам, но свистнуть не решался.

— Да-а... Гитлеровец на работу не прыток. За него лакеи работают. Ишь, грузят, стараются... — щуря светлые глаза, говорил незнакомец. — Вот этот полицай, мальчишечка, и называется изменник родины. Самый худший вид человека! И даже человеческого в нём ничего не осталось — потому как, если правильно разобраться, из чего состоит человек? Какие такие качества он в себе имеет? — Он склонил голову набок, растопырил на руке пальцы. — Первое — любовь к родине! Гляди, какой палец я загибаю... — Он загнул большой палец. — Второе...

— Мазин! — окликнул товарища Васёк.

Мазин оглянулся, вскочил:

— Я сейчас, дядя...

— Ты с кем это? — спросил Васёк.

Мазин отвёл его в сторону:

— Я этого дяденьку тут и вчера видел. Он тоже выслеживает кого-то.

— Не тебя ли? Иди домой лучше. Не болтайся тут зря.

— Я не зря болтался. Фашисты ночью продовольствие на Жуковку повезут! — зашептал Мазин.

— Надо бы Матвеичу сказать. Он зачем-то спрашивал, когда повезут. Ты бы сходил, Мазин.

— Я схожу сейчас.

— А мы Петро видели около Леонтьевой хаты! Высматривал, видно, что-то, — сообщил Одинцов.

— Я бы этого Петро убил, как собаку! Это самый худший вид человека! — Мазин вынул из кармана дудочку, повертел её в руках.

— А что это у тебя? — заинтересовался Васёк. Он взял у Мазина дудочку, приложил к губам.

— Осторожно! Свистнет! — испугался Мазин. — Это мне дяденька подарил. У него много. Здорово сделано?

— Ловко! А ты в полную силу свистел?

— Нет. Боюсь! Часовые недалеко. Дяденька говорит, если свистнуть в эту дудку, так все, кто рядом стоят, навзничь повалятся!

Ребята засмеялись.

— Ну, мы пошли, а то поздно. Ты тоже иди. Зря не лазь тут! — распорядился Васёк.

— Возьми дудку! — великодушно предложил ему Мазин.

— Насовсем? — обрадовался Васёк.

— Бери насовсем. Я у него ещё выпрошу, да он и так даст — добряк, видно.

Васёк с удовольствием взял дудку. Мальчики расстались.

Коля Одинцов и Васёк шли рядом, изредка передавая друг другу дудочку и тихонько, для развлечения, посвистывая.

— Жаль, в полную силу нельзя! Пристанут ещё чернокопытники, остановят...

Шли долго. Дорога была длинная-предлинная. Бесконечно тянулось шоссе. Повсюду встречались гитлеровцы: они ехали на повозках, на грузовиках.

Один раз мальчиков подсадил на телегу какой-то дед. Он ни о чём не спрашивал, только тихо бормотал про себя, нахлёстывая лошадь:

— Иди, иди, всё равно Гитлер житья не даст! Ребят по миру пустили, чего ещё надо? Людей на дорогах стреляют... Видно, пропала наша жизнь, Серко! Что было, того не воротить! Иди, не поджимай брюхо! О колхозных кормах забывать надо...

Ребята переглядывались, молчали. Слезая с телеги, Одинцов горячо сказал:

— Спасибо вам, дедушка! Только неправильно вы думаете... Мы победим! Мы, честное слово, победим! Вот и Васёк вам скажет...

Старик усмехнулся, внимательно посмотрел Коле в глаза, потом перевёл взгляд на Васька.

— Мы победим, дедушка! — решительно подтвердил Васёк.

— А вы что за ворожейки такие? «Победим»! Большое слово! Да армия-то наша на Киев отошла... Сам видел... Через наше село шли... Молодец к молодцу, в полном боевом порядке. И в боях гитлеровцев штабелями кладут. Богатыри! Один на десятерых идёт... А отходят... Куда отходят — бог весть... Бабы с воем за ними бегут, ребятишки... А они только стиснут зубы: «Вернёмся, граждане, не бойтесь...» А чего — «не бойтесь»! Со всех сторон враг идёт. Народ весь в леса подался... — Старик вдруг замолчал,

оглянулся на лес и тронул лошадь. — Эх, эх... дела!..

Мальчики пошли по тропинке. Солнце начинало сильно припекать. Волосы покрылись пылью.

— Не стоит со всяким разговаривать, — нащупывая на груди свой пакет, сказал Васёк.

Одинцов протянул руку:

— Дай потрогать. А толстый пакет! Видно, важное поручение. Хотя в тонком иногда ещё важнее бывает!

— Конечно, бывает, — неохотно согласился Васёк. — Я читал где-то, что в гражданскую войну один герой ехал с таким пакетом и попал к белым... Так он знаешь что сделал? Весь этот пакет съел!

— Да что ты?

— Честное слово, съел! Там ещё сургуч был, так и с сургучом вместе!

— Это здóрово! — Одинцов задумался.

Васёк снова пощупал свой пакет:

— А нам, в случае чего, тоже придётся съесть, пожалуй!

— Да он толстый! — засмеялся Одинцов. — Как его есть?

— А как красноармеец ел? Думаешь, вкусно ему было?

Одинцов покрутил головой:

— Я один раз промокашку съел маленьким... Конечно, если придётся...

Ребята замолчали.

К полудню ноги у них устали, оба приуныли и еле тащились по дороге.

— Хоть бы свистнуть один раз! Попробовать, что за свисток такой? — сказал Васёк, разглядывая подарок Мазина.

— Зайдём в лес и свистнем! — оживился Одинцов.

— Так нам сейчас крюк надо делать!

— Ну что ж такого? Свистнем по разу, а тогда за это пойдём побыстрей.

— Ладно!

Свернув с шоссе, мальчики побежали в лес. Выбрали тенистое местечко. Прислушались, оглянулись. Васёк свистнул. Коля упал в траву и задрыгал ногами:

— Ох, и свист!

Свист, действительно, был резкий, пронзительный. Одинцов тоже свистнул.

— Мы ещё не в полную силу! А если в полную свистнуть — вот было бы!

Что было бы, никто не знал, но мальчики выбрались на шоссе довольные. Усталости как не бывало. На закате солнца дошли до места, где когда-то пил из ручья Митя. Ребята влезли по пояс в водоросли, потом обмылись ключевой водой. Закусили и снова вышли на шоссе.

— Вот Жуковка виднеется... А нам ещё в сторону километров пять.

Ноги стали утопать в песке. Попадались неубранные, разбитые телеги, остатки легкового автомобиля, отлетевшие и утонувшие во рву колёса.

— Ведь это около Жуковки грузовик разбили... — шопотом сказал Васёк. — Здесь наши девочки ехали...

Одинцов заморгал глазами:

— Знаешь, Васёк, я их никогда не забываю и не забуду! А ты?

— Никто из ребят не забывает. Только не говорим... Что теперь говорить!

— А какие девочки были! Валя Степанова,

Лида Зорина, Нюра Синицына... Самые лучшие люди из всего класса!

Васёк кивнул головой.

— Если б хоть знать, что они не мучились, что сразу... — сказал Одинцов и вдруг остановился.

Впереди лежала груда железа. Около неё одиноко высился белый деревянный столбик.

Мальчики на цыпочках подошли к нему. Одинцов закрыл лицо руками и бросился в траву. Васёк присел около насыпи, вытирая кулаком глаза. Не глядя друг на друга, мальчики нарвали цветов, положили на могилу.

— Давай тут около них и заночуем, — предложил Васёк. — Всё равно нам в лесу ночевать.

Мальчики залезли в перевёрнутую вверх дном разломанную машину. Долго говорили о девочках, вспоминали, как дружили и как ссорились с ними в классе.

— А мне всегда Нюра Синицына представляется... Я её до зла доводил, придирался к ней, — изливал душу Одинцов.

— Она бы тебя простила теперь, если б знала...

Выговорившись, Коля заснул. Заснул и Васёк.

* * *

По небу рассыпались мелкие звёзды. Чёрной грудой лежал на дороге разбитый грузовик. Мальчики дружно посапывали, неудобно свернувшись под ворохом железа.

Они не слышали, как хрустел в лесу валежник, как всхрапывал конь, осторожно переставляя копыта через поваленные деревья.

Мальчики не видели, как, пригнувшись к зем-

ле и прячась за обломками, перебегали через дорогу какие-то люди и, притаившись во рву, зорко вглядывались в даль.

Резкий, пронзительный свист разбудил обоих. Васёк испуганно схватился за пакет. Одинцов вскочил, больно ударившись головой о железо. С дороги грянули выстрелы, с треском разорвалась граната, застрочил пулемёт.

Вспыхнуло пламя, где-то заржали лошади, раздались крики.

Мальчики, схватившись за руки, выглянули наружу.

На дороге, сгрудившись, буксовали машины, чёрным столбом поднимался дым, прорывались клубы пламени. Вокруг метались полицаи и солдаты. При свете огня можно было видеть, как они прыгали с машин на землю и падали под ударами напавших на них людей. Крики заглушались стрельбой. Мимо пылающего грузовика проскакал какой-то боец на гнедом коне. Неподалёку от мальчиков разорвалась граната. От страха они замерли, тесно прижавшись друг к другу. Когда стрельба затихла, они снова поглядели в щель.

Мимо ребят промчались телеги и, свернув в лес, запрыгали по ухабам. За ними ускакал конь. Подмышкой у седока торчали дула немецких автоматов.

На дороге остались пылающие машины и распростёртые тела убитых полицаев и гитлеровцев.

Васёк схватил за руку Колю Одинцова, и они, выбравшись из-под обломков грузовика, бросились в лес. Мальчики бежали, натыкаясь на кусты и деревья, обдирая об острые сучки ноги. Они боялись оглянуться назад, боялись остановиться,

чтобы перевести дыхание. Наконец, споткнувшись о заросший мохом пень, оба упали. Позади них сквозь гущу леса просвечивало розовое пламя.

Васёк сел, прижимая рукой спрятанный на груди пакет. Одинцов обхватил его за шею, прижался холодными губами к его уху.

— Что это было? — прошептал он дрожа.

Васёк молчал, тяжело переводя дыхание. Потом снова вскочил и потянул за собой Колю:

— Уйдём подальше.

Утро застало мальчиков в глухом, неизвестном месте. Выйти на дорогу они боялись, блуждали по лесу. Говорили шопотом:

— Как они их... здорово!

— А обоз-то узнал ты?

— Тот самый.

— А на коне...

Мальчики поглядели друг другу в глаза.

— Мне показалось, это был... — прошептал Одинцов.

Васёк схватил его за руку:

— Молчи!

К концу дня они увидели Жуковку. Обошли её стороной — боялись фашистов.

В Макаровку пришли поздно вечером. В хатах горели невесёлые огоньки. На улицах было пусто. Выли привязанные собаки.

Какой-то хлопчик указал хату Миронихи. Мальчики пробрались с огорода во двор.

— Заглянем раньше в окно — нет ли в хате гитлеровцев, — решил Васёк.

Коля Одинцов стал коленом на завалинку и прижался лицом к стеклу. Потом медленно сполз на землю, протёр кулаками глаза и жалобно сказал:

— У меня, Трубачёв, виденье... Там... Нюра Синицына!

Васёк оттолкнул его от завалинки и полез сам.

За окном около стола сидела Нюра Синицына и что-то шила. Стекло звякнуло. Нюра подняла голову и увидела прямо перед собой приплюснутое к стеклу лицо Трубачёва.

Она вскочила, вскрикнула и бросилась во двор.

Первый, кто ей попался, был ошеломлённый Коля Одинцов. Нюра заплакала, обливая слезами его щёки. Потом бросилась к Ваську.

— Валя! Лида! — кричала она.

Какой-то малыш цеплялся за её платье и тоже лез целовать мальчиков.

Глава 40

ДЕВОЧКИ

Девочки забрасывали ребят вопросами. Потащили их в хату, усадили за стол, подкрутили фитиль в лампе. Мальчики наконец пришли в себя.

— Значит, вы живы? — с робостью спросил Нюру Одинцов.

— Ну да, живы!.. Только так страшно было, так страшно!

Девочки, прижавшись друг к другу, стали тихонько рассказывать. Голоса их часто прерывались:

— ...К вечеру около Жуковки, над самой дорогой, появился фашистский самолёт. Он летел низко-низко... И потом начал бомбить шоссе. Кроме грузовика, на дороге была ещё телега с

людьми... Лошадь понесла... Малыши испугались, начали плакать. Тогда шофёр подъехал к самому лесу... под деревья... А Екатерина Михайловна... она, бедная, схватила детей...

Нюра всхлипнула. Малыш, который всё время не отходил от неё, беспокойно заёрзал на скамейке.

Валя Степанова улыбнулась дрожащими губами, знакомым движением откинула со лба разлетающиеся тонкие волосы.

— А на дороге взлетела телега... И около неё со свистом посыпалось что-то...

— Пули, — подсказала Лида Зорина. Она не плакала, но глаза у неё были красные.

— ...Шофёр закричал, чтобы мы прыгали с машины и бежали в лес. А няня схватила ребят, обняла и ничего не понимает... Тогда Екатерина Михайловна тоже закричала: «Прыгайте, прыгайте! Берите детей!» Нюра первая спрыгнула, схватила Павлика...

— Нюра меня схватила, — серьёзно сказал малыш, прижимаясь головой к боку Синицыной.

— А мы с Лидой одну девочку... Гальку... она толстая, тяжёлая и за няню уцепилась... Мы её еле-еле вдвоём с Лидой в лес... бегом... а дальше... — Валя широко открыла голубые глаза и крепко стиснула ладони. — Всех убили...

— Всех, всех! — с ужасом прошептала Лида. — Бомбой...

Нюра Синицына прижалась щекой к тёплой головёнке прильнувшего к ней Павлика. Одинцов ничего не спрашивал; от страшной картины, нарисованной девочками, у него рябило в глазах. Вспомнился разбитый грузовик, одинокий стол-

бик, могила, на которую они с Васьком положили вчера цветы... И всё же он чувствовал неудержимую радость, что девочки, которых они оплакивали, живы. И ещё одно чувство волновало Колю: он с торжеством вспоминал о ночном происшествии на шоссе. Это была месть за погибших детей, за слёзы девочек! Но Коля не смел сказать об этом. Он вопросительно смотрел на Васька.

Васёк тоже ничего не сказал. Он притянул к себе Павлика, потрогал его худенькие плечики, неловко потрепал по голове:

— Октябрёнок...

— Братик, — поспешно сказала Нюра. — Он тётю Ульяну любит, мамой зовёт. Она его насовсем взяла...

Васёк кивнул головой, оглядел хату. Она была переделена на две половины. За дощатой перегородкой кто-то сонно бормотал, слышались посапыванье и храп.

— Кто там?

— Это дети спят... Ульяны Ивановны. А её нет... ушла.

— Не обижают вас здесь? — осторожно спросил Одинцов.

— Нет, что ты! Они хорошие. Она же нас и подобрала в лесу. Мы ведь два дня в лесу жили!

— Как в лесу?

Снова начались рассказы.

...Испуганные, несчастные, с двумя малышами на руках, девочки бродили по лесу, потеряв дорогу. Галька кричала, плакала, просила есть...

— А что же вы ели?

— Сначала ничего... Мы как побежали, побе-

жали сразу... А потом, когда сильно ударило, за нами бомба... упала... Ничего не помнили... Оглушило нас... А потом вдруг тихо-тихо стало. Я слышу, Галька плачет рядом, — рассказывала Валя Степанова. — И Нюра с Павликом стоят надо мной, а Лида кричит: «Пойдёмте, пойдёмте назад! Там что-то случилось!» Мы и пошли... А потом, когда увидели, что всех насмерть... опять назад побежали... далеко-далеко в лес... в болото какое-то зашли...

— Ну ладно! Не люблю я всё вспоминать!.. Выбрались, одним словом, на шоссе через два дня, — хмуро сказала Нюра.

— Ну да, выбрались, конечно... Мы ведь ещё вас с Митей потом ждали... Думали, вы проехали уже, — сказала Лида.

— Кашу в лесу варили, — задумчиво припомнила Валя. — Нюра бесстрашная, она ещё после одна к нашему грузовику бегала. Манной крупы принесла, сгущённого молока, спичек, хлеба. Одна ходила, без нас... рано-рано встала и пошла... ничего не сказала...

— А чего мне говорить-то? У нас дети на руках, есть просят, и холодно им... Я ещё там, — Нюра вдруг понизила голос и зябко повела плечами, — одеяло взяла...

Одинцов с уважением посмотрел на неё:

— Молодец ты!

Девочки рассказали ещё, что на дороге подобрала их Ульяна Ивановна, жена директора МТС. Маленькую Гальку взяла другая женщина, а они все живут вместе.

— Никому она нас не отдала, хотя у неё и своих четверо. Одна девочка — старшая — с нами дружит, а другие ещё маленькие. У нас эсэсовцы

в селе. Они по хатам не стоят — боятся, верно. В клубе живут, в сельпо, из сельрады общежитие сделали. Вот тётя Ульяна и взяла нас к себе...

— Значит, она и есть Мирониха? Жена директора МТС? — живо спросил Васёк.

— Ну да! А что?

— Ничего. Нас к ней по делу послали.

— По делу? Митя?

— Митя?

Мальчики переглянулись:

— Эх, да ведь вы ничего не знаете, что с нами было!

Васёк стал рассказывать, как фашисты забрали Митю, как все ребята искали его, как он нашёлся. Как Митя даже обнимал его, Васька, один раз, случайно, в одном месте, а потом опять ушёл в лес.

Девочки слушали, боясь проронить хоть одно слово.

— И у нас все комсомольцы в лес ушли. А двоих эсэсовцы убили! И женщину одну убили!

— Убили? Ладно! Их тоже сегодня ночью били! Ещё как! — не выдержал Васёк. — Мы сами видели!

Он придвинулся ближе к девочкам и стал рассказывать про то, что они видели ночью на дороге.

— Так это правда? — радостно спрашивали девочки. — У нас в селе все-все друг дружке шопотом говорили, только мы не верили...

— А зарево какое было! Мы сами видели! И эсэсовцы куда-то на мотоциклах ехали, бегали, кричали, машины гудели! Мы боялись, что они схватили кого-нибудь, — сказала Зорина.

— Ну да, «схватили»! Сами попались! Там один на коне был... — начал с увлечением Одинцов.

Васёк строго прервал его:

— Не наше дело, кто был! А только храбрецы они! Рраз, рраз! — и всех фашистов уложили!

Лида Зорина блеснула чёрными глазами:

— Фашисты! Мы их так ненавидим!

Синицына сморщилась:

— Они с людьми, как с подданными какими-то, обращаются!

Валя сидела молча. Губы у неё были крепко сжаты, глаза холодные, как голубые льдинки. Она взяла в обе руки свои тяжёлые светлые косы, скрестила их на груди и о чём-то думала; на тоненькой шее у неё билась синяя жилка.

— Валечка! — прошептала Лида, осторожно обнимая подругу.

— Ненавижу я их! Ненавижу! — крепко сжимая зубы, проговорила Валя.

— Их выгонят! — твёрдо сказал Васёк.

Девочки встрепенулись.

— Когда? — нетерпеливо спросила Нюра.

Валя строго посмотрела Ваську в глаза:

— Когда?

— Когда же? Когда? — прошептала Лида.

— Выгонят, и всё! Не сразу, конечно. Потерпеть надо.

Девочки вздохнули. Валя отвернулась и стала смотреть в тёмное окно.

— А помните, как хорошо мы жили!.. Бегали в школу, — неожиданно улыбнулась она. — Леонид Тимофеевич всегда шутил с нами... Грозный на крыльце стоял... А в классе из окна видно было берёзку...

— И липы там цвели и клён был, — вставила Нюра.

— Всё было! И сирень была! — заторопилась Лида Зорина.

Валя покачала головой:

— Нет. У окна одна берёзка... Белая-белая, тоненькая-тоненькая... Она всегда на нас глядела... А весной положит ветки на подоконник и стоит, как живая...

— А ещё, Валя, помнишь, как в учительской глобус со шкафа упал? — засмеялась Синицына.

— Помню.

— А Белкин его за мячик принял и давай катать! — весело добавил Коля Одинцов. — Это ещё в первом классе было!

— А помните...

Одно воспоминание сменяло другое. Говорили обо всех и обо всём, кроме родителей. О родителях не говорили, боясь расплакаться. Но воспоминания сами по себе были так полны школой и домом, так неразрывно были связаны между собой, что при одном из самых весёлых воспоминаний — о том, как перед отъездом, на вокзале, Мазин посадил свою маму на чью-то корзинку с продуктами — девочки заплакали. Мальчики, борясь с собой, недовольно сопели. Маленький Павлик, дремавший на скамейке, потёр кулаками глаза.

— Я хочу спать! — пожаловался он.

Нюра вскочила.

— Ой, я и забыла, как не стыдно! — упрекнула она сама себя, бросаясь к Павлику. — Одинцов, встань, я ему тут постелю. Подержи-ка его пока — видишь, он совсем спит.

Она сунула Коле Павлика.

— Ну, куда ещё... — начал было протестовать Одинцов, но, вспомнив что-то, любезно предложил: — Давай, давай! Клади на меня одеяло! И подушку клади! Ничего! Я подержу, мне не тяжело!

Навьюченный, как верблюд, он стоял посреди хаты, смущённо улыбаясь.

Когда Павлика уложили, Васёк вдруг вспомнил:

— Да! А почему вы нас не искали, не пришли к нам, не дали о себе знать? Ведь Митя с горя заболел совсем, да и мы тоже.

— Как не искали! Мы всю станцию исходили! Спрашивали! Нам сказали, что вы все уехали. Сели в поезд и уехали.

— Да ведь это не мы! Это Сергей Николаевич с нашими ребятами. Ведь они ещё при вас тогда на легковую садились. Ещё там Белкин был, Надя Глушкова, все девочки!

— Да, да! А мы думали, что вы их догнали и все вместе уехали. А о Сергее Николаевиче ничего не слышно?

— Нет, как же услышать... Да он, верно, на фронте теперь.

За окном послышался шум. Залаяла собака, загудели машины; из темноты блеснули фары, по улице забегали огоньки, послышались голоса. Нюра схватила со стола лампу и поставила её на печь. Из-за перегородки вышла босая девочка лет десяти. За ней волочилось серое байковое одеяло. Не обращая внимания на мальчиков, она закуталась в него и села на скамейку, подобрав под себя ноги.

Валя села с ней рядом, обняла её за плечи:

— Мама придёт. Не бойся.

Девочка молча, с беспокойством в глазах, глядела на дверь.

По селу мчались мотоциклисты, под окнами пробегали солдаты.

— Лида! Я за тётю Ульяну боюсь... Может, выйти поглядеть? — сказала Нюра Синицына.

— Не надо. Подождём ещё.

Валя тихо говорила что-то девочке в байковом одеяле. Та слушала её, не отвечая и не сводя глаз с двери.

— Маруся, дочка тёти Ульяны... За маму свою боится, — шепнула Ваську Лида.

— А куда она пошла?

Лида прижалась губами к его уху:

— В лес...

Спустя полчаса, когда шум в селе затих, девочка на скамейке вдруг подняла голову и радостно улыбнулась:

— Мама!

В хату поспешно вошла Ульяна. Она неровно дышала; стёганка на её груди расстегнулась, платок, повязанный двумя концами под розовым подбородком, съехал на затылок.

— Що, попугались, диты?

Она накинула на двери крючок, сунула Нюре какую-то сумку, сбросила с себя стёганку и, увидев ребят, строго спросила:

— А то чьи хлопцы?

— Это свои... наши! — поспешили объяснить девочки.

— Нас Матвеич послал, — сказал Васёк.

— Матвеич? — Мирониха всплеснула руками; красивое лицо её, румяное от ночного ветра, побелело, губы мелко-мелко задрожали. — Боже ж ты мий! Боже ж мий! — Она медленно по-

дошла к Ваську, со страхом оглянулась на свою дочку: — Доню моя... Может, про батька своего сейчас прослышим?

Девочка посмотрела на Васька:

— Живой он?

Васёк отошёл в угол, расстегнул ворот, вытащил толстый пакет. Мирониха с трепетом взяла его, осторожно надорвала края, не переставая шептать:

— Боже мий, боже мий...

В конверте была пачка бумаг и письмо.

Мирониха спрятала бумаги на грудь, поднесла к лампе письмо и громко прочитала:

— «Милая жена моя Ульяна! Дорогие мои дети...»

Мирониха заплакала, прислонясь лбом к печке и прижимая к груди письмо.

— Живой! — радостно сказала девочка, оглядываясь на встревоженные лица ребят. — Это она от радости плачет! Папка живой! — Она вдруг разговорилась: — Наш папка не помрёт! У него сила большая! Он здоровый, он может сразу десять фашистов уложить!

— Та молчи! — прикрикнула на неё Ульяна.

Она уже не плакала, а дочитывала письмо, разглядывая его при свете лампы со всех сторон. Потом, вытерев кончиком платка мокрые щёки, облегчённо вздохнула, положила в пакет письмо и вышла за перегородку.

— Собирайте на стол, девчата, — послышался её голос.

Нюра и Лида вытащили из печи кулеш, поставили миски, нарезали хлеб. Мирониха вышла, подсела к столу:

— Угощайтесь, гости дорогие, чем есть! Не-

богато теперь у нас. Живём по пословице: «Казала Настя, як удастся».

Мальчики вдруг почувствовали отчаянный голод и набросились на еду. Девочки угощали их и расспрашивали про Мазина, Русакова, Сашу, Севу... Передавали поклоны.

Ульяна тоже спрашивала — про Матвеича, про то, что делается в колхозе, как живут там при фашистах люди. Спрашивая, она часто смотрела в угол на ходики и морщила лоб — видно, думала своё, другое...

Одинцов вдруг что-то вспомнил, вытащил из кармана Нюрины стихи и с чувством прочёл:

Зелёненький поезд сюда нас привёз...

Девочки удивились:

— Откуда это у вас?

— Хлопцы принесли.

Нюра покраснела:

— Ой, это, наверно, кто-нибудь мою тетрадку по дороге нашёл! Она из корзинки выпала... Я и видела, но не до неё тогда было...

— А мы так обрадовались! — с жаром сказал Одинцов, пряча бумажку. И как будто невзначай добавил: — Хорошо ты стала писать! Мысли хорошие!

После ужина Валя убрала посуду. Мирониха вздохнула, поглядела в окно.

— Ну, хлопцы, накормила я вас чем могла, а оставаться вам тут нельзя — того гляди, эсэсовцы по хатам забéгают. Прицепятся: кто такие, — беда будет! Хоть и жалко мне вас, а надо вам потемну из села выйти. Матвеичу скажете: живы, здоровы, а что надо — пускай присылает. — Она встала, накинула стёганку, повяза-

ла платок. — Пойдёмте, голубчики мои, провожу... Опасно вам одним идти, ещё на патруль наскочите...

Девочки умоляюще взглянули на Мирониху. У Лиды блестели в глазах слёзы.

— Мы и не повидались совсем, — тихо шепнула она Ваську. — Когда теперь придёте?

Валя и Нюра тоже загрустили. Одинцов вдруг с жаром стал доказывать Миронихе, что ей не к чему их провожать, что они дорогу заметили и найдут сами.

— Вам нельзя, вы ещё скорей нас попадётесь. Мы где ползком проползём, где за кустом спрячемся, а вы уже старая всё-таки! — горячо сказал он.

— Старая? — Мирониха засмеялась, на красивом лице её блеснули ровные белые зубы.

Коля покраснел, спрятался за Васька. Девочки засмеялись.

— Ну, добре! Что я старая, так я с этим не согласна. А что опасно мне сейчас выходить, это ты правду сказал... Только и одних вас пускать нельзя: вы нездешние, наших тропок не знаете... — Она глубоко вздохнула, посмотрела на Маруську: — Снаряжайся-ка, доню...

— Тётя Ульяна, я пойду! Я с Лидой! Мы огородами пойдём! — вскочила Валя. — Я там каждый кустик знаю.

— Тётя Ульяна, мы пойдём! — запросилась Лида. — Пусть Маруся останется!

— Ну, добре! Идите, девчатки, только промеж гряд осторожненько... Покажите дорогу, да и назад!

— И я пойду! — сказала Нюра, бросаясь обуваться.

— Куда все! — рассердилась Мирониха. — У меня за двух-то сердце изболит! Сиди, а то никого не пущу!

Лида и Валя, уже одетые, стояли у двери. Прощаясь с мальчиками, Нюра отвернулась, заплакала.

— Не плачь. Мы всё равно все вместе будем, — тихонько утешал её Одинцов.

Васёк вынул из кармана дудочку:

— Вот возьми для Павлика, пусть играет.

Мирониха на прощанье дала ребятам по куску хлеба, насыпала в торбу варёной картошки.

— Дорогие вы гости, а оставить вас не могу — не хозяйка я теперь в своей хате! — с горечью сказала она.

Рассвет уже боролся с темнотой; смутно вырисовывались очертания кустов и деревьев, белые стены мазанок. Ребята поодиночке перебежали к плетню и, прячась за ним, пошли вдоль улицы. Где-то слышались шаги ночного патруля.

Девочки повели ребят по огородам, через гряды; путаный горох цеплялся за ноги, мокрая трава хлестала по коленкам.

Темнота ночи быстро редела... Захлопал крыльями сонный петух...

Прощались молча.

Расставаться было грустно и страшно. Долго держали друг друга за руки.

Лида дрожала не то от холода, не то от страха.

Васёк заметил, что лицо у Лиды было маленькое и серое. Валя была спокойна, только грустно смотрела то на Васька, то на Колю своими большими близорукими глазами. Когда девочки, взявшись за руки, побежали назад, маль-

чики поглядели им вслед. Две фигурки то ныряли в густую траву, то снова возникали за огородными грядами.

Выйдя на шоссе, ребята ещё раз оглянулись. Над Макаровкой вставало солнце...

Глава 41

ВАЖНЫЕ НОВОСТИ

Только на третий день, усталые и голодные, мальчики добрели до своего села. По дороге им всё время встречались гитлеровцы. Боясь попасться им на глаза, ребята шли лесом. Ночью около Жуковки фашисты начали простреливать лес.

Лёжа на сырой земле, мальчики продрогли, но идти не решались.

Добравшись наконец до своего села, они сразу заметили в нём какую-то перемену — на улице появились эсэсовцы. Люди совсем притихли, забились в хаты. На широкой площади, около сельпо, на виселице качались два трупа.

Мальчики ещё издали увидели их, ускорили шаг и прошли мимо, не поднимая глаз. У хаты Макитрючки они остановились; им не терпелось поскорей увидеть кого-нибудь из товарищей.

Радостная весть о девочках, которую они несли ребятам, всю дорогу волновала их; они представляли себе, как примут её товарищи, как будут расспрашивать, удивляться, ликовать.

Но виселица стояла у них в глазах; тревога и ужас овладели обоими.

Макитрючка была одна. Она сидела на скамье и зашивала старый, стираный мешок, растягивая его на коленях.

— Носит вас по селу! Нет чтобы за печкой сидеть, пока голова цела! — заворчала она на мальчиков. — Людей, как собак, вешают, а вы друг за дружкой бегаете. С самого утра я своих хлопцев не бачила. Где их искать? Вчера иду, а они около школы торчат, в самое пекло лезут!

— А кого повесили? — с испугом спросил Коля.

— Не знаю... Из другого села взяли... Вчера утром на перегоне гитлеровский эшелон взорвался... Там и схватили первых попавшихся, — нехотя рассказывала Макитрючка.

— А в нашем селе никого не взяли?

— Я по селу не бегаю. Может, кого и взяли. Все между жизнью и смертью ходим!

Макитрючка замолчала. Тугие складки на её лице стянулись к упрямому, злому рту, глаза стали зелёными, нос заострился.

— А мы девочек наших видели! — сообщил Одинцов.

Но Макитрючка, погружённая в свои мысли, не ответила.

Мальчики вышли. Баба Ивга встретила их ласково. Она стояла на крыльце и качала головой, глядя, как они перелезают через плетень и, шатаясь от усталости, идут по двору.

— Ах вы, голубятки мои, горе моё! Я ж все очи проглядела на дорогу! Як же вы добрались до дому?

Одинцов и Васёк бросились к ней и, забыв про усталость, перебивая друг друга, стали рассказывать про девочек.

Радостная весть поразила бабу Ивгу. В уголках глаз блеснули крупные слёзы.

— Господи Иисусе, хоть на этом сердце отдохнёт! Радость-то какая! А вы уж и цветы на могилку положили... А тут счастье такое! Да как же это они живы остались? — Она вспомнила Митю. — Хлопец сам не свой ходил! Белый, без кровинки пришёл, всю ночь глаз не закрыл!

Мальчики заволновались:

— А ещё, баба Ивга, что было! — Они начали рассказывать про ночное происшествие на шоссе. — Просто мы опомниться не успели, как всё случилось! Вот здорово! Ни один гитлеровец в живых не остался! И пулемёты партизаны с грузовиков взяли, и оружие, и всякое продовольствие! — захлёбываясь, рассказывали мальчики.

Баба Ивга улыбалась, кивала головой, спрашивала, потом снова возвращалась к девочкам:

— Бывает же счастье такое! Они же, бедненькие, напугались до смерти!

Поговорив с бабой Ивгой, ребята решили сбегать в Слепой овражек. Саши нет в хате — может быть, он там.

— Вот бы всех увидеть сейчас!

— Да поешьте хоть, ноги вымойте — ишь как пятки-то растрескались у вас, — уговаривала их баба Ивга.

Но ребята, не слушая её, убежали. Товарищи действительно были в овражке; они сидели на коряге, тесно окружив Малютина. Сева что-то рассказывал таинственным шопотом. Генка первый увидел Васька и Колю:

— Наши идут!

Мальчики вскочили, бросились навстречу.

Васёк с лёгкостью белки прыгнул на корягу. Румянец заливал его тёмные щёки, глаза ярко синели.

— Мы, ребята, такое сейчас вам скажем! Такое хорошее, какого вы за всю жизнь ещё не слыхали!

Ребята затаили дыхание.

— Война кончилась? — прижимая к груди руки, прошептал Саша.

— Ну, «война кончилась»! Ты уж чересчур хочешь! — недовольно проворчал Коля.

На них зацыкали со всех сторон.

— Говори сразу! — рявкнул Мазин.

— Ну, слушайте! Три-четыре! — скомандовал себе Васёк, предвкушая общее ликованье. — Девочки наши живы, вот что!

— Девочки? Нюра, Валя, Лида?

— Те, что были убиты, теперь живы! — торжественно пояснил Васёк.

— И мы их сами видели, своими глазами, вот вам! — крикнул Коля.

Всё смешалось. Васька чуть не стащили с коряги. Мазин схватился за сук и изо всей силы раскачивался. Колю кто-то шлёпал по спине. Саша стучал себя кулаком в грудь, повторяя одно слово:

— Живы, живы, живы!

Осторожный Сева ещё никак не мог поверить в одно хорошее; он боялся, что рядом с этим хорошим есть где-то и плохое.

— Может, ранены? Больны? Без рук, без ног?

— Не ранены, не больны, с руками, с ногами, да ещё двух малышей спасли! Вот какие наши девочки! — кричал Коля.

Васёк посмотрел на него и вдруг расхохотался.

— У Кольки... виденье было, — вспомнил он вдруг. Картина встречи с Нюрой Синицыной предстала перед ним в смешном виде. Одинцов, отшатнувшийся в испуге от окна, он сам, с приплюснутым к стеклу носом, Нюра с вытаращенными глазами и какой-то малыш, который лез то к нему, то к Коле целоваться. — Виденье! Виденье! Ха-ха-ха! — захлёбывался Васёк.

Ребята дёргали его, требовали объяснения. Коля Одинцов стал рассказывать всё по порядку. Ночное сражение он нарочно пропустил, чтоб рассказать о нём особо.

Мальчики перебивали, спрашивали. Васёк и Коля терпеливо отвечали на все вопросы, подробно описывали девочек, Мирониху, передавали поклоны и только потом приступили к рассказу о ночном происшествии. Услышав, что боец на коне, по всем приметам, был похож на Митю, ребята пришли в окончательное неистовство. Забыв про фашистов, они боролись, падали и даже невзначай подбили Мазину глаз.

Потом решили обязательно навестить девочек и как-нибудь повидать Митю, чтобы сообщить ему радостную весть.

Наконец, когда все немного успокоились, Малютин сказал:

— У нас тоже важные новости. Нам обязательно надо посоветоваться.

Все стали серьёзны.

Новости, действительно, были важные.

В отсутствие Трубачёва Степан Ильич запретил ребятам бегать на пасеку. Мазин не поверил Степану Ильичу и всё-таки сбегал к Матвеи-

чу. Матвеич рассердился на него и сказал, что на пасеку уже два раза заходили гитлеровцы. Кого-то искали. Один раз ночью лаял Бобик. Матвеич взял его в хату, чтоб собаку не подстрелили.

И ещё новости — в селе появились эсэсовские части и везде расклеены приказы: за помощь партизанам — расстрел, за укрывательство — расстрел. Так и пестрят все объявления крупными чёрными буквами: «расстрел», «виселица».

Двоих колхозников из какого-то другого села повесили на глазах жителей около сельпо.

А партизаны теперь уже действуют всюду; слышно, что где-то на перегоне взорвали целый эшелон и вчера около бывшей МТС на дороге убили несколько гитлеровцев; а в сёлах стали понемножку расправляться с полицаями — одного в овраге нашли зарубленного топором, с надписью на груди: «Предатель».

Гитлеровцы и полицаи струхнули: в лес ходить боятся, и около самой школы теперь стоят пулемёты.

И ещё самую главную новость рассказали Сева и Генка. Степан Ильич, видимо, совсем продался фашистам. Петро рассказывал на селе, будто Степан Ильич согласился ездить по сёлам и всех бывших кулаков вербовать в полицаи. А вчера Степан Ильич привёл какого-то старика, и Сева слышал, как он сказал переводчику, что это старик, пострадавший от советской власти, бывший кулак, и теперь хочет послужить гитлеровцам. Старика позвали к генералу; он, видно, боялся, потому что шёл и даже денщику низко кланялся. А сегодня осмелел и взялся какие-то замки в штабе чинить; на деда Михайла

кричит и такие штуки выделывает — денщики над ним хохочут.

— Дед мой с ним было подрался вчера. Тот какой-то несгораемый шкаф чинил, а деду дал ящик с инструментами держать. Ну, и чего-то заспорили они там, — хмуро сказал Генка и тут же улыбнулся. — Только не зря дед простачком прикидывается. Хитёр он... Вчера вдруг Севку спрашивает: «Разберёшь ты немецкие слова так, чтобы переписать, в случае чего?» Севка говорит: «Разберу. А где не разберу, просто скопирую». Дед мой даже языком причмокнул.

— Неспроста тут что-то, — покачал головой Васёк.

Ребята крепко задумались.

На прощанье Сева грустно сказал:

— Теперь уж, наверно, не скоро увидимся... Сегодня и то еле вырвались... За водой только ходим.

Глава 42

СТЕПАН ИЛЬИЧ

Степан Ильич ещё не видел мальчиков после их возвращения. Он шумно обрадовался, когда Васёк с товарищами вошёл в хату.

— Дорогой ты хлопец! — притягивая к себе Васька, сказал Степан Ильич.

Ваську захотелось обнять его крепко-накрепко, как бывало он обнимал своего отца, но он поборол в себе это желание, осторожно высвободился из объятий Степана Ильича и сел на скамью, избегая его взгляда. Степан Ильич понял, глубоко вздохнул, отвернулся. Молча слу-

шал то, что рассказывали мальчики, без улыбки кивал головой. Потом перестал слушать, ушёл в себя и, ссутулившись, сидел, глядя в окно.

Баба Ивга понимала, что́ именно мешает Ваську быть приветливым со Степаном Ильичом. Она смотрела то на одного, то на другого с глубокой грустью. Потом подошла к Ваську, нагнулась, поцеловала его в волосы:

— Ну что ж! Так тому и быть! Тяжкое время! У каждого сейчас свой крест. Один потяжеле несёт, другой полегче.

Васёк не понял её слов, но горячо откликнулся на ласку, прижался головой к её плечу.

Одинцов и Мазин с завистью глядели на него:

— Как маленький...

Баба Ивга подошла и к ним. Одинцов смутился, когда она погладила его по голове, а у Мазина отросшие светлые волосы взъерошились; он напряжённо вытянул шею и держал её так, пока баба Ивга не сняла руки с его головы. Тогда, довольный неожиданной лаской, Мазин размешал пятернёй свои волосы и сказал: «Спасибо».

* * *

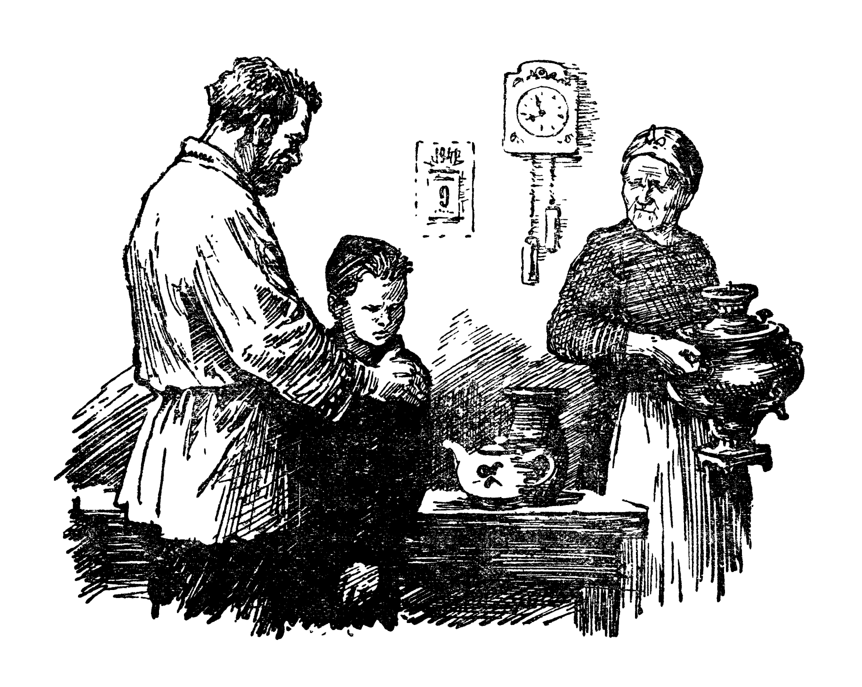
Ночью кто-то тронул Васька за плечо. Васёк встревожился, заморгал глазами, проснулся.

«Не случилось ли чего с Севой?» — почему-то подумал он.

Но над ним склонилось тёмное лицо Степана Ильича:

— Встань, хлопчик...

В окошко глядела полная луна. Одинцов и Саша крепко спали. Васёк с испугом смотрел в

лицо Степану Ильичу и, протянув за спиной руку, дёргал за рубаху Одинцова. Но Одинцов, утомлённый дорогой, не просыпался.

— Встань, хлопчик, — ещё раз сказал Степан Ильич и потянул Васька за собой в сени.

Васёк шёл за ним, не доверяя ему и не смея ослушаться.

Сердце у него билось.

«Что ему надо?» — с тревогой думал он.

В сенях Степан Ильич наклонился к нему и зашептал:

— Беги, сынок, до конюха... огородами беги... осторожненько... Мне нельзя... люди донесут... Скажи конюху, чтоб зáраз в лес подавался. Чуешь, сынок?

Васёк кивнул головой, поднял на Степана Ильича глаза и вдруг жарко, порывисто обнял его за шею, прижался головой к его груди.

Степан Ильич обхватил его обеими руками любовно и крепко:

— Боишься?

— Нет, нет!

Васёк выскользнул во двор, пролез под плетнём на огород и, прячась в кукурузе, пополз к хате конюха. Село, облитое лунным светом, казалось пустым; безглазые, слепые окошки с запертыми ставнями не мигали тёплыми огоньками; издалека была видна площадь с чёрной виселицей...

Конюх, его жена Катерина и Грицько спали. Васёк тихонько стукнул в оконце. Подождал, оглянулся. На второй стук чуть-чуть приоткрылась дверь, показалась взлохмаченная голова конюха. Васёк проскользнул в камору. Шопотом передал поручение Степана Ильича. Конюх заторопился; старая бабка засуетилась; жена в темноте стала собирать вещи.

— Это он, это Петро проклятый! Не миновать ему, дьяволу! — натягивая сапоги, шептал конюх. — Спасибо Степану... Скольких людей спас...

Васёк бросился к Грицько, крепко обнял его за шею.

— Дядя Степан не предатель! Это он меня послал к вам, Грицько! Он не предатель! — горячо зашептал Васёк товарищу.

Грицько смотрел на Васька сонными, ничего не понимающими глазами.

— Одевайся, сынку, одевайся, — торопила его мать.

Степан Ильич дожидался Васька в сенях. Видимо, он и не уходил оттуда. Он сам уложил мальчика, укрыл его рядном, снова повторив свои слова:

— Дорогой ты хлопчик... цены тебе нет...

Васёк долго держал его руку, прижимая её к горячей щеке.

На рассвете эсэсовцы стучали прикладами в пустую камору конюха, разбивали двери. Старая бабка пряталась у соседей; конюх с женой и сыном ушли в лес.

Глава 43

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Утром ребята не отходили от Степана Ильича. За столом Одинцов старался сесть с ним рядом. Саша подолгу стоял возле дяди Степана, притулившись к нему боком.

Васёк торжествовал:

— Я ему всегда верил! И Матвеич верил... Дядя Степан нарочно старостой стал, чтобы людей спасать... Только об этом никому нельзя говорить, ни одному человеку!

Одинцов и Саша поклялись молчать.

Мазин и Русаков были заняты другим. С утра Генка передал им, что дед Михайло строго-настрого запретил шататься около школы и ждать у колодца Севу. Это запрещение вызвало особый интерес мальчиков, и они только и делали, что шатались около школы, наблюдая за гитлеровцами. После обеда они принесли Ваську сведения, что из штаба выехал куда-то целый отряд эсэсовцев на мотоциклах. Ребята встревожились, зашептались.

Степан Ильич нахмурился, постучал по столу:

— Чтоб ни один из хаты не вышел! Мало ли куда эсэсовцы поехали! Вас не касается!

Ребята притихли. Степан Ильич большими шагами ходил по хате, хрустел сложенными пальцами, часто поглядывая в окно. Васёк смотрел на его сосредоточенное лицо и старался угадать, чем он взволнован.

«Хорошо бы повидать Севу или Генку, — думал Васёк. — Может, они выйдут к колодцу хоть на минутку...»

Он шепнул Мазину, чтобы тот тихонько вышел во двор, и сам стал пробираться к двери. Но Степан Ильич заметил и вернул обоих.

— Куда? На место! И вы тут оставайтесь, нечего по селу бегать зря! — сказал он Петьке и Мазину.

Солнце садилось. Откуда-то издали вдруг донеслись выстрелы, глухо застучал пулемёт. Степан Ильич поднял брови, насторожился. Баба Ивга вопросительно посмотрела на него:

— На Жуковке, что ли? Или в другой стороне?

Степан Ильич вышел на крыльцо. Ребята тесной кучкой двинулись за ним. Выстрелы были частые, глухие, далёкие.

— За лесом где-то, — определил Степан Ильич.

Из гороха вдруг вынырнула голова Генки; он перепрыгнул через плетень. За ним, задыхаясь от быстрой ходьбы, перелез Сева.

Лицо Степана Ильича побагровело от волнения.

— Пойдём в хату, — тихо сказал он, пропуская вперёд Севу и Генку.

В хате Сева торопливо вытащил из-за пазухи сложенный вчетверо лист бумаги и сунул его Степану Ильичу. Пальцы у Севы были в чернилах, руки дрожали.

— Вот... всё... дед Михайло велел скорей нести... — сказал он, с трудом переводя дух.

Генка, возбуждённо блестя глазами, начал сбивчиво рассказывать:

— Как фашисты со двора... так дед и взял. Севка переписывал, а я сторожил... А старик тот ушёл...

Степан Ильич, не слушая Генку, развернул бумагу, пробежал её глазами, спрятал за сапог, взял шапку:

— Я пошёл... Мамо! Ребят никуда не пускайте. Чуть что — на пасеку их. Всех до одного. До Матвеича!

Он схватил за плечо Генку:

— Подложил дед документ обратно?

Генка испуганно замотал головой:

— Не... ещё... Прихитряется сейчас...

Баба Ивга перекрестилась:

— Силы небесные! Господи, помоги!

У Степана Ильича дрогнули брови. Он махнул рукой и пошёл к двери. У порога остановился, подозвал мать, кивнул на ребят:

— Пусть на пасеку идут.

— Иди, иди! Не бойся, сынок! Сам поспешай!

Степан Ильич зашагал по двору и скрылся в сумерках. В хате было темно. Генка в уголке шопотом рассказывал ребятам, как Сева спешил переписывать какой-то документ, пока он, Генка, сидел на пороге мазанки и сторожил его.

— А что ж это за документ, Севка? Ты понял что-нибудь? — жадно спрашивали ребята.

— Нет... ничего не понял... От страха, наверно, у меня руки тряслись... Я больше копировал слова... Это какой-то военный план, — улучив минуту, шепнул он на ухо Трубачёву.

— Я думаю, это что-нибудь очень нужное. Видал, как дядя Степан схватил эту бумагу и сразу ушёл с ней куда-то? — говорил Петька, прикрывая ладонью рот и поглядывая на бабу Ивгу.

Мазин сузил глаза, улыбнулся:

— А я-то думаю, чего дед Михайло Севку прячет, к школе не велит подходить! Эй! — вдруг дёрнул он Васька и даже вскочил с места. — А старик-то этот, что замки чинил, знаешь кто?

— Ну?

— Да тот, с дудками, что в лесу со мной сидел!

Васёк покачал головой:

— Странно всё как-то...

Баба Ивга зажгла лампочку, поставила на стол.

— Собирайтесь, ребята! Матвеича повидаете, на пасеке и заночуете, а там видно будет. Курточки возьмите — свежо сейчас. Да живо, голубята мои!

Ребята обрадовались. Они давно не видели Матвеича и Николая Григорьевича. Ваську не терпелось рассказать на пасеке про девочек, про документ, который собственноручно переписал Сева и доставил Степану Ильичу, про ночное сражение на дороге — событий было много!

— Пошли! Пошли! — торопил он ребят.

— А дед как же? — встревожился вдруг Генка.

— Ну, чего дед! Он уж, наверное, подложил! — уверяли его ребята. — Пойдём!

Но Генка упрямо покачал головой:

— Я к деду пойду!

Баба Ивга вздохнула:

— Деду ты сейчас не помощник. Он один скорей управится. Иди с ребятами, сынок!

Генка нерешительно открыл дверь и остановился на пороге. По двору с непокрытой головой бежала Макитрючка. Не видя ничего перед собой, она оттолкнула от порога Генку, бросилась в хату, упала на скамью.

— Схватили... схватили... Забьют... Ой, лишенько! Забьют старика до смерти... — застонала она, хватаясь за голову.

Генка с криком бросился к двери и попятился назад... У порога стоял Петро.

— Ты что по селу бегаешь, народ подымаешь? — закричал он на Макитрючку, тяжело переступая через порог. — В петлю хочешь?

Ребята с ужасом смотрели на его тяжёлую, приземистую фигуру в чёрной форме полицая, на скуластое красное лицо и острый кадык, выступающий из тугого воротника.

Макитрючка, прижавшись к стене, с ненавистью глядела ему в глаза и не двигалась с места.

— Господи помилуй, господи помилуй! — бормотала баба Ивга. — Что ты кричишь, Петро? Что мы тебе сделали?

Петро сбавил тон:

— Я тебя не обижаю. Не про тебя речь. Я за хлопцами пришёл. Полковник требует. А она

против власти идёт! Я с ней ещё поквитаюсь! А ну, пошли за мной, хлопцы!

Он схватил Генку за руку. Генка вырвался и отбежал к сбившимся в кучу ребятам. Петро с недоброй усмешкой взглянул на Ивгу:

— Всю шайку у себя хороните? Ничего, там старику язык развяжут! Через внука развяжут да через пионера вашего! — Он кивнул на Севу.

Баба Ивга бросилась к ребятам; раскинув руки, загородила их:

— Не дам детей! Хоть убей на месте, не дам!

Петро отшвырнул её в сторону, шагнул к остолбеневшим от ужаса и неожиданности ребятам и опустил тяжёлую руку на худенькое плечо Севы.

Сева молча рванулся, сбрасывая с плеча его руку. Васёк, загораживая собой товарища, изо всех сил толкнул полицая. Озверевший Петро ударил его кулаком в грудь и с ругательствами схватился за кобуру. Мазин повис на его руке, Петька вцепился зубами в волосатую кисть. С другого боку на полицая навалились Одинцов, Саша и Генка. Баба Ивга бросилась в сени, заложила на крюк дверь. Макитрючка схватила с печи шкворень и ударила Петро по голове. Полицай охнул и осел на пол...

— Уходите, деточки! Уходите, голубята мои! — зашептала баба Ивга. — Господи помилуй, уходите скорей! До Матвеича идите!

Макитрючка трясущимися руками выпроваживала ребят за дверь:

— Уходите, уходите! Мы тоже уйдём! В лес уйдём! Степана упредить надо!

Не оглядываясь на Петро, Одинцов схватил из-под лавки рюкзак. Васёк по одному пропу-

скал мимо себя ребят. Дрожащие губы плохо повиновались ему, в голове шумело. Он недосчитывался Генки.

— Где Генка? Где Генка?

Мазин и Одинцов вели обессилевшего Севу.

— Генка убежал, — прошептал в темноте Петька.

* * *

Шли с трудом, зорко вглядываясь в каждый бугорок, продираясь через кусты и колючки.

Все молчали; ужас только что пережитого гнал вперёд.

За селом ребята выбились из сил; шатаясь, добрели до копны с сеном и сели под ней, тесно прижавшись друг к другу. Над скошенным полем стояло густое дымное облако. Оно медленно росло, расплывалось по всему небу и заволакивало редкие звёзды.

Петька вдруг сплюнул и с дрожью в голосе сказал:

— Я ему руку насквозь прокусил!

Ребята хмуро молчали. В глазах у всех ещё стояла страшная фигура озверевшего полицая.

— Гадина! — процедил сквозь зубы Мазин.

Одинцов зябко повёл плечами. Васёк вспомнил иссиня-белое лицо Макитрючки, вытер рукавом холодный пот и строго сказал:

— Хватит об этом!

Ребята снова замолчали. В тишине было слышно, как трудно дышит Сева.

— Значит, деду не удалось подложить документ! — вдруг прошептал Петька, глядя на всех испуганными глазами.

Васёк вскочил:

— Да, да, чего же мы сидим? Надо скорей к Матвеичу. Надо ему всё рассказать... Ведь и Генки нет... Где Генка? Пойдём скорей!

Ребята поднялись, прибавили шагу.

Шли от копны до копны.

На небе колыхался чёрный столб дыма. Сквозь него вдруг пробились красные языки пламени.

— Пожар!

— В стороне пасеки горит! — тревожно сказал Васёк. — Может, кто копны с сеном поджёг... Бежим скорей, а то ещё полицаи наедут сюда...

Спотыкаясь и падая, бежали по полю. Зарево разгоралось; запахло гарью. Завиднелись тополя, освещённые огнём.

Оставив далеко позади товарищей, Васёк бежал изо всех сил. В овраге перед пасекой было светло, как днём. Васёк взбежал по тропинке и остановился, поражённый страшным зрелищем. Горела пасека...

* * *

Хата Матвеича была охвачена огнём. С треском горели балки, из-под накалённой вздыбленной крыши вырывалось пламя, огонь бушевал в чёрных провалах окон, длинные красные языки лизали сухие стены. Над пасекой стоял зловещий гул — всё трещало, рушилось, разбрасывая далеко вокруг снопы искр. Всё гибло. Развесистый дуб над крыльцом стонал, как человек, качая обгорелой верхушкой; по стволу его змейками пробегали огненные искры, ветки обуглились. На молодых вишнях чёрными узелками скрутились

листья; воздух стал накалённым и сухим; в густой траве был виден каждый цветок.

К хате нельзя было подойти. Натянув на голову курточки, ребята бегали вокруг пожарища.

Васёк бросался вперёд, задыхаясь от нестерпимого жара:

— Матвеич! Матвеич! Николай Григорьевич!

Мазин, чёрный от дыма, указывал на бушующее пламя. На глазах ребят стропила с треском провалились, крыша рухнула. Огонь, получивший новую пищу, забушевал ещё яростней. С шумом вырывались снопы искр, падали горящие головни.

Ребята отбежали к плетню. Мазин подошёл к товарищам.

— Кончено, — сказал он и, махнув рукой, отвернулся.

Откуда-то издалека раздался вдруг жалобный вой.

— Бобик! — догадался Васёк.

У всех мелькнула надежда. Вой повторился, но, потерявшись в шуме пожара, затих.

— Бобик! Бобинька! — кричали ребята, бегая по саду.

Обыскали кусты, бросились по тропинке к реке. По пути натыкались на опрокинутые ульи; в одном месте они были беспорядочно нагромождены друг на друга.

Васёк несколькими прыжками достиг берега. Ребята со всех сторон тоже бежали туда. Из кустов выскочил Бобик; он бросался к мальчикам и, взвизгивая, звал их за собой.

Недалеко от воды, за широким пнём, плечом к плечу лежали два товарища. Около них валялись расстрелянные гильзы. Лицо у Матвеича

было серое, бескровное. Голова Николая Григорьевича откинулась назад; серебряные волосы с запёкшейся кровью прилипли ко лбу.

Неровный горячий свет пробегал по мёртвым лицам, на короткие мгновенья оживляя застывшие черты.

Ребята остановились.

— Матвеич! — позвал Васёк.

Ответа не было. Бобик поднял морду и снова протяжно завыл.

Колени у Васька вдруг подогнулись; он сел на траву и дотронулся до неподвижной, холодной руки Матвеича.

Матвеич был тем человеком, который в памятный солнечный день доверил первое боевое задание пионеру Ваську Трубачёву; Матвеич пригрел и окрылил его мальчишеское сердце.

— Матвеич...

Ребята стояли молча, опустив головы...

Огромное пламя пожара бросало на воду красные отблески. Ветер, набегавший с реки, знобил плечи.

— Куда мы теперь!.. — тоскливо прошептал Петька.

Ему никто не ответил. Кругом были враги и тяжёлая чернота ночи.

Мазин мрачно и безнадёжно смотрел на воду. Потом повернулся, подошёл к Трубачёву и тихонько тронул его за плечо:

— На мельницу надо... Один раз Игнат не пустил меня туда... Может, там свои...

Васёк взял на руки Бобика, спустился к реке и, не оглядываясь, пошёл по берегу. Ребята гуськом потянулись за ним.

Глава 44

НА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЕ

— Подожди, подожди, Валечка! Не заплетай волосы, дай ещё поглядеть!

— Ой, какое всё золотое! И цветы и трава! Как будто тоненькой золотой паутинкой перепутаны!

Валя, смеясь, закрывает подружек с головой своими распущенными волосами. Девочки, крепко прижавшись друг к дружке, смотрят сквозь тонкие, пронизанные солнцем пряди Валиных волос на лесную поляну.

Пышно доцветает украинское лето; закраснели на деревьях листья, тяжело свесились с кустов спелые гроздья калины, заплелась хмелем синяя ежевика, осыпалась дикая малина. А на лесной поляне, покрытой белыми крупными ромашками, полевой гвоздикой и колокольчиками, ещё хлопотливо трещат в траве кузнечики, кружатся бабочки.

— Как хорошо жили бы люди, если б не было на земле фашистов! — задумчиво говорит Лида Зорина.

Нюра Синицына вскакивает. Она в широкой Миронихиной кофте, подвязанной ремешком.

— Ой, девочки, смотрите — все коровы разбрелись! Вставайте скорей!

Девочки, подпрыгивая, разбегаются в разные стороны.

— Красавка! Красавка! — заплетая на ходу косы, зовёт Валя.

— Недолька! Бурёнка! — звучат неподалёку голоса её подруг.

Каждый день Лида, Валя и Нюра гонят на

поляну десяток коров. В Макаровке только у некоторых хозяек остались старые, тощие коровы.

По тайному соглашению с Миронихой, каждое утро хозяйки, увидев девочек, выгоняют за ворота своих коров. Девочки гонят маленькое стадо на лесную поляну. В полдень из лесу тайком приходит женщина. Она доит коров и уносит молоко в лес. Иногда она забирает также хлеб, крупу и сало — всё, что удаётся потихоньку от фашистов собрать в селе для макаровских партизан. Но чаще всего продукты относит в лес сама Марониха.

Девочки встают очень рано. Натянув на себя старые Миронихины кофты и вооружившись длинными хворостинами, они гонят по улице коров, торопливо пробегая мимо гитлеровских солдат. Влажная серая пыль холодит босые ноги, из-под длинных рукавов выглядывают красные пальцы; свежее утро охватывает ознобом плечи. За селом, где начинается лес, девочки вздыхают свободней; в глубине леса, на зелёной поляне, они усаживаются втроём на старый пень и, поджав под себя босые ноги, с грустью смотрят на покрасневшие листья, на желтеющий лес.

— Скоро сентябрь, — тихо говорит Валя Степанова.

— А я всё думаю: кто-то в нашу школу пойдёт, на наши парты сядет... — вздыхает Синицына.

Лида Зорина печально смотрит на подруг:

— Другие девочки пойдут... Опять будут у них звенья... и звеньевые...

— А мы как же? — тревожно спрашивает Нюра.

— Мы тоже будем учиться... хоть тайком, а

будем... Может быть, в Ярыжках у Марины Ивановны...

— В Ярыжках? Да ведь это очень далеко!

— Наши ребята попросят дядю Степана взять нас к себе. Там мы будем жить и вместе учиться! — уверенно говорит Валя. — Васёк Трубачёв придёт! Он нас не бросит!

Лица у девочек светлеют.

— А помните, как раньше первого сентября бежали мы в школу! Я бывало чуть свет встану в этот день!

— А я помню, как дадут нам в детском доме новые учебники, так я оторваться от них не могу. Все странички перелистаю, все книжки в новую бумагу оберну, надпишу, — счастливо улыбается Валя.

— А потом, а потом! — вскакивает Лида. — Когда ещё только подходишь к школе, все кричат: «Здравствуй, Лида! Зорина, здравствуй!» А в классе уже учитель...

— Нет, сначала мы приходим, а потом учитель, и мы прямо сразу, все хором: «Здравствуйте!» — Нюра протягивает вперёд руки, как будто держится за парту.

— Здравствуйте, Сергей Николаевич! — повторяют хором девочки и вдруг смолкают... Снова усаживаются на пень и долго сидят, тесно прижавшись друг к дружке.

— Разве без школы можно жить? — грустно спрашивает Лида.

Нюра покусывает стебелёк и щурится от солнца. Глаза у неё светлые и зелёные, как трава; щёки обветрились, кожа на руках погрубела, но выражение лица стало мягче, спокойнее. Многое изменилось в Нюре за эти трудные дни.

В ней появилась нежная заботливость по отношению к подругам. Ей всегда кажется, что она крепче и сильнее их.

— Валя, надень мои тапочки! У тебя ноги посинели... Давай, Лида, я тебе платок повяжу, — беспокоится она утром, когда они гонят коров.

— Ладно тебе, Синичка! — обнимают её подруги. — Что мы, какие-нибудь особенные, что ли?

Девочки крепко сдружились и полюбили друг друга.

— Мы как сёстры, — часто говорит Валя. — У нас даже все мысли одинаковые.

Сидя втроём на поляне, они без конца говорят о школе, о родителях, вспоминают всякие мелочи из своей прежней жизни и рассказывают их друг другу, как что-то очень важное и значительное.

— Один раз моя мама пироги с калиной испекла, — говорит Лида, срывая ветку калины. — И вот к нам гости пришли. И так весело было! И все спрашивали: «Что это за пироги, что это за пироги?» А моя мама... — Голос у Лиды начинает вздрагивать, с чёрных ресниц спрыгивают капельки слёз. — А моя мама говорит: «Это... с калиной... пироги...»

У Нюры быстро краснеет нос, дрожит подбородок.

Валя, улыбаясь, качает головой:

— А вот у нас в детском доме осенью... Ну вообще... в это время много именинников. И тогда тоже пироги пекут и всем подарки делают. А наша тётя Аня всегда знает, что кому хочется. И как это она всегда знает?

— Вот правда, как она знает? — удивляются подруги.

— А мой папа, наверно, на войну ушёл, а мама одна осталась, — говорит вдруг Нюра.

— Конечно! Все папы сейчас на войне! Разве кто-нибудь будет сидеть дома! Может, даже моя мама пошла! — с гордостью говорит Лида.

Нюра придвигается ближе к подругам и шепчет, зажимая ладонью рот:

— А фашистам вчера опять жару дали! Це-

лый эшелон взорвался на Жуковке. Помните, ночью грохот был? Это партизаны взорвали! Мне Маруська сказала.

— Да что ты!

Девочки радостно смеются.

— Фашисты всех вешают да убивают, а их никто не боится, — презрительно говорит Валя.

— Наши ребята их тоже нисколечко не боятся! Мне Коля Одинцов говорил, что они с Трубачёвым даже ни капельки не струсили, когда на дороге бой начался, — зашептала опять Нюра. — Наши ребята могли бы их сами побить, если бы у них ружья были!

— Очень просто! Мы бы всем отрядом как двинули на них! — разгорелась Лида.

— Глупости это, — хмурится Валя. — Зря болтаете только.

Она обрывает с ромашки белые лепестки и гадает вслух:

— Будем в школе — не будем в школе, будем — не будем...

Девочки внимательно смотрят, как падают на её колени лепестки.

Солнце начинает сильно припекать. Коровы перестают жевать траву и утыкаются мордами в кусты. Полдень.

Из леса доносится хруст валежника и шорох листьев. Девочки вскакивают:

— Тётя Оксана!

Лида радостно бежит навстречу. Нюра сгоняет застоявшихся коров.

Оксана не спеша выходит из-за кустов и, потряхивая подойником, улыбается:

— Что, доченьки, заждались меня?

— Нет, нет! Что вы, тётя Оксана! Мы хоть целый день ждали бы!

Тётя Оксана — близкий и родной человек. Девочки уже давно знают, что она сестра их учителя. У неё такие же глаза, как у Сергея Николаевича, такие же скупые, неторопливые движения и ласковая улыбка. И пока Оксана доит коров, девочки, присев на корточки, торопливо рассказывают ей все новости.

Оксана слушает, кивает головой. Молоко длинными белыми струйками стекает в подойник.

— Не приходил больше командир ваш, золотистый-золотой? — с улыбкой спрашивает Оксана.

— Трубачёв? Нет, не приходил. Но он обязательно, обязательно придёт! Он никогда нас не оставит, ведь мы из его отряда!

Иногда, прощаясь, Оксана тихо говорит:

— Скажите Ульяне — ночью приду.

Девочки радуются и, притаившись, долго не спят в эту ночь. Ждут...

Стук у Оксаны тихий, неторопливый, как дождь по стеклу. И сама Оксана спокойная, неторопливая. Войдёт в хату, присядет к столу, пошепчется с Миронихой, вытащит из-за пазухи какие-то бумажки, разложит их перед собой. Мирониха поднимет на припечке под золой кирпич, подаст ей круглую печатку. Оксана подует на печатку, приложит её к каждой бумажке, поглядит на свет... Закончив свои дела с Миронихой, она заплетёт на ночь свои гладкие волосы, неторопливо сбросит кофту, останется в широкой деревенской юбке и, задув коптилку, большая, тёплая и уютная, ляжет на подстилку из сена, рядом с

девочками. В сумраке мягкие руки её с материнской лаской обнимут всех троих сразу. Девочки радостно и благодарно прижмутся к ней во сне. От волос и от рук Оксаны пахнет свежей хвоей, лесными орехами.

— А и славно ж в лесу, доченьки! Месяц все кусточки раздвигает... роса землю моет, — зевая, скажет Оксана.

И слышится в её голосе такой глубокий покой, будто нет и не было вокруг страшного врага, а шла она и любовалась светлой ночью в лесу.

А утром Оксана уже расхаживает по селу. Деловито, по-хозяйски оглядывает она поломанные плетни, смятые огороды. Заходит в хаты, останавливается на улице с бабами, а на гитлеровцев даже не глядит, словно не замечает, что они толкутся по всему селу.

Один раз высокий эсэсовец с перевязанной головой и мутнозелёными глазами, подозрительно глядевший из-под белой повязки, злобным окриком остановил Оксану. Она медленно повернулась к нему, поглядела спокойно и строго в его глаза.

— До хаты! До хаты! Вэг! — размахивая автоматом, закричал эсэсовец, принимая Оксану за местную колхозницу. Ударить её он почему-то не решился. — Вэг! Твоя хата где есть?

— Все мои — твоих нету, — презрительно улыбнулась Оксана, заходя в первый попавшийся двор.

Эсэсовец поглядел ей вслед и ушёл. Спокойствие Оксаны спасало её от фашистов.

Много таинственных дел переделает за день Оксана, а к вечеру, приласкав девочек, уйдёт, сказав своё обычное:

— Пойду пока...

Сейчас, подоив коров, Оксана аккуратно обвязывает полотенцем ведро и долго стоит с девочками.

— Найдём, где учиться. Без учёбы не будете, — твёрдо говорит она. — Фашисты тут не хозяева. Хозяева — мы!

— Хозяева — мы! — гордо повторяют девочки, глядя ей вслед.

Глава 45

БУДЕМ В ШКОЛЕ!

Как-то утром в село Макаровку пришла дорогая гостья — учительница из Ярыжек. Пришла она в украинской вышитой рубашке и синей юбке, отороченной белой тесьмой. Под платком были сложены веночком косы, как носят украинские девчата. Мирониха узнала Марину Ивановну, обрадовалась и испугалась:

— Голубка моя, чего ж вы пришли? Вас же всё село знает!

Учительница скинула платок, улыбнулась. На щеке её, около уха, темнело родимое пятнышко.

— Ай, ай, ай! Вы ж приметная, вас люди на всех собраниях видели, комсомольскую бригаду вашу помнят. Упаси бог, выдаст кто... Лучше бы кто другой пришёл, — прикрывая дверь, зашептала Мирониха.

— Некому больше... А время не ждёт, — кратко объяснила учительница. — В Ярыжки мне нельзя, это верно. Там нас с Коноплянко по всем дворам ищут.

Валя, войдя со двора в хату, ахнула, покраснела от волнения и, встретившись взглядом с серыми лучистыми глазами гостьи, радостно бросилась к ней:

— Вы... вы учительница из Ярыжек?

Марина Ивановна, ласково смеясь, шепнула ей на ухо:

— Я из Ярыжек. Но этого никто не должен знать. Меня зовут Ганна. Я вместо тёти Оксаны пришла.

Валя сложила на груди руки.

— А я думала... Мы так хотим учиться! — горячо сказала она. — Уже сентябрь скоро!

Марина Ивановна притянула к себе девочку и тихонько сказала:

— Сейчас это очень трудно, но я поговорю об этом с кем нужно. Может быть, нам удастся что-нибудь придумать... Я приду к вам первого сентября. А пока давай запишем всех ребят в Макаровке. Ты будешь моей помощницей, хорошо?

Когда пришли Нюра и Лида, Марина Ивановна сидела за столом и вместе с Валей составляла список всех ребят школьного возраста в селе Макаровке.

— Вот, Валечка, тебе список. Завтра же обойди все семьи и запиши ребят, которые будут учиться, — говорила учительница.

Лида и Нюра от неожиданности не могли вымолвить ни слова.

— Марина Иван... тётя Ганна, вот ещё наши девочки! Они отличницы, они будут хорошо учиться! А Зорина звеньевая! — радостно представила их учительнице Валя.

— Вот и хорошо! Значит, все на местах, — пошутила учительница.

— Вы будете нас учить? — не веря своим ушам, спросила Нюра.

— У нас будут звенья? И пионерские отряды? И сборы? Как раньше? — спрашивала Лида Зорина.

— Всё, всё будет! Конечно, это не так скоро — мы должны быть очень осторожными.

Марина Ивановна долго говорила с девочками, потом вынула из сумки пачку тетрадок и дала их Вале:

— Вот раздай тем ребятам, которые будут учиться в школе. Пусть напишут своё имя, фамилию. А я приду ещё — тогда поговорим.

Валя осторожно взяла в руки тетрадки. Пальцы её нежно коснулись знакомых чистых страниц.

Подруги окружили Валю, трогали синие обложки, считали листочки.

— Такие же, как в Москве! Лида! Такие же! Смотрите!

— Возьмите и себе по тетрадке. Потом я принесу ещё, — пообещала учительница.

Маруське, Миронихиной дочке, тоже дали тетрадку.

Девочки сейчас же сели за стол надписывать свои фамилии.

— Школа будет! Школа будет! — ликовали они.

Марина Ивановна отошла с Миронихой и долго о чём-то шепта-

лась с ней. Учительница говорила решительно и твёрдо, Мирониха в чём-то сомневалась, качала головой. Один раз даже быстрая слеза пробежала по её щеке, подбородок дрогнул.

— ...Жизнь свою вы для людей не жалеете! Лютуют у нас эсэсовцы. Сохрани бог, предатель какой найдётся, — люди вас в лицо знают. Опасно вам...

— Каждому опасно, — просто отвечала Марина Ивановна, — не я одна.

Они говорили долго. Потом учительница достала из коричневой сумочки бумажку — на ней крупными печатными буквами значилось: «Ганна Васильевна Федоренко».

Мирониха со вздохом подняла на припечке кирпич, вынула круглую печатку, приложила её к бумажке и тяжело вздохнула:

— Значит, за дочку кулака Федоренко себя выдавать будете? Людей-то наших знаете? На полицая не наскочили бы... — Мирониха что-то быстро зашептала, указывая в окно на бывшее помещение клуба, чуть видневшееся из-за деревьев. — Краем села идите... Опасное у вас дело... С детьми-то хоть бы не связывались пока...

Марина Ивановна грустно улыбнулась:

— Вот выполню задание и приду. Учиться они хотят, а я учительница. Как же мне не думать о детях! И если нас окружают враги, то я должна быть с детьми, чтобы воспитывать в них наше, советское, не давать врагу ломать их души.

Учительница вытащила из узелка синий жакетик, потуже завязала платок, низко надвинув его на чёрные брови, и, ласково кивнув девочкам, пошла к двери.

На пороге она оглянулась. Мирониха, опустив руки, смотрела ей вслед.

Валя догнала Марину Ивановну в сенях.

— Я вам всегда, всегда буду помогать! Мы все трое будем вам помогать! — горячо зашептала она.

Учительница взяла её маленькую руку:

— Спасибо тебе, девочка. Мы всегда будем вместе!

Валя вернулась счастливая. Пересчитала тетрадки, сложила их стопкой. Снова пересчитала, снова сложила.

— Девочки, поймите! Учительница у нас! Учительница!

Девочки со смехом бросились тормошить её:

— Валька! Мы просто какие-то именинницы сегодня, правда?

— Именинницы! Именинницы! — запрыгал Павлик.

Маруська озабоченно поглядела на мать. Мирониха стояла, подперев рукой щёку, и с грустной улыбкой смотрела на девочек.

— А ты чего? — по-отцовски усмехнувшись, спросила Маруська у матери.

— Так, доню, — уклончиво ответила та.

Девочки на минутку примолкли, но, не в силах удержать свою радость, снова заговорили, перебивая друг друга:

— Ребята наши придут, а мы учимся! Вот они удивятся!

— А может, и они сюда придут жить? Может, их дядя Степан у кого-нибудь поселит... ну, хоть пока, для учёбы? Вот бы хорошо было!

— Конечно, мы не должны разлучаться, мы должны быть вместе, — серьёзно сказала Валя

и, подумав, добавила: — Я потом попрошу об этом нашу учительницу.

Девочки долго шептались в эту ночь.

Мирониха тоже не спала. Глядя в белый потрескавшийся потолок давно не белённой хаты, она сидела на кровати, крепко сжав обе ладони и к чему-то тревожно прислушиваясь. Перед ней стояло молодое лицо с тёмной родинкой на щеке и лучистыми серыми глазами.

«Молодая дивчина... Не побоялась... В самое логово пошла... Комсомолка... Сохрани её боже!»

На рассвете село дрогнуло от взрыва. Чёрный, густой дым расползался по хатам. Клуб, где стояли эсэсовцы, запылал, как огромный костёр.

Мирониха вскочила, прикрикнула на испуганных ребят, бросилась в сени. На улице метались эсэсовцы — шумело потревоженное осиное гнездо.

Глава 46

В ТУ СТРАШНУЮ НОЧЬ

Зарево пожара осталось далеко позади. Ребята в густой тьме шли по берегу. После яркого света вода в реке казалась чёрной; глаза с трудом различали кусты и деревья.

Бобик лизал сухим, шершавым языком Трубачёву лицо и руки. Васёк машинально гладил его.

Ребята молчали. Несчастье, обрушившееся на них, было так неожиданно и так страшно, что даже слово, сказанное шопотом, заставляло их вздрагивать и оглядываться. Казалось, за каж-

дым кустом притаился враг и вот-вот бросится за ними в погоню. У всех была одна надежда, что на мельнице есть свои люди. Может быть, они помогут найти Митю. А Митя возьмёт их всех в свой отряд. И тогда они ещё покажут фашистам! Они будут выслеживать их всюду и мстить за смерть Матвеича и дедушки Николая Григорьевича. И за деда Михайла отомстят! Пусть только фашисты посмеют что-нибудь сделать старику! А где Генка? Бедный Генка... Вдруг он тоже попался вместе с дедом?

«Где Генка?» — думал Васёк, с тоской ощущая своё бессилие и утешая себя тем, что, найдя своих людей, он посоветуется с ними, как найти Генку и вообще как быть дальше. Скорей бы мельница!

Васёк нетерпеливо вглядывался в темноту. Останавливался, прислушивался... и снова шёл, осторожно раздвигая кусты. Росистая трава хлестала ребят по ногам. Ноги были мокрые, по спине пробегала дрожь. Позади Трубачёва, согнувшись, как старичок, шёл Сева. Васёк обернулся к нему, с тревогой ощупал мокрые Севины плечи. Сева поднял белое в темноте лицо, тихо пошевелил губами:

— Ни-че-го...

Вдали показалось село.

— Там тоже что-то горит, — прошептал Мазин.

Ребята, затаив дыхание и низко пригнувшись к земле, прошли берегом мимо села. На реке неожиданно вырос силуэт мельницы.

Выбрав мелкое место, ребята сбросили тапки и, засучив штаны, перешли на другой берег. Васёк передал Саше Бобика:

— Мы с Мазиным пойдём узнаем, а вы сидите тут... Мы скоро.

Ребята со страхом и надеждой смотрели им вслед. Страшная мельница! Тёмная, обвалившаяся, с выбитыми стёклами и заколоченной дверью. Из воды торчит обросшее мохом колесо. Но мельница кажется ребятам жилым домом: чёрное небо над головой гораздо хуже позеленевшей мельничной крыши.

— Скорее приходите! — догоняет Мазина и Трубачёва шопот Петьки.

Мальчики осторожно обходят мельницу со всех сторон, прислушиваются к каждому шороху, подходят к чёрному отверстию. Всё тихо... Мазин протискивается внутрь мельницы и тянет за руку Трубачёва. В темноте они нащупывают шаткие перила лесенки, ведущей на чердак.

— А вдруг нас примут за фашистов и выстрелят? — приходит в голову Ваську. Он наклоняется к уху Мазина: — Крикни филином!

— Ух, ух! — тихонько ухает Мазин, прижимаясь к стене.

На мельнице тихо. Но откуда-то из-за мельничного колеса робко, словно недоверчиво, откликается чей-то голос:

— Ух! Ух!

Мальчики радостно вздрагивают.

— Свои, свои! — не выдерживая, громким шопотом говорит Васёк, глядя на тёмный чердак.

В чёрную дыру со двора просовывается голова Игната.

— Кто? — испуганно спрашивает он и, не дождавшись ответа, быстро исчезает в кустах. — Тикайте, если свои! Все ушли. Тикайте! — шепчет он из темноты.

— Игнат! Игнат! — зовёт Мазин. — Игнат! Это мы! Иди сюда!

Заслышав шум, оставшиеся на берегу ребята бегут на голоса. Из кустов вылезает Игнат...

* * *

На пустом чердаке мальчики, тесно сдвинувшись вокруг Игната, растерянно спрашивают его:

— И ты не знаешь, куда ушёл Коноплянко? А учительница?

— В лес ушли. Не можно тут быть им. Фашисты про мельницу пронюхали. Пасеку сожгли, Матвеича убили, — шопотом рассказывает Игнат. — Я остался сторожить: вдруг кто из своих придёт? А тут вы... Зачем вы сюда?

— Мы с пасеки. Нам в селе нельзя оставаться.

Игнат, присев на корточки, степенно, повзрослому, советует:

— К людям прибивайтесь. Нельзя вам одним. Куда пойдёте? На мельнице опасно...

В Ярыжках, по словам Игната, тоже свирепствуют фашисты; люди оставляют свои хаты и уходят в леса.

— Я с маткой тоже уйду. Мы километров за тридцать, в другой колхоз пойдём. Там тётка у меня есть. Вот и пойдём вместе. Зиму прокормимся, как-никак... А может, и раньше наши придут...

Ребята молча смотрят на Трубачёва. Где-то там, у тётки Игната, наверно найдётся тёплая постель и горячий борщ с куском хлеба. Хоть бы один раз согреться и поесть! Но Трубачёв качает головой:

— Нам, Игнат, ещё Генку надо найти.

— Да, да, Генку! — вспоминают сразу ребята.

Игнат удручённо разводит руками:

— Нет Генки. Может, в лес ушёл, а может, где с дедом эсэсовцы заперли. Всю ночь мы с Ничипором по селу ходили, искали его. Зря и вы пойдёте... Пойдём лучше до моей матери! Уйдёт она сегодня... Уже все глаза проглядела — меня ждёт.

— Нет. Мы ещё пойдём искать Митю. И Митя нас будет искать, — твёрдо говорит Васёк. — И девочки наши ещё ничего не знают...

— Да и девочек мы не бросим, — подтверждают ребята.

Игнат слушает о девочках, о Мите и упорно твердит своё:

— Со мной идёмте. Опасно вам на мельнице оставаться, и в лесу одним делать нечего. Лес большой, где там Митя ваш...

Разговор скоро смолкает. Приткнувшись друг к другу, голодные и прозябшие ребята не в силах долго бороться со сном. Игнат уже говорит один. Ему никто не отвечает... Ребята спят вповалку, скорчившись на земляном полу чердака.

Серое утро смотрит в разбитое окно. Игнат будит Трубачёва.

— Ухожу я, — тоскливо говорит он, поправляя на голове свою кубанку. — Идёмте со мной, хлопцы! До тётки идёмте!

Мазин сонно продирает глаза:

— До какой ещё тётки? Чего ты пристал, чудак?

Васёк сразу вспоминает Генку. Он натягивает на уши курточку, ёжится, выглядывает в окно.

— Вставай, Мазин! За Генкой пойдём... Разбуди Петьку, Одинцова!

Услышав имя Генки, Мазин поспешно вскакивает:

— Петька, вставай! Одинцов! Эй, Колька! — Мазин будит всех ребят по очереди, обещая принести из села хлеба. — Рыбы тут наловите! Похлёбку сварим! Мы за Генкой идём!

— Коля Одинцов, сторожи, — хмуро говорит Одинцову Васёк.

Игнат показывает ребятам спрятанную в кустах лодку.

— Ваша ещё... По реке лучше, — со вздохом говорит он Трубачёву.

Ребята молча тащат лодку к воде. Мазин берёт вёсла.

— Спасибо тебе, Игнат! Только мы с тобой не можем идти, — говорит Васёк, прощаясь с Игнатом. — У нас свои дела.

Игнат долго смотрит им вслед. Лодка медленно ползёт вверх по реке.

Игнату жалко голодных и иззябших ребят. Страшно, что попадутся они в руки врагов и пострадают вместе с дедом Михайлом. И сам он не может идти с ними: его ждёт мать.

— Эх, горе! — Игнат вдруг срывается и бежит по росистому берегу. Мокрые штанины шлёпают его по коленкам, кусты бьют ветками по лицу. — Эй, эй! — машет он рукой вслед ребятам.

Лодка тяжело подплывает к берегу.

— Что тебе? — спрашивают мальчики.

— Пойдём до моей тётки, хлопцы! Ей-богу же, пойдём до тётки!

Мазин сердито отталкивается веслом. Лодка

снова ползёт вверх по реке. Но пока она ещё видна, Игнат стоит на берегу и, сдвинув чёрные брови, смотрит ей вслед.

Глава 47

СМЕРТЬ ДЕДА МИХАЙЛА

Петька прячет лодку в камышах, густо маскирует её ветками и, сидя неподалёку в кустах, тревожно прислушивается к тому, что делается в селе. Он тянет носом смешанный с дымом воздух, смотрит в ту сторону, откуда поднимаются тонкие языки огня.

Мазин и Трубачёв ушли уже давно. Петьке кажется, что прошло уже больше часа, как он остался один сторожить лодку. На самом деле Мазин и Трубачёв ещё только ползут огородами к селу, часто останавливаясь и тихонько советуясь между собой.

— К Ко́стичке пойдём, — шепчет товарищу Васёк.

— Смотри! — толкает его в бок Мазин.

За огородами видны обуглившиеся стены Степановой хаты. Где баба Ивга? Где Макитрючка, дядя Степан? Васёк крепко прижимается грудью к сухой огородной земле; сердце его бьётся такими сильными толчками, что, кажется, вся гряда сотрясается от его ударов.

Но Мазин ползёт дальше, и Васёк двигается за ним.

Из села вдруг доносится какой-то шум, злобные выкрики эсэсовцев, что-то похожее на команду, потом звон разбитого стекла и чей-то слабый стон.

Мальчики замирают на месте. Потом снова ползут. За плетнём уже виден двор Ќостички.

— По-до-жди здесь, — поворачивая к Трубачёву бледное, напряжённое лицо, шепчет Мазин.

Васёк испуганно мотает головой и крепко стискивает руку товарища:

— Нет, нет... вместе...

Мазин осторожно подгрызает зубами подсолнух и, прикрывая широкой жёлтой шляпкой голову, выглядывает за плетень. На дворе Ќостички тихо и пусто. Только один немецкий солдат, спокойно посвистывая, вешает под навесом мокрую рубаху, аккуратно растягивая её на деревянных плечиках. Мальчики растерянно пятятся назад.

— К школе! — вдруг решительно командует Трубачёв. — Огородами пройдём...

Мазин качает головой и, обогнув плетень, смотрит на деревенскую улицу. С улицы снова несётся грозная команда и странный шум, похожий на всё разрастающийся шорох листьев, на шум двигающейся в безмолвии толпы. Гитлеровец подходит к воротам и тоже смотрит на улицу. Пользуясь этим шумом, мальчики проскальзывают в соседний огород. Отсюда уже видны ворота школы. Около них толкутся гитлеровские солдаты, стоят часовые. И отовсюду молча движется и движется народ, тесными кучками примыкая друг к другу. Идут женщины, дети, старухи. Старые деды, с трудом передвигая ноги, идут без шапок. Ветер развевает их седые, подстриженные в кружок волосы. Молодых уже давно нет в селе. Подростки жмутся к старикам... Полицаи в чёрных шинелях теснят народ по обеим сторонам улицы.

Мальчики удивлённо смотрят на эту толпу.

— Куда это они? — шепчет Васёк.

Глаза его напряжённо вглядываются в лица подростков. Между ними он видит Ничипора. Может, с ним Генка?

Мазин угадывает его мысли:

— Надо затесаться туда, между хлопцами... поискать Генку... расспросить Ничипора...

Васёк кивает головой. Мазин двумя пальцами засовывает ему под тюбетейку приметный рыжий чуб.

— Пошли.

* * *

В воздухе пахнет гарью. Уходя в лес, баба Ивга и Макитрючка подожгли хату. Полицай Петро бесследно исчез. Жители, смутно догадываясь о происшедшем, молчали. Никто уже не сомневался теперь, что Степан Ильич был крепко связан с партизанами; из уст в уста передавался слух, что дед Михайло украл в штабе какой-то ценный документ и передал его партизанам.

Всю ночь не смыкали люди глаз. В каждой хате шопотом передавали друг другу о страшных мучениях, которым подвергли деда при допросе.

Утром в селе появилось объявление с приказом всем жителям под угрозой расстрела собраться на площади, чтобы присутствовать при казни пойманного «русса-партизана». Гитлеровские солдаты бегали по дворам, стучали прикладами в двери и окна.

Виселица стояла на площади. Одним концом верхней балки она упиралась в высокую сосну. Из обрубленных веток дерева медленно сочились крупные жёлтые капли смолы.

Имя деда Михайла стало именем героя, и люди шли на его казнь с непокрытыми головами.

Гитлеровцы, думая запугать колхозников жестокой казнью их односельчанина, невольно сами придали ей особую торжественность.

Раздвинув народ, они выстроились шпалерами вдоль улицы.

Мальчики перебрались через плетень и незаметно затесались в толпу, разыскивая Генку. Никто не обращал на них внимания. Женщины, закрывая подолами малых детей, полными слёз глазами смотрели на ворота школы. Все взгляды устремлялись туда же... Мазин дёрнул за рукав одного хлопчика, но тот испуганно спрятался за спиной матери.

Толпа вдруг сдвинулась, зашевелилась:

— Ведут... Ведут...

— Боже, помоги!.. Ведут...

Из ворот школы, окружённый со всех сторон рослыми эсэсовцами, показался маленький, хилый дед. Из разорванного рукава его окровавленной серой рубахи безжизненно висела худая, костлявая рука. Лицо деда Михайла трудно было узнать: острая бородка его тёмным опалённым клинышком торчала вперёд, один глаз запёкся кровью, кожа на голове была рассечена.

Михайло вышел из ворот, споткнулся... Бабы завыли...

Михайло поднял голову и, суетливо передвигая босые синие ноги, заторопился.

Мазин и Трубачёв остолбенели от ужаса. Глаза их не мигая смотрели на деда. Рука Трубачёва, стиснутая рукой товарища, онемела, рыжий чуб выбился из-под тюбетейки. На лбу Ма-

зина выступили крупные капли пота, щёки покрылись пятнами.

Дед ещё раз споткнулся. Эсэсовец тряхнул его за ворот рубахи, обнажив костлявую грудь деда с синими кровоподтёками. Громкий плач вырвался из толпы.

Фашисты прикладами раздвинули людей, расчищая путь к виселице.

Онемевшие и потрясённые мальчики машинально двигались за толпой. Истошный вой провожал деда; эсэсовцы заторопились. У виселицы Михайло остановился, повернулся к людям:

— Чего плачете? Думаете — пропал дед Михайло? Ни! Я не зря пропал! Я за хорошее дело погибаю! — Голос у деда был слабый, тоненький, как у ребёнка.

Эсэсовец схватил деда за плечи и толкнул его к виселице. Но дед с силой вырвался:

— Внука моего поберегите, люди добрые!

В толпе вдруг послышался шум борьбы, взметнулся вверх красный пионерский галстук, зажатый в детской руке, и мгновенно исчез, утонув в людском потоке.

— Живи, Генка! Батько тебе — Сталин! Матерь твоя — Украина! Живи, Генка!.. — торжествующе кричал захлёстнутый петлей дед, отбиваясь от двух солдат.

Крик его вдруг оборвался, маленькое, худое тело взметнулось вверх.

— Деда!.. — пронзительно закричал в толпе надрывный голос.

Мазин и Трубачёв дрогнули, очнулись и, сбивая с ног женщин и детей, бросились на этот голос. Вой толпы перешёл в грозный рёв. Безоруж-

ные люди с голыми руками шли на гитлеровцев, ломились к виселице. Раздались выстрелы, застрочил пулемёт, в общий гул влились стоны раненых. Загороженная женщинами, Ко́стичка силилась удержать обезумевшего Генку.

Мальчики с двух сторон подоспели к ней на помощь, схватили за руки товарища и, увлекая его за собой, бросились бежать. Сзади них строчил пулемёт, рядом падали женщины, дети, старики.

У плетня, в луже крови, лежал мёртвый Ничипор. Лицо его сохраняло удивлённое детское выражение, длинные руки и ноги мешали бегущим...

— Ничипор! — вскрикнул Васёк.

Но Мазин увлёк его за собой.

За обуглившейся хатой Степана Ильича они запутались в огородной ботве и упали. Генка

бился головой о землю и со стоном рыл её ногтями. Трубачёв и Мазин, обессилевшие от бега, с минуту лежали без движения, не в силах прийти в себя.

Вокруг них со свистом летели пули.

Мазин поднял голову:

— Пропали!

Васёк схватил Генку за плечи и с отчаянием закричал:

— Генка, Генка! Бежим! Нас убьют!

Но Генка ещё крепче прижимался к земле. Мутные карие глаза его дико блуждали по сторонам, грязное от пыли лицо было залито слезами.

Мазин вскочил.

— Берись! — прошипел он пересохшим ртом Трубачёву, насильно поднимая Генку с земли.

Но земля вдруг ухнула и ушла из-под ног. Страшный взрыв потряс всё село. Оба мальчика как подкошенные упали друг на друга, закрывая собой Генку.

Когда Мазин пришёл в себя, Трубачёв, крепко обняв за плечи Генку, указывал ему на чёрный дым, валивший из школы. Крыша гитлеровского штаба провалилась. Огненные языки лизали голубые стены.

Мазин поднялся на ноги:

— Бежим!

Генка больше не сопротивлялся. Мальчики, взявшись за руки, сбежали к реке. Петька встретил их громким, захлёбывающимся рёвом.

Генка послушно сел в лодку; глаза его не отрываясь глядели на пылающие стены голубой школы.

* * *

У мельницы встревоженные ребята бросились к товарищам.

— В лес! К Мите! — торопливо скомандовал Васёк.

Собрались быстро, молча. Никто не спрашивал про деда Михайла. Со страхом и сочувствием смотрели на Генку, на его грязное, мокрое от слёз лицо, на чёрные от земли руки, на растерянные глаза.

Мазин и Трубачёв ещё раз заглянули на мельницу. Под бревном, где когда-то хранился у Коноплянко приёмник, Мазин нашёл сухую горбушку хлеба. Петька Русаков, пошарив на окне, обнаружил коробку спичек и кусок сахару.

Трубачёв тоненьким мелком написал на стене:

Уходим в лес искать Митю. Отряд Трубачёва. Смерть фашистским зверям!

— Оставляйте дорожные знаки! — распорядился он. — Митя, наверное, тоже будет нас искать.

На берегу они выбрали направление. Одинцов немедленно выложил из камней знак, указывающий на то, что отряд Трубачёва ушёл в лес.

Узкая тропинка вывела ребят в поле, потом, покружив между молодыми соснами, свернула в густой синий бор и затерялась в нескошенной порыжевшей траве.

А за рекой, в изрешеченном пулями селе, воцарилась грозная тишина. На опустевшей площади над худеньким, вытянувшимся телом деда Михайла кричали испуганные птицы.

Глава 48

МИРОНИХА

До сих пор ребята в Макаровке смирно сидели каждый в своём закутке. Теперь часто через плетень шмыгали друг к дружке будущие школьники и школьницы. У многих девочек в косичках появились ленточки. В дверь к Миронихе то и дело просовывалась чья-нибудь голова, чтобы спросить о школе. Валя, Лида и Нюра с нетерпением ждали учительницу. Они уже обéгали все хаты, записали всех ребят.

Одна Мирониха не принимала участия в радости детей. Прошло уже два дня с тех пор, как в её хате побывала Марина Ивановна. Много мыслей тревожило Мирониху. В том, что учительница не пришла в ту ночь, как они уговорились, таилось для Миронихи самое страшное...

Мирониха почернела от беспокойства, цыкала на ребят, боялась уйти из хаты.

Утром чуть свет будила девочек:

— Гоните коров, девчата... Да Павлика с собой берите, пусть на травке побегает.

Валя и Лида сонно хлопали ресницами, недоумевающе смотрели на Мирониху:

— Да ведь темно ещё, тетя Ульяна!

В окошко еле-еле пробивался серенький рассвет.

— Ничего, ничего, не заблудитесь! Живо мне! — сурово покрикивала она на девочек.

— Вы, мамо, с ума сошли, чи що? — лениво откликалась из-за перегородки Маруська.

— Вот я тебе покажу сейчас! Дуже умная стала! — двигая в печке горшки, кричала на Маруську мать.

Синицына, недовольно посапывая, натягивала на Павлика длинные штаны:

— А его зачем? Только руки нам свяжет! Пусть бы спал себе...

— Ну да, «спал»... — покряхтывая, отзывался Павлик, довольный, что идёт с девочками. — Я ещё быстрей вас за коровами могу бегать!

Выпроводив девочек, Мирониха вставала у окна и молча глядела на улицу.

На третий день к вечеру заглянула к ней соседка Агриппина и, поманив её пальцем в сени, быстрым шопотом сообщила ей, что в ту ночь, когда загорелся клуб, учительку схватили гитлеровцы, что она сидит под замком и ни в чём не признаётся.

Мирониха тихо выпроводила соседку за дверь. Шатаясь, вошла в хату и два часа пролежала как мёртвая, отвернувшись лицом к стене.

Девочки шопотом говорили о школе, об учительнице, которая, наверно, пошла за учебниками и теперь уже обязательно придёт завтра. Валя опять складывала и рассматривала тетради, по аккуратно подписанным на обложках фамилиям заранее определяла, сколько будет в школе отличников. Лида и Нюра вспоминали, с чего начинало свою работу в школе их звено. Они боялись осрамиться перед новой учительницей.

Ночью Мирониха встала, вынула из-под кирпича круглую печатку вместе с какими-то бумагами, свернула в узелок платье учительницы и зарыла всё это на своём огороде, тщательно прикрыв ботвой. Потом, едва дождавшись рассвета, снова выпроводила девочек из дому.

«Нехай там сидят, меньше знать будут», — тревожно подумала она про себя.

Маруська острыми серыми глазами исподтишка наблюдала за матерью. Когда девочки ушли, она вылезла из постели и, натягивая на колени рубашонку, уселась за столом.

— Ты чего? — спросила её мать.

— А ты чего? — уставилась на неё Маруська.

Ульяна подошла, прижала к себе спутанную светлую голову Маруськи и заплакала:

— Тяжко мне, доню!

Маруська шмыгнула носом, усмехнулась ласковой отцовской усмешкой:

— Скоро наш батько фашистов побьёт! Начисто всех выбьет! И нас к себе заберёт! Цыть, мамо...

Миронихa молча улыбнулась сквозь слёзы.

— Красная Армия вернётся! — уверенно сказала Маруська и погладила мать по спине. — Цыть, мамо...

Они долго сидели у стола.

— Если что, так ты за меня не цепляйся, доню. Детей малых не кидай, до батька их предоставь. Люди помогут тебе, — говорила Мирониха. — Все мы под смертью живём сейчас...

Глава 49

ЭТО МОЯ УЧИТЕЛЬНИЦА!

Коровы, недовольно мыча, выходили навстречу девочкам.

— Что это ни свет ни заря вы нынче? — испуганно спрашивали колхозницы, осторожно открывая ворота и оглядывая тёмную улицу.

— Велели нам!

Валя шла сзади. Лиловая, выгоревшая от солнца кофта Миронихи закрывала её до колен. Светлые косы, заткнутые концами за ременный поясок, змейками лежали на груди. Из длинного рукава выглядывала синяя трубка тетрадок. Валя всюду носила их с собой, чтобы младшие дети Миронихи случайно не подобрались к ним и не растрепали чистенькие страницы. Размахивая рукавами и подгоняя коров, девочка отстала от подруг и, тихо мечтая про себя, высчитывала по пальцам дни, оставшиеся до сентября.

Над дорогой шелестели пожелтевшие листья берёз, из-за плетней выглядывали красные и бурые кусты; груши-дички валялись на земле, яблони с поломанными ветками кое-где на самом верху хранили для хозяев одно-два яблока.

«Если не считать воскресенья, то осталось пять дней... Всего пять дней!» — считала Валя.

Перед её глазами вставало лицо учительницы.

«И как это тогда, у костра, я даже не подумала, что она будет нашей учительницей? Как это я не подумала?»

Несколько коров отстают от стада и мирно щиплют траву под плетнём.

Валя взмахивает длинными рукавами:

— А ну! А ну! Куда!

Мелкие комочки земли щекочут босые ноги. Валя трёт ногу об ногу; подпрыгивая, бежит вперёд. Потом снова замедляет шаг и, улыбаясь, смотрит на серое небо.

«Она сказала: «Мы всегда будем вместе, ты будешь моей помощницей...»

Нюра и Лида машут Вале рукой. Павлик, упрямясь, как молодой бычок, стал на дороге.

— Вот я тебя! — грозит ему Валя. — Маме скажу!

Павлик называет Мирониху мамой, он любит и слушается её. Слушается и Валю. А Нюру не слушается, Нюра его очень избаловала.

— Иди сейчас же! А то домой отведу! — кричит на него Валя.

Павлик нехотя протягивает Нюре руку и плетётся за ней по дороге.

«И зачем это тётя Ульяна посылает его с нами?» — с досадой думает Валя. Но мысли эти ненужные, короткие. Думать сейчас хочется о школе. Все на свете девочки и мальчики думают сейчас о школе. Даже облачное небо, и красно-бурые кусты, и осеннее солнце — всё напоминает о школе, приближаясь к сентябрю.

Валя напевает песенку и, подпрыгивая, бежит догонять подруг. Сейчас за селом начнётся лес, а за лесом — их поляна и большой пень.

Может, сегодня наконец придёт тётя Оксана? Давно не было тёти Оксаны. Приходила другая женщина, унесла молоко, ничего не сказала...

— Валю! Валю! — дрожащим шопотом зовёт кто-то из кустов.

Валя смотрит вокруг. У последней, крайней хаты, прижавшись к плетню, стоит хроменькая Фенька. Валя знает её — она тоже записалась к новой учительнице.

— Валю! Валю! — всхлипывая, зовёт Фенька. Маленькие руки её мелко-мелко дрожат, перебирая подол ситцевого платья.

— Ты что, Фенечка? Феня?

— Валю... Учительку... фашисты... зáраз...

Валя трясёт Феньку за плечо, смотрит на неё остановившимися глазами.

— ...стрелять повели, — всхлипывая, говорит Фенька и взмахивает слабой, дрожащей рукой. — В овраг...

Валя отпускает Фенькино плечо. Потемневшими глазами глядит на узкую тропинку, спускающуюся в овраг. И, вскрикнув, стремглав летит вниз по этой тропинке. На крутом спуске ноги её скользят, ветки хлещут по лицу, но, раскрыв широко руки, она летит, как по воздуху.

Впереди, за кустами орешника, уже мелькают гитлеровские каски и между ними знакомый синий жакетик учительницы.

— Не стреляйте! Не стреляйте!

Гитлеровцы медленно поворачивают головы, учительница вздрагивает. Изо рта её на расстёгнутую сорочку сбегает струйка крови, прядь волос падает на лоб.

Валя бросается к ней на грудь.

— Это моя учительница! Это моя учительница! — кричит она, загораживая её слабыми детскими руками. — Не стреляйте! Не стреляйте!

— Валя, уйди! Уйди! — отталкивает её от себя Марина Ивановна.

Солдаты отходят на три шага и медленно поднимают винтовки.

— Остановитесь! Здесь ребёнок! — закрывая собой девочку, кричит учительница.

Залп выстрелов обрывает её слова... Синяя трубка новых тетрадок вместе с длинными рукавами Миронихиной кофты медленно опускается

на траву. Валя широко раскрывает глаза и со вздохом откидывает голову на грудь учительницы...

* * *

— Валечка... Валя... Подружка моя! — бьётся в траве Нюра Синицына.

Лида Зорина прижимает к лицу холодные руки Вали, греет их горячим дыханием, низко наклоняется над Мариной Ивановной.

— За доктором... за доктором!.. — растерянно бормочет она, глядя вокруг ничего не понимающими круглыми глазами.

Хроменькая Фенька, плача, опускается на землю.

Они лежат рядом — Валя и её учительница. Рука Марины Ивановны, пробитая фашистскими пулями, закрывает грудь девочки.

— Валечка... Валя... Подружка моя! — рвётся из оврага крик Нюры Синицыной.

Глава 50

ПАРТИЗАНСКИЕ КОСТРЫ

На много километров тянется вдоль шоссе густой смешанный лес. Он стоит грозной стеной, пряча от непрошенных гостей глухие, путаные тропы. На низких, сырых местах, припав к земле разлапистыми ветвями, растут старые, мохнатые ели, в мшистой почве легко утопает нога. За столетними деревьями чернеют глубокие лесные овраги. Заросшие орешником, густо заплетённые зелёными ветками, они таят от чужого человека свою тёмную глубину.

«Свой? Чужой? Свой? Чужой?» — неутомимо вопрошают какие-то птицы.

Глух и страшен лес для врага.

Проезжают по шоссе вражеские автомашины; трусливо вглядываются в тёмную чащу солдаты и офицеры, не выпуская из рук оружия; усиленный конвой охраняет легковые машины фашистских генералов.

Лес не щадит врага. Неохотно впускает он его в свои дебри, наглухо смыкает за ним тяжёлые ветви, заводит в лесные овраги, топит в болотах.

Ни один карательный отряд, посланный на партизан, не вернулся назад из лесной крепости.

«Свой? Чужой? Свой? Чужой?» — вопрошают птицы.

В тёмной глубине леса хозяйничают партизаны.

Над кострами поднимается серый дымок, весело трещат сучья, жарко охватывает огонь привешенные на железке солдатские котелки; тёплый запах человеческого жилья смешивается с запахом леса.

Около покрытых дёрном, наспех сделанных землянок собираются кучками партизаны. Много разных людей в лесу!

Молодые, безусые хлопцы и седые бородачи пришли сюда из занятых фашистами сёл и хуторов; есть и военные, отбившиеся от своих частей, вырвавшиеся из окружения красноармейцы в потёртых, грязных шинелях. Тёмные, облупившиеся от дождя и ветра лица суровы, редкие улыбки разгоняют морщины бородачей; молодые хлопцы с озорными огоньками в глазах, бесстрашные в

бою и жадные к жизни, запевают песни, сложенные про партизан:

Як у лиси, темним лиси
Дивчина ходыла.
Ой, вы, хлопци-партизаны,
Наша грозна сыла!
Вызволяйте из неволи
Ридну Украину,
Нашу землю, нашу долю
И мене, дивчину...

Яков Пряник, придвинувшись ближе к огоньку, чинит седло и думает вслух:

— Если, скажем, назвать человека скотиной? Ну, ясно, обидно ему покажется. А вот, к примеру, Гнедка́ нашего вполне к человеку приравнять можно...

— Тьфу! — сплёвывает в огонь Илья. — И чего у тебя, Яшка, всегда посторонние мысли в голове?

— Как это «посторонние»? — удивляется Яков, поднимая красные от жара веки. — Это твоей голове они посторонние, потому как у тебя простора там мало, а в моей голове всему места хватит!

— О другом думать надо, — хмуро цедит Илья, свёртывая цыгарку и указывая на зелёную брезентовую палатку. — Важные вопросы решаются, а ты языком треплешь...

— Эй, дядя Яков! Помнишь, орёл, как ты фашистов малиной угощал? — шумно присаживаются к костру хлопцы.

— Он угостит, пожалуй! — кивает на Пряника добродушный старик, приглаживая курчавые волосы.

— А чего же? И малинкой и ежевичкой уго-

щу! — подмаргивает Яков. — Лес большой, чем богаты — тем и рады. Русский человек гостеприимство любит!

Глаза у хлопцев загораются весельем:

— Пока он малиной угощал, мы другое угощенье для фашистов состряпали: взрывчатку под рельсы подложили.

— Одних угощал, а другие подавились, — говорит Яков.

Хлопцы смеются.

Из палатки выходит Степан Ильич. Он держит в руке длинный белый листок. Смех моментально смолкает.

— Сюда, сюда, Степан Ильич!

— Вот местечко, пожалуйста!

— Эй, бойцы! Сводка пришла! Свод-ка!

У костра становится тесно, из землянок торопливо выходят бойцы. Степан Ильич усаживается на траву:

— Сейчас, сейчас, товарищи!

Опершись ладонями в колени и глядя на Степана Ильича, партизаны насторожённо ждут. Слышно только глубокое, сдерживаемое дыхание людей.

— Сними, сними котелок! Булькает! — толкает Якова Илья.

Кто-то поспешно стаскивает с огня котелок; вода брызжет в огонь и шипит.

— Ну что вы, как дети малые! — расстроенно разводит руками старик. — В огонь воды наплескали — ничего не слышно...

— «...На Смоленском направлении, — медленно читает Степан Ильич, — двадцатишестидневные бои за город Ельня, под Смоленском, закончились разгромом дивизии «СС», 15-й пе-

хотной дивизии, 17-й мотодивизии, 10-й танковой дивизии, 137, 178, 292, 268-й пехотных дивизий противника. Остатки дивизий противника поспешно отходят в Западном направлении. Наши войска заняли город Ельня...»

— Значит, бьёт наша армия его, подлюгу!

— Ещё как бьёт!

— И армия его бьёт, и мы бьём, а ему всё конца и краю нет! Валит валом, да и всё!

— А ты что же, сразу думал его уничтожить?

У костра завязывается жаркая беседа. Степан Ильич, окружённый со всех сторон, не успевает отвечать на вопросы.

Около палатки командира прохаживается часовой. Он нетерпеливо окликает пробегающего хлопца:

— Неси листок сюда. Чуешь? Листок, говорю, неси!

В палатке просторно. Посередине — дубовый стол, крепко вбитый ножками в землю. Мирон Дмитриевич, стоя около стола, докладывает:

— ...В настоящий момент на вооружении отряда имеется тридцать винтовок, семнадцать автоматов, два ручных пулемёта. Это, Николай Михайлович, пока всё, что у нас есть.

— Так, хорошо!

Николай Михайлович смотрит в свою записную книжку. Сухие, твёрдые губы его шевелятся, как бы что-то подсчитывая; над высоким лбом поднимается седой ёжик коротко подстриженных волос, глаза быстро и внимательно взглядывают на Мирона Дмитриевича.

— Сейчас ваше хозяйство значительно расширится благодаря соединению с макаровцами. Последняя операция на Жуковке даст вам воз-

можность одеть своих людей, а то, знаете, некоторые выглядят у вас... как бы это выразиться... — Он с весёлой усмешкой смотрит на бывшего директора МТС.

— А что же я с ними сделаю, як нет возможности? Приказал бриться-мыться, чиститься — и всё тут! — разводит руками Мирон Дмитриевич.

— Так вот, эта операция на Жуковке даст вам возможность одеть людей. Там есть сапоги, в большом количестве бельё...

Напротив секретаря райкома, ссутулившись, сидит Коноплянко. Голова его с мягкими прядями тёмных волос опущена вниз. Рядом шумно двигается большой чёрный, как цыган, кузнец Костя. Его живые глаза жарко блестят из-под бровей. За палаткой слышится лёгкий шум и сердитый голос:

— А я говорю — нельзя! Комсомолец, а не понимаешь!

За столом все пятеро склоняются над картой. Мирон Дмитриевич обтачивает ножом тоненькую палочку.

— Я выбрал для соединения с макаровцами Лукинский лес, — как бы продолжая начатый разговор, указывает он на карту. — Пожалуйста, смотрите сюда. Вот тут, вправо от этого леса, находится село Лукинки. Я уже связался с тамошними людьми. Люди это верные, обещают оказать поддержку продовольствием. Дальше...

Николай Михайлович берёт у него из рук палочку:

— Позвольте, Мирон Дмитриевич. Сейчас разберёмся. Тут неподалёку проходит линия фронта...

За палаткой снова приглушённые голоса.

Оксана несёт на коромысле выстиранное сырое бельё. Несколько хлопцев отделяются от товарищей и бегут к ней навстречу:

— Давай, давай, мамаша! Тяжело ведь. Гнать твоего помощника надо — чего он тебя нагрузил?.. Эй ты, прачка! Тебе что поручено?

Курносый хлопец с голыми красными руками смущённо подтягивает штаны:

— Я им казав, а воны не слухають. Коромысло на плечи, та и ходу!

— Ладно вам спор заводить! Не старуха я, чтобы на печи сидеть. Развешивайте бельё да несите мне сухое: кое-что подлатать надо. У тебя, Сеня, иголка моя?

— Есть, есть!

Курносый Сеня вытаскивает из кармана свёрнутый в трубочку лопух. Из лопуха торчит иголка.

— Глупый ты хлопец! Кто ж в кармане иголку носит?

Только вчера Оксана стояла над свежей могилой отца и Матвеича. Партизаны несли почётный караул. Давали клятву отомстить за погибших товарищей. Склонившись над свежей насыпью, Оксана видела себя босоногой девчонкой, прильнувшей к плечу отца... «Ну що до батька прилипла, хиба дядько Иван хуже?» — шутил Матвеич, дёргая её за короткие светлые косички.

Возникали в памяти Оксаны совсем недавние картины. Вот она прибирает хату Матвеича и бранит его за беспорядок, а он, большой, неуклюжий, ходит за ней на цыпочках и говорит тихим, виноватым голосом: «Ну, дывлюсь я, откуда той беспорядок является? Может, как хозяева с хаты, так вещи друг до друга бегать начинают, а?

Побалакать, або що... А как хозяин скоро вернётся, то и не поспеют на свои места стать». — «Поспеют, если хозяин хороший. Не придумывайте свои сказки, диду, да не кладите сапоги под подушку, им там не место».

Оксана трогает землю. Ничего больше не будет... Всё тут, под бугорком сырой земли... Тяжёлые, медленные слёзы ползут по её щекам...

«Где бы ни был я, дочка, а к тебе приду и умирать буду на твоих руках», — писал отец. Оксана смотрит на свои большие руки. Нет, не пришлось им прижать к груди седую голову отца, не пришлось отдать ему в последний раз всё тепло, всю ласку заботливых дочерних рук!

Долго сидела Оксана над могилой. Давно разошлись партизаны, тихо было в лагере... Но вот шевельнулась ветка, зашуршал под осторожными шагами валежник, мелькнула в темноте одна, другая пара глаз... Оксана вспомнила, что не одному отцу и Матвеичу она была нужна. Много ещё места для своих людей в её большом материнском сердце!

Она встала, вытерла насухо слёзы и, поклонившись, сказала своё обычное:

— Пойду пока...

В отряде Оксана познакомилась с Митей. Рассказала ему, что девочки живут у Миронихи, что она часто видела их, приходя на поляну, где они пасли коров. Митя ходил счастливый и всё расспрашивал Оксану, как они живут, что делают, здоровы ли.

— Я их обязательно повидаю! Какая тяжесть у меня с души спала, Оксана Николаевна, вы и представить себе не можете!

Весть о смерти Матвеича и Николая Гри-

горьевича потрясла Митю. Он знал, что ребята в ту ночь пошли на пасеку, и больше о них никто ничего не слышал. Митя не находил себе места.

— Если б Мирон Дмитриевич отпустил меня, — говорил он Оксане, — я б их нашёл. Я всё кругом обыщу!

Оксана обещала попросить Мирона Дмитриевича. Вспоминая Васька, она улыбалась и задумчиво говорила:

— Помню я его. Сердцем помню. Других-то меньше знаю, а его помню...

Смерть Вали была новым ударом для Мити. Оксана тоже знала и любила Валю, но, глядя на серое и осунувшееся лицо Мити, строго говорила:

— Распрямись, голубёнок мой! А то насядет горе, и не сбросишь его никак. Подыми голову, Митя! Не поддавайся, голубчик!

Теперь Митя нетерпеливо ждал конца совещания. Мирон Дмитриевич обещал ему поговорить с Николаем Михайловичем и решить вопрос, как искать ребят.

Время тянулось мучительно долго. Митя пробовал пройти в палатку, но часовой сердито загораживал ему вход:

— Ты ж комсомолец, а не сознаёшь. Приезжий человек тут присутствует, понятно это тебе?

В палатке решались важные дела.

— ...Фашисты не должны догадаться, что отряд ушёл из этих мест. Нужно время от времени давать им о себе знать и здесь. Кого вы оставите для этой цели, Мирон Дмитриевич?

— Люди у меня уже намечены. Человек двадцать я оставлю здесь с Костей.

Костя, неловко улыбаясь, встал.

— Я им покою не дам! — усмехнувшись, пообещал он.

Николай Михайлович внимательно посмотрел на Костю и улыбнулся. От улыбки глаза его сразу потемнели.

— Я помню вас, товарищ. Мы встречались на пасеке у Ивана Матвеича.

— Встречались, — со смущённой улыбкой ответил Костя. — Мы с Митей Бурцевым приходили, с комсомольцем.

— Помню, помню! — кивнул головой Николай Михайлович и обернулся к Мирону Дмитриевичу: — Ещё кого вы решили оставить? Для связи с окрестными сёлами?

— Я думаю — Степана Ильича. Лучшего человека не найти.

— Правильно. А где находится семья Степана Ильича?

— Семья у него на хуторе. Жена с сынишкой ещё раньше до своей матери ушли в Горлинку, а мать его была здесь, но вчера я её тоже туда отправил.

Николай Михайлович кивнул головой и сморщил лоб:

— А эта, другая женщина...

— Макитрючка? — подсказал ему Мирон Дмитриевич. — Эта — у меня. Разведчица. Во всех операциях участвует. Боевая!

В палатку вошёл Степан Ильич и грузно опустился на табуретку:

— Там Бурцев ждёт не дождётся.

— Да, Митя Бурцев! Вы мне что-то хотели о нём рассказать?

Степан Ильич, сжав свои большие ладони, придвинулся к столу:

— Тут, Николай Михайлович, такая история с московскими пионерами...

Мирон Дмитриевич затушил в пальцах горящий окурок и подсел поближе:

— Да-да, это дело спешное!

Николай Михайлович внимательно выслушал короткую историю Трубачёва и его товарищей. Резкая складка легла на его лоб.

— Почему не вывезли своевременно? — отрывисто спросил он.

Степан Ильич начал объяснять.

— Позвольте... Трубачёв? Что-то я слышал о нём от Ивана Матвеича. — Николай Михайлович провёл рукой по волосам, нахмурился. — Это не тот рыженький мальчик, который кричал иволгой на пасеке, то-есть сторожил нас? — спросил он вдруг с весёлой усмешкой.

— Он, он! — обрадовался Степан Ильич.

— Вспоминаю. Я его однажды встретил в селе.

Перед глазами Николая Михайловича встали длинная улица, плетень и вспыхнувший до ушей мальчик, уступающий ему дорогу...

— Ну что ж! Надо немедленно что-то предпринять. Где Бурцев? Попросите его сюда!

Степан Ильич заторопился к выходу. Николай Михайлович повернулся к Мирону Дмитриевичу:

— В Макаровке остались девочки. Где они там живут? Кто о них заботится?

— Они живут у моей жинки, как родные. Там и мои ребята, конечно.

— А! У Ульяны Леонтьевны? — Николай Михайлович покачал головой. — Вашу семью нужно перевести в другое село.

Мирон Дмитриевич постучал по столу пальцами, нахмурился:

— Куда я их переведу?

— Это мы сейчас решим. — Николай Михайлович снова заглянул в свою записную книжку. — Переведите в Семёновку. Там наши люди. Село стоит в стороне. Фашистов там нет, да и вряд ли они туда заявятся.

Мирон Дмитриевич развёл руками.

— Сделайте это немедленно. Я приказываю, — сухо повторил Николай Михайлович. — Оставлять их в Макаровке нельзя, да и не к чему. Это опасно.

В палатку вошёл Степан Ильич. За ним протиснулся Митя.

— Бурцев, — сказал Мирон Дмитриевич.

Митя вытянулся, козырнул:

— Есть Бурцев!

Степан Ильич ободряюще кивнул ему головой. Коноплянко поднял глаза и снова опустил их.

— Ну вот. Я всё слышал, Бурцев, — сказал Николай Михайлович. — Мы с Мироном Дмитричем договорились. Командируем тебя на поиски твоих пионеров. Возьми верного человека и отправляйся. Доставишь их в отряд, а там мы постараемся их переправить через фронт. Понял?

— Спасибо, — дрогнувшим голосом сказал Митя. — Можно идти?

— Подожди. А с девочками как решим?

— В Макаровке только две девочки, я заберу их — они из одной школы.

Николай Михайлович посмотрел на измученное лицо Мити, на мальчишескую шею, выступающую из выцветшей гимнастёрки, и улыбнулся:

— Ну, тебе виднее. Бери их всех. Мирон Дмитрич как-нибудь переправит. Ступай.

Митя вышел.

— Золотой хлопец. Нужный в отряде человек, — сказал Мирон Дмитриевич.

Николай Михайлович поглядел на ссутулившегося в углу Коноплянко.

— Товарищ Коноплянко! — мягко окликнул он. — Мы хотим дать вам ответственное задание.

Коноплянко вскочил. На щеках его вспыхнули красные пятна.

— Я прошу послать меня в самое жаркое дело! — Голубые запавшие глаза его заблестели.

Николай Михайлович молча указал на табуретку:

— Сядьте, Коноплянко! Нам всем тяжело терять наших товарищей... Я понимаю вас...

Он положил руку на тонкие вздрагивающие пальцы Коноплянко. Степан Ильич отошёл в сторону. Мирон Дмитриевич старательно собирал в кучку рассыпанный на столе табак.

— Вы поедете на Большую землю, — продолжал Николай Михайлович. — Мы дадим вам ответственное задание, о котором я с вами поговорю особо. Вы захватите с собой вот эту бумагу. Она представляет значительный интерес для нашего командования.

Николай Михайлович вынул из портфеля сложенный пополам лист и не спеша развернул его.

Коноплянко бросились в глаза немецкие слова и даты, написанные неровным, детским почерком. В углу разлилась жирная клякса, наспех подчищенная ногтем.

— За эту бумагу наш товарищ заплатил своей жизнью, а Сева Малютин, школьник, который

оказал нам эту неоценимую услугу, бродит где-то в лесу. Помните это, Коноплянко! — Секретарь райкома строго посмотрел в голубые глаза Коноплянко и протянул ему руку: — Приготовьтесь к отъезду. О деталях поговорим особо... А теперь, Мирон Дмитрич, пойдёмте побеседуем с вашими людьми.

Он вышел. Коноплянко молча и благодарно смотрел ему вслед.

* * *

Через час по лесной дороге, потряхивая грибной корзинкой, шёл Яков Пряник. Впереди Якова почти бежал Митя, одетый в длинное пальто с поднятым воротником и в щегольской кепке.

— Не то кулак, не то барин, — оглядывая его, смеялся Яков.

Поиски решили начать с пасеки.

— Я уже был там! — взволнованно говорил Митя. — Баба Изга сказала, что они пошли на пасеку, но на этом все следы и кончаются.

— Где кончаются, там и начинаются. Значит, на пасеке и искать надо, — спокойно отвечал Пряник. — А главное, не спеши. Тише едешь — дальше будешь. Человек не иголка, а ребята и вовсе. Найдём!

Глава 51

КУДА ИДТИ?

Солнце стояло высоко. Прошло уже два часа с тех пор, как ребята вышли с мельницы. Шли медленно, аккуратно выкладывая на пути дорожные знаки. «Иди прямо!» — указывали стрелы.

Около шоссе долго сидели в канаве, пережидая, пока проедет немецкий обоз. Бобик рвался из рук и рычал, шерсть на нём стояла дыбом.

Снова выложили знак из камней: «Иди прямо!» — и перешли шоссе.

Начался лес. Укрытые густой зеленью деревьев, ребята вздохнули свободней. Васёк оглядел своих товарищей. Курточки у них были пыльные и измятые, щёки серые. События прошлой ночи вселили в них страх и неуверенность. Они шли кучкой, пугливо оглядываясь по сторонам. На Севу было больно глядеть. Он еле тащился, тяжело дыша и прижимая к сердцу тоненькую руку.

Васёк испугался:

— Сева, ты что? Заболел?

Сева поднял на него страдающие глаза и улыбнулся:

— Не-ет... Ни-чего...

— Что «ничего»? Плохо ему! Я давно вижу, — расстроенным голосом сказал Саша.

— Он ещё на мельнице заболел, — вздохнул Одинцов. — У него сердце бьётся, наверно.

— Малютин, у тебя сердце, да?

Ребята окружили товарища, по очереди прикладывали ухо к худенькой груди Севы.

— Ой, как бьётся!

— Прямо как молотом стучит!

— Сева, давай мы понесём тебя!

— Нам это ничего не стоит!

— Честное слово, Севка!

— Нам это даже практика!

Ребята гладили Севу по спине. Саша грел его холодные руки и просил:

— Мы понесём тебя, а? Согласись, Сева!

— Да нет, что вы... Я сам пойду... Это ничего, пройдёт, — бледно улыбался Сева.

— Да ведь трудно тебе идти! — беспокоились ребята.

Один Генка не принимал ни в чём участия. Пустыми глазами смотрел он вокруг, молча шёл вперёд, молча ждал, когда ребята выкладывали дорожные знаки. Петька озабоченно поглядывал на Генку и толкал Мазина.

— Иди ты ещё! Горе у человека — и всё! — огрызался Мазин.

Голод невыносимо мучил Мазина. В пустом желудке урчало, живот втянуло под рёбра, во рту набегала слюна. Мазин тихонько ощупывал в кармане сухую, заплесневелую горбушку, найденную на мельнице, ковырял её ногтем, но не осмеливался взять хоть крошку из драгоценного запаса.

«Не мне одному есть хочется», — оглядываясь на товарищей, думал Мазин.

Никто не жаловался, но по лицам, вытянутым и печальным, было видно, что ребята уже давно голодны.

Тоненький Коля Одинцов потуже затянул свой пояс; у Саши вытянулось лицо, и круглые глаза стали большими и грустными; Петька поминутно совался в кусты, искал в траве щавель и заячий лук. Генка молчал — никто не знал, сыт он или голоден. Бобик, свесив язык, уныло плёлся за ребятами.

Васёк не сдавался. Охваченный тревогой за себя и своих товарищей, он бодро шёл вперёд, стараясь подавить подступающую к горлу тошноту.

— Куда мы идём? Надо бы посоветоваться, — говорил Ваську Одинцов.

— Надо раньше уйти подальше в лес, сделать там привал, — отвечал Васёк. — Ты знаешь эти места? — спрашивал он Генку.

Генка, не разжимая губ, кивал головой.

— А тут партизаны есть?

— Может, и есть, — равнодушно говорил Генка.

— Ты веди нас в самое глухое место, чтобы мы там могли сделать привал и, может, переночевать. Понял?

Солнце уже бродило где-то за деревьями, когда ребята, пройдя редкое полесье, вступили в тёмную чащу. Потянуло сыростью, под ногами стелился мох, косматые ели преграждали путь. Генка грудью продирался вперёд, на ходу обламывая сухие, колючие ветки и мягко отводя рукой зелёные. Севе расчищали путь Одинцов и Саша. Где-то близко зажурчала вода. Генка остановился, прислушался и повернул влево.

— Подожди! Выкладывайте дорожные знаки! Здесь поворот! — сказал Васёк.

Севу усадили на пень. Он жадно дышал свежим хвойным запахом леса. Ребята долго и озабоченно выкладывали знаки. Сева подозвал Русакова:

— Здесь должны быть грибы... Ты посмотри, Петя!

Русаков радостно закивал головой и шмыгнул в кусты.

Генка привёл ребят к тихому ручью. Ручей монотонно булькал на дне оврага. По склону поднимались молодые сосенки. Над сосенками зелёной крышей переплелись ветви смешанного леса. Сквозь них жёлтыми бликами пробивалось

солнце. Генка показал на вывороченное дерево. Глубокая сухая яма виднелась из-под узловатых корней, обросших коричневым мохом.

— Здесь!

Бобик бросился к ручью. Ребята огляделись:

— Знатное местечко!

— Спасибо, Генка!

Сбежали вниз. Жадно пили воду. Напоили Севу, разгребли под корнями яму. Саша постелил своё пальтишко. Сева с благодарностью смотрел, как хлопочут товарищи, но говорить ему было трудно. Он лёг и закрыл глаза.

Ребята сели около ручья. Голод тянул их к воде.

— У нас ничего нет... никакой еды, — с усилием сказал Васёк и посмотрел на товарищей.

— Это пустяки. Можно потерпеть.

— Человек может четырнадцать дней жить без еды.

— Ну, четырнадцать дней не проживёшь.

— В лесу не умирают от голода, — строго сказал Трубачёв.

— Здесь есть грибы, — буркнул Мазин.

— А у меня есть спички! — с торжеством сказал Петька.

— Где? Где? — Ребята оживились, полезли смотреть на измятую спичечную коробку.

— Я её на мельнице нашёл. Пошарил на окне, смотрю — спички!

— Я тоже кое-что нашёл! — Мазин вынул из кармана заплесневелую горбушку.

— Хлеб! Хлеб!

Глаза у ребят жадно заблестели. Бобик облизнулся, завилял хвостом. Васёк потрогал горбушку.

— Не клади на траву, а то муравьи растащат, — отворачиваясь, сказал он.

— На́, спрячь. Мы сейчас грибов найдём и сделаем похлёбку, — сказал Мазин. Он тряхнул своим тощим вещевым мешком. Оттуда со звоном упало зелёное ведёрко. — Это я на пасеке взял, — нехотя пояснил Мазин.

Генка вытащил из кармана грязную тряпочку, развязал зубами узелок и положил рядом с горбушкой комок слипшейся соли.

— Всё! Всё! — кричали ребята. — Всё у нас теперь есть!

Саша побежал к Севе:

— Малютин! Севка! Мы похлёбку будем варить, мы тебя прямо до отвала накормим! Мы сейчас все за грибами пойдём!.. Пошли, ребята!

— Генка, где тут грибы? Лисички или маслята?

— Я найду, — вместо ответа сказал Генка.

Ребята побежали за ним.

— Не уходите далеко, — предупредил Васёк.

Он сел на берегу ручья и опустил голову. В глазах было зелено, колени дрожали. Одинцов вернулся, присел рядом с ним.

— Вот поедим, Трубачёв... ладно? А потом посоветуемся, ладно? — робко сказал он.

Васёк кивнул головой.

* * *

— Всё б тебе, Петька, есть да есть! Об одной еде ты только и думаешь, — ковыряя палкой землю, ворчал Мазин. — Уж ты мне и про сырую рыбу в землянке припомнил и про Макитрючкины вареники... Трепло ты, Петька!

— Да я же только так вспомнил... как мы ели когда-то... вообще...

— «Вообще, вообще»! Никто не жалуется, один ты скулишь! И тошнит тебя, и под рёбрами болит...

— Я этого не говорил даже! — вытаращил глаза Петька.

Мазин сплюнул голодную слюну:

— Не говорил, а всё понятно... всё на твоей физиономии написано!

Петька молча смотрел на Мазина. Пухлые щёки товарища опали, под глазами легли глубокие тени. У Петьки задрожали губы, он нащупал

заветный кусочек завалявшегося в кармане сахара. Когда голод особенно мучил Петьку, он осторожно лизал языком этот сахар и, завернув в бумажку, прятал от самого себя. Теперь он вынул его и протянул Мазину:

— Нá, Мазин. Это правда — я просто нетерпеливый... Возьми, возьми! Я уже много съел... я ещё вчера ел...

Мазин хмуро посмотрел на Петькину ладонь:

— Почему не отдал Трубачёву? Сейчас всё общее, — сказал он, пряча в карман сахар. Потом увидел мокрые глаза Петьки и виновато сознался: — Я сам нетерпеливый... Сорвался на тебя зря...

Ребята принесли полные шапки грибов и весело принялись за стряпню. Чистили грибы. Перочинные ножи нашлись у всех. Костёр зажгли одной спичкой. Над ручьём потянулся дымок. Все сидели вокруг огонька. Бобик, положив на лапы голову, спал. Скоро в зелёном ведёрке забулькала похлёбка. Никто не говорил о страшных событиях, которые загнали их в лес. Но едва наступала тишина, как в памяти каждого вставала пасека, мёртвые лица Матвеича и дедушки Николая Григорьевича, пустая, брошенная мельница... А в глазах у Васька возникало детское удивлённое лицо Ничипора и бился захлёстнутый петлей дед Михайло... Васёк вскакивал, с испугом глядел на Генку. Но Генка как будто омертвел. В тёмных глазах его, как в тёмной воде, отражалась зелень леса, матово переливались блёстки от огня. Похлёбку ели жадно, черпая из ведра самодельными ложками и обжигая рты.

— Сроду ничего вкуснее я не ел! — говорил Саша.

— Ещё бы! — подтверждали ребята.

Горбушку хлеба пилили перочинным ножом. Разделили поровну. Сахар, с общего согласия, решили отдать Севе.

— Да зачем, ребята! Я уже лучше себя чувствую, — сконфуженно отказывался Сева. Он съел размоченный в похлёбке хлеб и несколько варёных грибов.

— Вкусно тебе? — спрашивали ребята.

— Вкусно, — улыбался Сева.

— Заешь сахаром.

— Я завтра лучше...

Бобик долго гремел ведром, доедая остатки. Похлёбка подействовала на всех, как волшебное питьё. Щёки зарумянились, глаза заблестели, клонило ко сну. Не хотелось думать, что будет дальше; хотелось, разбросав усталые руки и ноги, спать, спать, спать... Даже Генка, свернувшись калачиком на земле, закрывал глаза.

— Спите! — махнул рукой Васёк.

— А кто будет ночью дежурить? — спросил Одинцов.

Васёк вспомнил, что в тревожную ночь, когда они были в походе, Митя дежурил сам.

— Я буду, — сказал он.

— Один?

— Если надо будет, разбужу кого-нибудь.

— Тогда ложись сейчас, а мы с Сашей посидим, — предложил Одинцов.

Васёк не стал отказываться, натянул на уши курточку и лёг около Севы. Мохнатые корни дерева скрыли его под своим навесом, покачали коричневой бородой, пощекотали ему шею. Васёк вздохнул и закрыл глаза.

Глава 52

НОЧЬ КОМАНДИРА

Снова кричат ночные птицы. Снова с нудным гуденьем пролетают куда-то вражеские самолёты. И так же полон таинственных шорохов лес, но теперь нет рядом Мити. Васёк сидит на поваленном дереве. Ухо его привыкло к гуденью самолётов, ночные шорохи не пугают своей таинственностью. Не лес страшен Ваську Трубачёву, командиру пионерского отряда. Страшны люди в железных касках, с черепами на рукавах, страшна неизвестность и ещё страшнее ответственность, которая легла на его мальчишеские плечи. Что делать? Куда идти? Жив ли Митя? И найдёт ли он своих ребят? Где партизаны? Как искать их в этом большом, незнакомом лесу?

Васёк вспоминает жалкую кучку своих товарищей, испуганных, голодных, в грязных куртках...

На глаза его навёртываются слёзы. Он встаёт и присаживается ближе к яме, где спят вповалку ребята. Тёплое дыхание их успокаивает его. Трудно дышит Сева, но он тоже спит, повернув к Саше бледное лицо. Не спит только Генка, его глаза широко открыты. Васёк боится заглянуть в Генкины глаза, боится окликнуть товарища. Он со вздохом отворачивается.

Что делать?

Как поступил бы на его месте взрослый командир? Куда он повёл бы свой отряд? Какие-то смутные воспоминания проносятся в голове... обрывки рассказов о твёрдых, бесстрашных коммунистах, страницы прочитанных книг...

Возникает лицо Сергея Николаевича. Васёк

видит учителя в классе, на сборе, мысленно представляет себе учителя и на фронте. Вот он стоит между бойцами, такой спокойный, подтянутый, в военной форме. Васёк видит и бойцов, окружающих учителя, — они такие же спокойные и подтянутые, как их командир. Они пойдут за ним в бой, может быть на смерть, они не растеряются перед любой опасностью.

Васёк машинально стирает с рукава прилипший комок глины. Почему он не заставил ребят вычистить курточки и привести себя в порядок? На что он похож сам! Ведь он командир! Разве было бы так при Мите или Сергее Николаевиче? Васёк потихоньку спускается к ручью, растягивает на траве одежду, трёт холодной водой щёки, приглаживает непокорный чуб. Потом застёгивается на все пуговицы, медленно поднимается назад и осторожно вытаскивает из-под головы Одинцова вещевой мешок. В нём хранится пионерское знамя. Когда-то вместе с Митей, собираясь уходить из села, они аккуратно завернули его в платок и спрятали на самое дно вещевого мешка. Васёк присаживается на корточки и осторожно вынимает сокровище отряда. Свет луны падает на шёлковое знамя, блестит и переливается в мягких складках.

Васёк с трепетом читает вышитые на знамени знакомые слова:

«К борьбе за дело Ленина—Сталина будь готов!»

— Всегда готов! — шепчет Васёк.

Эти слова вливают в него новые силы. Мысли становятся ровнее, спокойнее.

Неожиданно приходит решение:

«Я поведу ребят в Макаровку, от Миронихи

узнаю о партизанах, может быть о Мите, возьму девочек. Я должен привести свой отряд к Мите!»

Васёк срезает толстую ветку орешника и при свете луны обтачивает ножом древко. Бобик тихонько вылезает из ямы и, широко зевая, садится рядом с мальчиком. Тёплая шерсть собаки напоминает забытый домашний уют. Но Васёк не позволяет себе вспоминать ничего, что может вызвать на глаза слёзы. Он не должен плакать! Командиры не плачут!

Васёк надевает на древко знамя и встаёт.

Приложив древко к плечу и вытянувшись во весь рост, он неподвижно стоит под красным знаменем, облитый лунным светом. Завтра он поведёт свой отряд в полном боевом порядке! И что бы ни ожидало их впереди, они не посрамят чести пионеров!

* * *

Солнце уже просвечивает сквозь листву, когда, сложив рупором ладонь, командир горнит утреннюю побудку. Ребята послушно вскакивают, протирают глаза и... бросаются к знамени.

— На зарядку становись! — останавливает их спокойный голос командира. — Назначаю кашеварами Мазина и Русакова! Варить грибную кашу!

— Есть варить кашу!

— Привести в порядок одежду!

— Есть привести в порядок одежду!

— Объявляю приказ по третьему отряду: через час выступить в полном боевом порядке! Направление — Макаровка.

— Есть! — радостно откликается отряд.

— Пионеры! К борьбе за дело Ленина—Сталина будьте готовы!

— Всегда готовы!

Глава 53

В ПУТИ

Снова тёмные чащи, запутанные тропинки. В оврагах и в сырых, болотистых местах острая осока ранит ноги. На коротких привалах — грибная похлёбка, сине-пепельная ежевика. От ежевики губы у ребят синие, пальцы как будто испачканы чернилами.

Сева находит какие-то растения, годные для еды.

— Это паутинистый лопух, — говорит он. — Корни его похожи на спаржу, их едят!

— Ну тебя, Малютин! — обижается Мазин. — Всегда ты что-нибудь придумаешь! Если хочешь знать, это просто колючки: их называют собаками, потому что они цепляются за платье.

— Это верно, но корни молодого лопуха едят. Жаль, у меня нет книжки — я бы тебе доказал!

— Он правду говорит, — неожиданно вступает в разговор Генка. — Я сам читал про это. А кислицу варил и ел.

Мазин безнадёжно машет рукой:

— Как-нибудь без лопухов обойдёмся.

— Генка, сколько отсюда до Макаровки километров? — спрашивает Васёк.

Генка морщит лоб:

— Як бы по шоссе, то недалеко. А так — кто его знает... може, километров двадцать...

Трубачёв спешит. Грибная похлёбка без соли и хлеба плохо подкрепляет силы. Голод начинает одолевать ребят: щёки у них пожелтели, глаза ввалились, около губ обозначились глубокие складки. От долгой, непривычной ходьбы болят ноги. Тапочки прохудились — ребята идут босиком, пробираясь по глухим местам, заросшим крапивой и колючками. Но никто не жалуется.

«Вот дойдём до Макаровки — и всё будет хорошо!» — думает каждый.

На привалах подробно обсуждается встреча с девочками; ребята оживляются, радуются.

— Трубачёв! Трубачёв! Мы так тихонько подойдём к их дому — и рраз! — как выскочим!

— Ну, «выскочим»! Там ведь фашисты. Надо тихо, по одному как-нибудь... Можно даже просто вызвать Валю или Лиду.

— Нюру надо вызвать! — вставляет Одинцов.

— Эх, Макаровка! Ещё найдёт ли нас Митя!

Мальчики еле плетутся. Лес, лес и лес... Нигде не видно просвета.

— А не заблудимся мы, Генка?

— Ни.

Потянулись сухие, нагретые солнцем вырубки. Под пнями — редкие, почерневшие ягоды земляники. Нет воды. Воду, запасённую на последнем привале, потратили на похлёбку. Зелёное ведёрко пусто. Бобик, свесив на сторону сухой язык, уныло плетётся сзади.

— Генка, скоро вода будет? — облизывая потрескавшиеся губы, спрашивает Васёк.

Генка разгребает жёлтые листья, берёт горсть земли, рассыпает её на ладони:

— Далеко... Коло Жуковки под мостом вода...

Ребята ещё острей ощущают сухость во рту.

— Около Жуковки так около Жуковки! Вперёд! — командует Трубачёв.

Жаркий полдень. В глазах красные, жёлтые, бурые листья. Лес наконец кончается.

Перед выходом на шоссе Васёк объявляет большой привал. Ребята без сил валятся на траву. Мазин и Русаков остаются на страже.

Петьку одолевает сон.

— Чего глаза закрываешь? — толкает его Мазин. — Здесь шоссе близко — того и гляди, на фашистов нарвёмся, а ты спишь!

— Я не сплю... Я просто сквозь ресницы смотрю... для интереса...

— Знаю я, какой у тебя интерес! А ещё хочешь разведчиком быть! — шопотом говорит Мазин, поглядывая на спящих ребят.

Петька придвигается ближе:

— А если Митя нас не возьмёт?

— А куда ему нас девать?

— Мало ли куда! В село какое-нибудь...

— Я не пойду! — решительно заявляет Мазин. — Я бы сейчас ушёл, да Трубачёва не хочу подводить.

Петька задумывается, потом шепчет, показывая на Васька:

— Он и сам воевать захочет.

— Не захочет, если не позволят! Для него приказ — это всё!

— А для нас, Мазин? Мы ведь тоже пионеры...

— «Для нас, для нас»! — передразнивает его Мазин. — Что для других, то и для нас. Только ведь мы Р. М. З. С. Забыл? Мы должны на войне послужить Родине!

— Конечно! Мы для этого тренировались, — округлив глаза, шепчет Петька.

Но Мазин уже не слушает его. Странный, розовый свет ложится на траву. Словно освещённые изнутри, стоят на опушке прямые жёлтые сосны, за ними краснеет широкая полоса неба.

— Петька, зарево!

Генка беспокойно ворочается во сне, открывает глаза и сразу вскакивает:

— Горит!

— Петька, буди ребят!

Через минуту весь отряд собирается на опушке леса. Под высокой, обрывистой опушкой проходит шоссе. Отсюда далеко видны колхозные поля. Небо охвачено огнём; за полем, на расстоянии километра, бушует пламя.

— Село! Село горит! Эсэсовцы жгут село! — шопотом говорят ребята.

— Проклятые! Проклятые!

В тишине прорывается гневный голос Генки:

— Жгите, жгите, гады! Попомнится вам моя земля!

* * *

На последней ночёвке перед Макаровкой снова стоит на посту Васёк. Неровный свет луны пробегает по худым, измождённым лицам его товарищей.

— Гена... моя мама будет любить тебя, как родного, — слышится в темноте шопот Севы.

— Одна у меня матерь — Украина. И батько у меня есть — Сталин. Не сирота я, — угрюмо отвечает Генка. — Спи.

Глава 54

ТРУБАЧЁВ ПРИШЁЛ!

— Девочка! Девочка!..

Хроменькая Фенька прижимает к плетню острое личико и смотрит на дорогу.

— Девочка! Это свои, не бойся!

Из кустов осторожно поднимается рыжий мальчик. У него тёмные, запавшие щёки и синие глаза с лихорадочным, голодным блеском. Он протягивает через плетень худую руку:

— Послушай, девочка...

Фенька боязливо отступает назад.

— Нема хлиба, за́раз картошки вынесу, — бормочет она, поворачиваясь, чтобы бежать в хату.

— Нет, нет! Подожди, подожди, девочка! Иди сюда!

Фенька останавливается. Мальчик оглядывается на дорогу и тихонько спрашивает:

— Знаешь Мирониху?

Фенька кивает головой.

— Послушай! У неё есть девочки. Это наши. Вызови их, скажи — Трубачёв пришёл.

— Московские? — шопотом спрашивает Фенька.

— Да! Да! Знаешь ты их?

— Знаю.

Фенька пытливо смотрит на мальчика и боком перелезает через плетень:

— Они тут, на поляне. До Вали пошли. Пойдём — покажу!

Она, прихрамывая, бежит по тропинке; Васёк едва поспевает за ней.

— Подожди немножко... Я не один, я с товарищами! — говорит Васёк.

Из кустов один за другим выходят ребята. Бобик рвётся из рук Пети Русакова и тихо рычит.

Фенька останавливается. В глазах её мелькает беспокойство.

— Вон они, за оврагом... на поляне, — быстро говорит она и, повернувшись, бежит назад.

— Девочка! Девочка! Не бойся! — кричит ей вслед Васёк. — Это свои!

Но Фенька не оглядывается.

— Испугалась нас! — вздыхают ребята. — Что же делать теперь?

— Ничего, сами найдём! Тут близко — на поляне где-то...

Мальчики спускаются в овраг, карабкаются наверх, потихоньку советуются:

— Может, лучше к Миронихе идти?

— Где тут поляна? Лес начинается уже...

— Жаль, испугалась девочка. Она бы показала.

— Эй, хлопцы, куда пошли? — вынырнув из густой травы, машет рукой Фенька. — Налево идите! За дубами тропинка будет. Чуете?

— Чуем! Чуем! Иди сюда!

— Не тронем мы тебя!

— Эх ты, проводила бы!

Фенька мотает головой:

— Сами найдёте — за дубами!

— Пошли! — говорит Васёк.

На пригорке — широкостволые, старые дубы. Ребята насторожённо и радостно улыбаются. На их лицах — нетерпеливое ожидание встречи. За дубами неожиданно открывается светлая лесная

поляна. Солнце косыми лучами падает на траву. Под молодой берёзкой, у свежей насыпи, покрытой сорванными полевыми цветами, прижавшись друг к другу, сидят две девочки. Они сидят под одним платком, подобрав под себя босые ноги. Лёгкий ветер пробегает по поляне. На берёзе бьётся тонкая дощечка...

Васёк ещё издали видит двух девочек и свежую насыпь под берёзой. Сердце у него падает. Ребята в смятении останавливаются за его спиной.

— Кто-то умер...— хриплым шопотом говорит Васёк, не двигаясь с места.

Лида Зорина быстро поднимает голову, платок скользит с её плеч; она вскакивает, в упор смотрит на Васька остановившимися чёрными глазами, потом с криком протягивает вперёд руки:

— Нюра! Нюра! Трубачёв пришёл!

Нюра бросается к подруге, обнимает её за шею, и обе они громко плачут. Мальчики, тяжело волоча ноги, боязливо отходят к насыпи. На

берёзе сиротливо бьётся дощечка. На дощечке — короткая, скупая надпись:

> ***Здесь похоронены***
> ***учительница Марина Ивановна***
> ***и школьница Валя Степанова***

Нюра падает на сорванные цветы, обнимает тоненький ствол берёзы:

— Валечка! Валя! Трубачёв пришёл!

Глава 55

НОЧНОЙ СТУК

— Куда же вы пойдёте одни? Вы ж дети... — качая головой, говорит Мирониха.

Трубачёв молчит. Глаза у него слипаются от усталости и сытной пищи. Ребята тоже размякли. Петька, широко раскрыв рот, спит сидя. Сева давно уже лежит на скамейке. Одинцов, подперев рукой голову, дремлет над своей миской. Ему жалко отодвинуть миску, хоть она и пустая. Генка ест медленно, подставляя под ложку кусок хлеба и бережливо собирая крошки. Мазин, умильно глядя на Мирониху, просит вторую миску борща.

— Нельзя, Мазинчик, нельзя, — уговаривают его девочки. — Нельзя тебе сразу много есть... Ты можешь заболеть.

— Нельзя, нельзя, дети мои! — строго говорит Мирониха, убирая от Мазина пустую миску. — Сегодня уж так, а завтра я вам целый чугун борща наварю!

Маруська с жалостливой усмешкой в глазах подолгу смотрит на каждого из ребят и время от времени громко говорит:

— Дайте ж им хоть трохи покушать, мамо!

Мирониха со вздохом стелет на пол сенник:

— Ложитесь спать, хлопцы. Треба огонь тушить, а то как бы полицаи не завернули до нас. А завтра где-нибудь я вас пристрою... Может, на Жуковку до сторожа сведу...

«Завтра... завтра...» — бессильно склоняя голову на подушку, думает Васёк. Ребята падают рядом с ним; девочки отдают им свои простыни, одеяла. Спящего Петьку укладывает Мазин.

«Эх, Валя... Валя Степанова!» — вспоминает Васёк. Откуда-то, из самого краешка глаза, выбегает слеза и мокрым пятнышком расползается по подушке. Острая тоска схватывает за сердце, тревога отгоняет сон. Васёк видит перед собой весь утомительный путь, который они прошли. Лес, лес, лес... Где же Митя? Идёт ли он по их следам, знает ли он, что случилось с ними в селе? Зачем пойдёт он на пустую мельницу? А следы их и дорожные знаки начинаются только оттуда!

Ваську кажется вдруг, что все его надежды напрасны. Митя не придёт! Мирониха тоже, наверное, не знает, где искать партизан. И у себя она не может их оставить — у неё и так полна хата. Сон окончательно покидает Васька. Он облокачивается на подушку и не мигая смотрит на коптилку.

— Ну, чего зажурился, хлопчик? Тяжко тебе за главного быть? — Мирониха присаживается с ним рядом, гладит его по голове и растроганно говорит: — Спи, голубчик! Ты своё дело сде-

лал — довёл ребят. Теперь я об вас подумаю. Люди-то свои везде есть! Кругом они... Фашисты думают, как бы им партизан в кольцо взять, а партизаны давно уже фашистов в петлю загнали.

Мирониха тихо смеётся. Глаза её лучисто светятся в темноте, на щеках появляются ямочки. Васёк улыбается...

Тихий стук в окно пугает обоих. Мирониха бледнеет.

— Чужой стук... незнакомый, — шепчет она, приложив к губам ладонь.

Стук повторяется, у двери скрипит крыльцо.

Мирониха окидывает взглядом спящих ребят...

— Если что, скажи — из Жуковки... за грибами ходили... ночевать попросились, — быстро шепчет она Ваську и бежит к двери.

Васёк толкает ребят:

— Не спите! Не спите!

Нюра и Лида тревожно смотрят с печки, свесив вниз головы.

— Мирониха я и есть. Чего треба? — сурово спрашивает Мирониха, впуская в хату низенького человека с морщинистым лицом и выцветшими седыми бровями.

— Чего треба, то я и нашёл! Ясно! Человек не иголка! Это чьи ребятишки у тебя? — весело кивает он на ребят.

Ребята вскакивают. Сонный Бобик вылезает из-под стола и, виляя хвостом, обнюхивает гостя.

— Ба! И ты тут, скотинка, а? Скажи пожалуйста! — удивляется тот.

Мазин, расталкивая ребят, подходит сбоку и

беззастенчиво разглядывает знакомое старческое лицо с лукавыми светлыми глазами.

— Свой я, свой! Чего всполошилась, гражданочка? Разве чужие так ходят! От Мирона Дмитрича мы пришли... Стой, я товарища своего впущу... — Он поспешно идёт к двери и кашляет на крыльце.

Мирониха недоверчиво прислушивается.

— Это тот... тот, со свистком, — шепчет Ваську Мазин.

Дверь снова открывается. Высокий человек в длинном пальто сбрасывает щегольскую кепку.

Васёк бросается к нему:

— Митя!..

Ребята тесной кучкой окружают Митю, виснут на нём со всех сторон; девочки обнимают его за шею, гладят по лицу:

— Митя... Митя... Митенька!..

— Ой, мамо, мамо, — громко всхлипывает Маруська, — дайте ж им хоть трохи покушать!

Глава 56

В ПАРТИЗАНСКОМ ЛАГЕРЕ

За палаткой послышался шум. Николай Михайлович поднял голову.

— Узнайте, что там такое! — отрывисто сказал он, просматривая свежий листок фашистской газетки, только что доставленной связным.

Степан Ильич поспешно вышел.

Около землянки, где жила Оксана, собрались партизаны. Среди них слышались удивлённые восклицания, одобрительные возгласы, добро-

душные шутки. В центре этой кучки стояли ребята. Курточки и штаны почти у всех были разорваны и свисали бахромой на рукавах и коленках; волосы отросли и торчали вверх; за ушами Васька золотились рыжие колечки. Девочки в длинных кофтах выглядели не лучше. Зато красные пионерские галстуки были повязаны с особой тщательностью, свежевымытые щёки ребят блестели, и на лицах было написано безграничное счастье. Шёлковое знамя жарко и празднично алело над маленьким отрядом. Смущённые встречей с партизанами и необычайной обстановкой лагеря, мальчики искоса поглядывали на Митю и растерянно улыбались. Бобик, издавая тихое ворчанье и насторожённо подняв уши, вертелся под ногами.

— Эй, хлопцы, пополнение пришло! — шумели вокруг партизаны. — А худые — беда! Небось, не емши по лесу бегали!

— Зáраз треба их на продовольствие поставить!

— А чего ждать? Доложи командиру, — советовали Мите.

Степан Ильич шагнул в круг, широко раскрыл руки и захватил в свои объятия ребят:

— Эх вы, други мои! Соколята!

Ребята зашумели, заговорили все разом:

— Дядя Степан! Мы шли, шли...

— Мы всё лесом да лесом... Мы грибы ели...

— А вот наши девочки, дядя Степан! Это Лида и Нюра!

Васёк радостно прижался к колючей щеке дяди Степана.

— Золотой ты хлопчик, ридна моя кровь! — заглядывая ему в глаза, повторял Степан Ильич.

Партизаны, стоя вокруг, с волнением глядели на эту встречу. Приход пионеров в лагерь был для всех радостным событием, напоминавшим о мирной жизни.

— Галстуки сохранили! Вот это пионеры! Сталинцы!

— Эй, Сенька! Сходи за нашей маткою! Она тут все глаза проглядела поджидая.

Но Оксана, заслышав шум в лагере, уже торопливо шла от речки. Митя бросился ей навстречу.

— Привёл, привёл, Оксана Николаевна! — закричал он ещё издали, показывая на ребят. — Вот они!

Степан Ильич подтолкнул Васька:

— Беги, встречай! Ночи она не спала из-за вас...

Васёк бросился вперёд, но девочки опередили его:

— Тётечка! Тётечка!

Оксана тревожным быстрым взглядом охватила ребят, большими тёплыми руками прижала к себе их головы, ощупала острые плечи, торчащие лопатки, заглянула каждому в глаза:

— Птенчики вы мои бескрылые!

Партизаны смотрели на неё, крякали, вздыхали:

— Да... встретились, значит...

Оксана вдруг выпрямилась.

— Сенька! Топи баню! Ножницы неси! — скомандовала она свежим, молодым голосом.

Партизаны засмеялись:

— Сейчас вам, ребята, санобработка будет!

Степан Ильич вошёл в палатку с сияющим лицом:

— Прибыл Бурцев с ребятами!

Николай Михайлович улыбнулся:

— Нашлись? Ну-ну! Позаботьтесь там, чтоб их накормили. Пускай хорошенько отдохнут, а завтра мы их переправим через фронт. Часть можно будет на самолёте с Коноплянко. Как самочувствие Ильи Кондакова?

— Неважно... Изрешетили хлопца — смотреть страшно.

— Да, дорого ему обошлась Жуковка! Ну что ж, отправим в Москву на излечение. А Макитрючка что?

— Макитрючка ничего. «Скоро, говорит, встану». Просит считать здоровой.

— Ну, о ней мы тут позаботимся. А как насчёт Ульяны Леонтьевны? Устроили?

— Точно. Сегодня ночью перевезли с детьми в Семёновку.

Николай Михайлович кивнул головой:

— Хорошо. Попросите ко мне Мирона Дмитрича и Коноплянко.

* * *

Ребята сидели за длинным столом и ели густую гречневую кашу. К столу подошла Ко́стичка; улыбаясь, села рядом.

После казни деда Михайла Ко́стичка вместе с детьми ушла в лагерь к мужу. Увидев её, ребята обрадовались.

Генки не было; он ходил по лагерю — искал Гнедка́. Митя подозвал мальчика к себе:

— Сейчас, сейчас, Генка! Придёт твой Гнедко, не бойся!

— Не бачу я его... Може, убитый? — хмуро спросил Генка.

— Да нет! Сейчас сам увидишь! Экий ты недоверчивый!

Из-за деревьев выглянул Сенька. Он тянул на поводу стройного, высокого жеребца.

— Гнедко!..

Генка заложил в рот два пальца и тихонько свистнул. Жеребец ответил тихим радостным ржаньем и, высоко подкидывая спутанные передние ноги, поскакал навстречу хозяину. Генка обнял его голову, прижался к ней лицом и беззвучно заплакал. Конь мягкими чёрными губами трогал шею и руки Генки, глядел на него большими понимающими глазами и тихонько фыркал.

— Михайлов внук плаче, — хмуро говорили партизаны.

— Не мешайте ему, не подходите, — останавливал Митя.

Историю Генки и его коня хорошо знали в партизанском отряде.

Выплакавшись, Генка по-хозяйски осмотрел своего Гнедка́.

— На що звязали? — сердито сказал он Сеньке. — Освободи его... Он теперь от меня никуда не уйдёт.

Сенька послушно распутал верёвку на ногах жеребца. Генка осмотрел копыта коня, провёл рукой по мягкой спине и заметил след от седла.

— Плохо седлаешь... Так спину коню можно натереть! — строго сказал он, отпуская Гнедка́ и глядя ему вслед. — Овёс даёте?

— А як же! Всё даём — и овёс и хлебца даём, — торопливо уверил его Сенька.

Когда Генка вернулся к ребятам, глаза у него были красные, но блестели, и хмурое выражение лица смягчилось.

* * *

— Ешьте, ешьте! — угощал ребят Митя. Он чувствовал себя хозяином здешних мест и, радуясь впечатлению, которое произвёл на ребят лагерь, с мальчишеской гордостью говорил: — Вы что смотрите? Целый город у нас тут! Это ещё что! Мы ведь только что перебрались сюда, а вот подождите — укрепимся хорошенько...

После соединения с макаровцами лагерь расширился и стал походить на большую стройку. Место было выбрано для зимовки. Партизаны устраивали себе тёплое жильё. Слышался стук топоров, падали деревья, визжали пилы. Землянки строились прочные, с печами и маленькими окошками. Стол, за которым сидели ребята, издавал свежий смолистый запах. Для кухни было отведено особое место. Под навесом был сложен весь кухонный инвентарь, отбитый у фашистов. Были две просторные палатки для раненых. Ребята узнали, что за день до их прихода был совершён крупный налёт на Жуковку, спущен под откос поезд с эсэсовцами, взяты большие трофеи: ручные пулемёты, винтовки, обмундирование.

— Неплохо Гитлер вооружил нас! — смеялся Митя.

Пока Митя рассказывал, Мазин рыскал глазами по лагерю, оглядывая постройки и что-то соображая про себя. Тревогу его разделял Петька Русаков.

Ещё в дороге Митя сказал ребятам, что их отправят домой. Девочки, Саша и Сева Малютин искренне и шумно радовались. Одинцов тоже хотел домой, но он ждал, что скажет Васёк Трубачёв. Он всегда и во всём поддерживал товарища и расставаться с ним не хотел, несмотря на же-

лание ехать домой. Васёк задумался. Он, конечно, хотел бы воевать вместе с партизанами, но ослушаться взрослых не мог.

— Приказ — это всё! — подумав, сказал он Одинцову.

Генка вёл себя так, как будто слова Мити вовсе не касались его. Мазин и Русаков решили «отчаянно» просить командира оставить их в отряде.

— Я прямо запла́чу, Мазин! — серьёзно говорил Петька.

— Я тебе «заплачу»! Что ты, у тётеньки в племянники просишься, что ли? Ты в партизаны просишься у командира!

— Верно. Я лучше буду так смело говорить...

Мазин сделал гримасу:

— Тощий ты и маленький... не имеешь внушительного вида.

Петька с огорчением разглядывал себя:

— А ты скажи, что мне пятнадцать лет.

— Не дурак я, чтобы перед умными людьми врать! — огрызался Мазин.

Пока ребята ели, партизаны, занятые своими делами, издали разглядывали их.

— Рыжий — это, видать, командир. Весь отряд привёл!

— А тот, с краю сидит, глазастый, — говорят, вместе с дедом Михайлом работал!

— Эх, война! Всех зацепила!

— Вот глядишь — дети совсем! А у них уж свои герои есть, — качал головой бородатый старик, натачивая пилу. — А в чём дело? Дело в воспитании, тут ничего не скажешь.

— Воспитание советское... Строители будущего! В коммунизме будут жить! — откликнулся

военный, пришивая пуговицу к своей гимнастёрке.

— Крепкие ребята! Друг дружку в беде не бросали! — с уважением сказал молодой хлопец.

— А собачка-то откуда взялась? Для компании, что ли, привязалась к ним?

— Собака Ивана Матвеича. Бобиком зовут. Я на пасеке бывал, знаю!

У Бобика нашлись старые знакомые, но он держался около ребят и радостным визгом встречал Оксану. Он признавал в ней бывшую хозяйку.

* * *

После еды ребята долго плескались за дощатой перегородкой, где прямо на костре нагревался большой котёл воды. Оксана стригла и мыла ребят сама. Она по очереди тёрла им спины мочалкой, густо намыливая трофейным мылом. Волосы быстро и искусно подравнивала большими садовыми ножницами. По просьбе Васька, ему был оставлен небольшой чуб на лбу. Намылив одного, Оксана переходила к другому, потом ставила всех рядом и обливала из одного ведра. Ребята расшалились, бегали вокруг костра, боролись и хохотали до слёз. Оксана с улыбкой глядела на их шалости, давая им повеселиться; потом, найдя, что достаточно, натягивала на каждого длинную мужскую рубашку:

— Переспите ночку в этих, а завтра свои наденете.

Ребята, хлопая рукавами, бежали из бани в Оксанину землянку. Бобик мчался за ними. Партизаны хохотали:

— Вот так обрядила ты их, мамаша!

Девочки, уже умытые и чистенькие, сидели на нарах. В лесу быстро темнело. Оксана закрыла мешком маленькое оконце и зажгла коптилку.

Когда ребята уже улеглись, пришёл Степан Ильич. Мальчики подробно рассказали ему всё, что пришлось им пережить в эти дни. Степан Ильич хмурился, вздыхал. Об одном только не говорили ребята — о Вале Степановой, с которой они долго прощались, уходя из Макаровки.

Генки не было. Он пропадал у Гнедка́. Оксана мыла Генку последним и сама привела в землянку.

Степан Ильич ласково смотрел на мальчика — видимо, искал для него утешительных и ободряющих слов, но Генка был занят своими мыслями и только нетерпеливо спрашивал:

— Позовёт нас командир к себе?

— Может, и позовёт, — отвечал Степан Ильич, недоумевая, зачем Генке нужен командир. — Вот кончится война, прогоним гитлеровцев — и вернёмся мы с тобой, Генка, в село, будем вместе хозяйнувать. Михайлов внук — дорогой человек для нас... А пока поедешь ты с ребятами в Москву, будешь учиться...

Генка молча смотрел в угол землянки и думал что-то своё.

Когда Степан Ильич ушёл, в землянку вскочили Федька Гузь и Грицько. Их обветренные, загорелые лица сияли от радости:

— Здорово, товарищи́! Мы ж вас ще не бачилы! Нас на хутора посылали. Приходим, а дядя Степан говорит: «Нашлись наши пионеры».

Грицько долго жал всем по очереди руку. Ребята уселись в кружок на нарах; Федька рассказал, что эсэсовцы сожгли его село Ярыжки, что

ему с матерью удалось бежать в лес, где он наткнулся на подводу, которая везла с Жуковки трофеи. Партизаны взяли их в лагерь. Игнат ещё раньше ушёл из села.

— Далеко ушёл Игнат... Не скоро мы с ним побачимся теперь! — с грустью сказал Федька и шопотом поделился с ребятами своей тайной: — Мы с Игнатом под вязами своё знамя спрятали. Фашистам до него не добраться! Только я да Игнат место знаем!

— Это наши тогда в школе штаб взорвали. Генерала самого главного убили, — шепнул Грицько.

Ребята хотели расспросить его об этом подробнее, но, покосившись на Генку, промолчали.

— До побáчення! — весело сказали Федька Гузь и Грицько прощаясь.

* * *

Утром долговязый Сенька просунул в землянку голову:

— Мамаша, готовь ребят! Командир требует!

Ребята заволновались:

— К командиру нас требуют! К командиру!

Побежали за Генкой. Генка с утра, вооружившись скребницей, чистил партизанских коней. Начищенный до блеска Гнедко ходил за ним по пятам.

— Генка! Нас к командиру требуют!

Генка бросил скребницу, привязал Гнедкá:

— Пойдём!

Оксана надела на ребят чистые рубашки.

Прибежал Митя.

Маленький отряд торжественно выстроился

перед ним: галстуки были повязаны, знамя развёрнуто.

Митя оглядел ребят вблизи, оглядел издали, взъерошил свои волосы, щёлкнул пальцами:

— Пошли!

— Ать-два! Ать-два!

— Эх, барабана нет!

— Левой! Левой!

Партизаны, отрываясь от работы, глядели вслед.

У штабной палатки ребята остановились.

— Нале-во! Ать-два! Стой!

— Разрешите обратиться. Отряд Трубачёва прибыл! — доложил сияющий Митя.

Николай Михайлович и Мирон Дмитриевич вышли из палатки:

— Здоро́во, пионеры!

Ребята ответили дружным приветствием. По лесу раскатилось эхо и смолкло. Николай Михайлович пытливо и ласково посмотрел на ребят. Под усами Мирона Дмитриевича пробежала добрая усмешка, глаза заискрились.

Васёк отдал рапорт. Худой от пережитых лишений, бронзовый от загара, с золотистым чубом, он стоял под красным знаменем во главе своего отряда и казался гораздо старше того мальчика, которого однажды Николай Михайлович встретил в селе.

— Трубачёв!

— Есть Трубачёв!

Васёк сделал два шага вперёд. Николай Михайлович кивнул ему головой:

— Я слышал о тебе. Ты стойкий и мужественный мальчик.

Васёк вспыхнул, смешался:

— Я был не один... Со мной были товарищи!

— Сева Малютин!

Сева оглянулся на ребят, одёрнул курточку, робко шагнул вперёд.

Николай Михайлович взял его руку, ощутил в своей ладони тонкие, слабые пальцы.

— Так вот ты какой — Сева Малютин... — Николай Михайлович пригладил седой ёжик своих волос и тепло улыбнулся: — Спасибо тебе, Сева Малютин!

Мирон Дмитриевич откашлялся, потеребил свои усы, ещё раз откашлялся. Николай Михайлович мельком взглянул на него и снова повернулся к ребятам:

— Кто из вас внук нашего погибшего товарища, деда Михайла?

Все глаза сразу обратились к Генке. Он стоял прямо и не мигая смотрел в лицо Николаю Михайловичу блестящими тёмными глазами.

— Выйди... выйди... — зашептали ребята.

Генка не спеша вышел из строя. Николай Михайлович положил руку на его плечо:

— Твой дед умер как герой. Мы позаботимся о тебе...

— Гена, — подсказали ребята.

— ...да, Гена. Мы воспитаем тебя славным коммунистом, достойным своего деда... Ты поедешь вместе с ребятами...

— Я не поеду, — прервал его Генка.

Николай Михайлович поднял брови. Мирон Дмитриевич строго посмотрел на мальчика. Ребята переглянулись.

— Я никуда не поеду, товарищ начальник! — твёрдо повторил Генка. И вдруг, заметив строгий взгляд Мирона Дмитриевича, залился тём-

ным румянцем, гневно закричал: — Горит моя земля! Деда мой тут лежит! Куда я поеду?

Николай Михайлович быстрым движением руки остановил его. Наступило молчание.

— Одна мне дорога — Гитлера бить, — тихо сказал Генка.

Николай Михайлович задумался, пристально глядя на мальчика. Потом повернулся к Мирону Дмитриевичу:

— Зачислите в отряд Михайлова внука.

Генка вытер рукавом мокрый лоб и стал на своё место. Мазин и Русаков завистливо глядели на товарища.

— Давай проситься! — шепнул Петька.

— Не время, — хмуро ответил Мазин.

Николай Михайлович обратился к ребятам:

— Пионеры! От имени партизанского отряда передайте благодарность своим родителям и учителям, школе, которая воспитала вас честными людьми! А благодарность вашему вожатому я имею удовольствие выразить сам.

Николай Михайлович крепко пожал руку смущённому Мите. Ребята переглянулись, заулыбались. Николай Михайлович, видимо, хотел ещё что-то сказать и молча смотрел на них.

— У вас был ещё один товарищ... вернее, подруга.

— Валя... Валя Степанова... — послышались тихие голоса.

Наступило торжественное молчание. Ребятам показалось, что где-то среди них тихо шелестит ветвями тоненькая белая берёзка...

Мирон Дмитриевич выступил вперёд:

— От имени партизанского отряда даю клятву жестоко отомстить врагам за нашу пионерку

Валю, за учительницу Марину Ивановну, за наших дорогих товарищей! Тяжко заплатят нам фашистские палачи за эти могилы!

Глава 57

ДОМОЙ!

Ночью ждали самолёт из Москвы. Это был первый самолёт, который принимали партизаны с Большой земли. За лагерем расчищалась поляна — спешно готовилась посадочная площадка. Работами руководили Степан Ильич и Костя. Партизаны ровняли землю, срывали все бугорки, валили ближайшие деревья. Все радостно готовились к встрече. Это была первая живая связь с Москвой.

— Значит, прослышал про нас Сталин! — с гордостью говорили партизаны.

Николай Михайлович с волнением ждал указаний из Москвы, ждал нужных людей, которых обещали ему прислать в помощь разрастающемуся партизанскому движению. Имя Иосифа Виссарионовича было у всех на устах, имя вождя укрепляло силу и веру в победу. Ребята уже знали, что с этим самолётом будут отправлены в Москву девочки и Сева Малютин. Они полетят вместе с Коноплянко и ранеными бойцами.

Митя часто заглядывал к ребятам, радовался, глядя на них, просил передать письмо его старикам и при первой возможности написать о Сергее Николаевиче всё, что будет известно им самим. За дорогу от Макаровки до лагеря Митя успел подробно рассказать ребятам, как они с

Яковом напали на их следы, как шли по реке до мельницы, как прочитали написанные мелом слова, как обрадовались, найдя первый дорожный знак. Ребята с интересом слушали этот рассказ. Яков дополнял его шутками.

Теперь новые события целиком захватили ребят. Снова предстояла им разлука! Сева и девочки улетали первыми, за ними на рассвете Митя и Яков должны были увести Трубачёва и остальных — им предстоял переход через линию фронта. Генка оставался в отряде.

Ребята не отходили друг от друга. Без конца прощались, давали тысячи обещаний, уславливались о месте встречи.

— Мы сейчас же побежим к вашим родителям! Мы скажем, чтоб они не плакали, что вы скоро приедете! — говорили девочки.

Потом обнимали Митю, со слезами просили:

— Митя, возвратись к нам опять! Если ранят тебя, мы будем за тобой ухаживать, только живи, Митя!

Сева Малютин обнимал всех по очереди; он всех любил, разлука пугала его. Подолгу сидел он с Генкой, не зная, что сказать ему на прощанье. Генка осторожно брал Севину руку, перебирал его пальцы; лицо у него становилось нежным, глаза мягко блестели:

— Ты мне на всю жизнь товарищ, Севка! Только, может, и не доведётся нам больше встретиться.

— Нет, нет! — горячо говорил Сева. — Одна у нас дорога. Ты увидишь: пройдёт война, и мы опять будем вместе!

Мазин и Русаков не находили себе места. Кое-как, правдами и неправдами, им удалось

пробраться к Николаю Михайловичу, но Николай Михайлович наотрез отказал им в просьбе остаться в партизанском отряде. Они пошли в «госпиталь» к Макитрючке, чтоб на всякий случай заручиться её согласием. Макитрючка встретила их ласково.

— Ох, вы ж мои вояки дорогие! — сказала она.

Мазин и Русаков с уважением смотрели на перевязанную голову Макитрючки, на забинтованную, круглую, как мяч, кисть руки. Они знали, что Макитрючка в день казни деда Михайла первая бросила гранату в гитлеровский штаб на селе.

— Мы, тётя, с вами бы остались... — осторожно сказал Мазин.

— Як то «остались»? Я ж вас брать без разрешения начальника никакого права не имею, — отвечала Макитрючка. — Да и сама в лагере не сижу. Кругом фашисты, чтоб они сгорели! Мне сидеть нема колы, я ж их, чертей, на тот свет гоняю...

Мазин и Русаков ушли ни с чем. Обошли постройки, заглянули под навес конюшни. Там сидели Митя с Генкой. Они говорили о Гнедке. Конь стоял тут же.

— Ты спас мне жизнь, отдал мне своего коня! — растроганно говорил Митя.

— Я его воспитывал для бойца — бойцу и отдал. А теперь вместе воевать будем! — радостно отвечал Генка.

Мазин и Русаков на цыпочках прошли мимо.

За ужином Мазин подошёл к Трубачёву, долго смотрел на него ласковыми и грустными глазами, словно что-то решая про себя, потом неожиданно и горячо обнял товарища:

— Мы с тобой везде вместе были, самое страшное переживали вместе... Я к тебе привык, Трубачёв...

— И я к тебе, Мазин, — удивлённый его лаской, ответил Васёк. — Мы теперь никогда не расстанемся, что бы ни было, — правда, Мазин?

— Правда, — улыбнулся Мазин и, кликнув Петьку, строго сказал ему: — Собирайся!

— Куда? — взмахнул ресницами Петька.

— В тыл. К маме, — решительно ответил Мазин.

* * *

К вечеру на площадке зажгли костры — самолёт должен был издалека видеть место посадки. Выставили дозоры, боясь привлечь внимание врагов. Тихо беседуя между собой, стояли партизаны. Николай Михайлович с Мироном Дмитриевичем были тут же. На носилках принесли раненых. Товарищи подходили к ним, говорили ободряющие слова, прощались. Яков Пряник, присев на корточки, с чувством говорил Илье:

— Возвращайся, друг! Вместе мы к лесному костру пришли... Возвращайся, боец...

Илья глухо кашлял:

— Не скучай обо мне, Яша! Вернусь я — будем вместе врага бить. А если что... бей его за двоих!

Васёк и Саша, разговаривая с Генкой, прошли мимо раненых. Около Ильи Саша вдруг остановился. Лицо партизана показалось ему знакомым. Какая-то давнишняя боль сжала сердце.

Илья тоже напряжённо вглядывался в лицо мальчика, потом губы его раздвинулись медленной улыбкой. Он выпростал из-под одеяла руку и, поманив Сашу к себе, хрипло сказал:

— Вот где свиделись... Слышь, хлопчик, хлеб-то твой взял я тогда...

Саша нагнулся к раненому:

— А я всё думал о вас, всё думал... — Радостное волненье мешало ему говорить, да и слов не находилось. Важно было одно: хлеб он тогда взял! — Я всю жизнь бы думал о вас... — повторял Саша.

Илья ласково и удивлённо смотрел на мальчика.

Ребята, готовые к отъезду, стояли маленькой кучкой. К ним подходил Степан Ильич, брал в свои большие ладони их руки, шутил:

— Отвоевались, соколы?

Оксана повязывала ребят платками, совала им в руки байковое одеяло, тихо говорила:

— Если доведётся где Сергея Николаевича повидать, скажите ему — отец умер, а сестра жива... помнит его...

Партизаны ждали. Шопотом переговаривались между собой. Прислушивались. Никто не ложился спать в эту ночь. В тишине раздался гул моторов. Все встрепенулись, задвигались, подняли головы. Костры ярко вспыхнули.

— Летит! Летит!

Из-за облаков вынырнул самолёт и, плавно кружась, пошёл на посадку. Люди, толпясь, побежали, размахивая шапками. Посадка прошла благополучно. Шумно приветствовали партизаны приезжих. Засыпали их вопросами о фронте, о Красной Армии, о Москве. Партизаны разгружали ценный груз. Николай Михайлович знакомился с новыми товарищами. Через полчаса самолёт снова поднялся в воздух. Проплыл над поляной и исчез... С ним улетели девочки и Сева Малютин.

— До свиданья, до свиданья, до свиданья! — махали им вслед ребята.

Генка, закинув голову, долго смотрел на облака, за которыми скрылся самолёт, увозивший Севу. Потом порывисто сжал плечи Васька:

— Всех я вас полюбил!..

Площадка медленно пустела.

— Улетели! Теперь ваш черёд, — улыбнулся ребятам Степан Ильич.

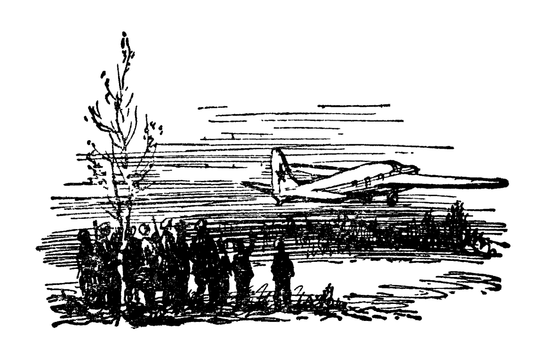
На рассвете Васёк, Саша, Коля Одинцов и Мазин с Русаковым вышли из лагеря. Мальчиков сопровождали Митя и Яков Пряник.

Ночью шёл дождь. Лес был мокрый, тяжёлый, под ногами лежали осыпавшиеся листья.

Васёк оглянулся на лагерь. Там оставались близкие, родные ему люди. Сердце Васька ещё не могло оторваться от них. А впереди уже занималась заря, и в её мягком, тёплом свете чудились высокие башни Кремля, маленький городок под Москвой, родной дом и школа...

Васёк сорвал с головы тюбетейку:

— Прощай, Украина!

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО
ВОЗРАСТА

Ответственный редактор **Л. Гульбинская.**
Художественный редактор **С. Алянский.**
Технический редактор **В. Голубева.**
Корректоры **Е. Вильтер** и **Е Кайрукштис.**
Сдано в набор 23/XII 1952 г. Подписано к печати 11/III 1953 г. Формат 84 × 108 1/32 — 6 бум. = 19,72 печ. л. (15,75 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. А00492. Заказ № 1629.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 6 р. 30 к.

В. ОСЁЕВА

ВАСЁК ТРУБАЧЁВ и ЕГО ТОВАРИЩИ

КНИГА ВТОРАЯ

В. ОСЕЕВА

ВАСЁК ТРУБАЧЁВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

ДЕТГИЗ · 1953